

Цымбаленко С.Б.

**Путешествие в мир информации,
или
«Как информационно-коммуникативные процессы
меняют мир,
общество,
человека»**

Москва
Издательство РУДН
2015

УДК 316.6; 37.013
ББК

Работа выполнена в рамках проекта
«Создание информационно-образовательного медиахолдинга
для развития медиакультуры учащихся г. Москвы»
при поддержке Департамента образования города Москвы.

Научный редактор

А.В. Гагарин — доктор педагогических наук, профессор.

Рецензенты:

В.П. Синячкин — доктор филологических наук,

И.В. Жилавская — кандидат филологических наук.

Консультанты:

А.А. Деркач — действ. чл. РАО, доктор психологических наук, профессор,

А.Я. Школьник — президент Лиги юных журналистов,
кандидат педагогических наук.

Цымбаленко С.Б.

Путешествие в мир информации, или «Как информационно-коммуникативные процессы меняют мир, общество, человека». Монография / С.Б. Цымбаленко. — М., РУДН: 2015.— 119 с.

Литературный редактор и корректор — Новиков С.О.

Книга выполнена в монографическом ключе и содержит в себе три аналитических очерка, логически связанных между собой ключевой идеей о роли информационно-коммуникативных процессов в мировом, социальном и личностном развитии.

Предлагается оригинальная схема осмысления данной идеи с опорой на разные точки зрения учёных и практиков, в связи с чем автор не только приводит мысли исследователей и размышляет сам, но и формулирует важные позиции, обозначая место человека в современных информационно-коммуникативных процессах, впервые раскрывает важнейшую роль подрастающего поколения в информационной глобализации.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, его содержание будет полезно и понятно как специалистам, так и старшеклассникам и их родителям.

ISBN

© Цымбаленко С.Б., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Важные определения	5
<i>Очерк первый.</i>	
Информация и коммуникация в мировом и социальном развитии, или «О диалоге поколений и родовом свойстве человека»	9
<i>Часть первая.</i> Что такое информация, коммуникация и коммуникативность. Их взаимосвязь и соотношение.	10
<i>Часть вторая.</i> Мировое и социальное развитие: информационно-коммуникативная составляющая	18.
<i>Часть третья.</i> Развитие человека и общества: информационно-психологическая связь.	25
<i>Очерк второй.</i>	
Развитие информационного общества, или «О коммуникативной связи человека с миром»	29
<i>Часть первая.</i> Возникновение и изменение средств коммуникации и обработки информации (история коммуникативной связи человека с миром).	30
<i>Часть вторая.</i> Развитие информационно-коммуникативных социумов (современные тенденции и противоречия).	50
<i>Часть третья.</i> Взгляд в будущее: информационная целостность общества как движение к инфосфере и ноосфере.	70
<i>Очерк третий.</i>	
Становление человека как информационной системы, или «О медиапоколении, Интернете и «глобальных» детях».	75
<i>Часть первая.</i> Развитие личности как отражение истории развития информационно-коммуникативных социумов.	76
<i>Часть вторая.</i> Коммуникативный субъект информационного пространства как разновозрастная психологическая система.	97
<i>Часть третья.</i> Развитие подрастающего поколения в информационно-коммуникативных взаимодействиях.	101
Послесловие	115
Литература	116

■ ПРЕДИСЛОВИЕ.

Уважаемый Читатель!

Вы держите в руках книгу, в которой предпринята попытка совершить путешествие в мир информации в поисках ответов на вопросы, волнующие сегодня как учёных, так и важные для всего нашего общества.

Информация и коммуникация. Эти слова сегодня на устах у всех. Почему?

Да потому, что человечество вступило в новую и решающую (знаниевую) фазу формирования своего общества.

Правда, сразу оговоримся, что по этому поводу у специалистов имеются различные мнения. Но это сейчас.

А началось все с того, что уже в конце 1950-х годов две проблемы взволновали людей. И обе они были связаны ни с чем иным, как с информацией и коммуникацией.

Проблема первая состояла в том, что все стороны жизнедеятельности людей стали зависимы от информационных технологий и связанных с ними процессов. Другими словами, информационные взаимодействия (или коммуникации) приобрели глобальный характер, связывая людей, независимо от расстояния и временных пластов. Этот процесс нарастал в геометрической прогрессии, по сложности, масштабам и скорости принял революционный характер, стремительно изменяя общество. Футуролог Дэниел Белл обозначил новую фазу развития цивилизации как «информационное общество». Это общество, где главенствуют знания — «ноосфера».

Вторая проблема связана с изменением роли подрастающего поколения как равноправного и значимого субъекта социального развития. Этнограф Маргарет Мид, основываясь на этнографических исследованиях, обосновала роль подрастающего поколения как «эксперта будущего в настоящем». Увидела необходимость взаимообогащающего диалога взрослой и юной частей общества и показала, что межпоколенческий диалог становится важнейшим фактором социального прогресса.

Две проблемы, как оси современных цивилизационных процессов, взаимно обуславливают друг друга. Чтобы понять эту взаимосвязь, прежде всего, необходимо ответить на следующие вопросы:

«Информационные процессы существуют только в обществе или имеют глубинное основание в мировом развитии?»

«Каковы особенности формирования человека и человечества как информационных систем на этапе их становления?»

«Каковы объективные закономерности, механизмы, этапы развития информационного пространства общества?»

«Какова роль подрастающего поколения в его формировании?»

Научное исследование сродни путешествию в новые малоизведанные миры.

Попробуем и мы с помощью авторитетных учёных и мыслителей заглянуть в прошлое, настоящее и будущее информационного общества.

Искренне надеюсь, что наше путешествие будет интересно всем. Как учёным и педагогам, так и старшеклассникам, их родителям, а также самой широкой аудитории.

А для того, чтобы путешествие было не только интересным, доступным, но и научным, наше повествование начнём с определения важных для нас понятий, которые используются в книге.

Ваш Автор

■ ВАЖНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ*.

Взаимодействие (в психологии) — **психологическое взаимодействие** — процесс непосредственного или опосредованного воздействия объектов (*субъектов***) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь. Каждая из взаимодействующих сторон выступает как причина другой и, как следствие, одновременного обратного влияния противоположной стороны. Это и обуславливает развитие объектов (субъектов) и их структур. Если в процессе взаимодействия обнаруживается противоречие, то оно выступает источником самодвижения и саморазвития структур.

Деятельность (человека) — активное взаимодействие человека с окружающим миром, в ходе которого он целенаправленно воздействует на него, изменяет его и за счёт этого удовлетворяет свои потребности, в том числе изменяя самого себя (например, удовлетворяя потребность в саморазвитии). В структуре деятельности выделяют: мотивы, побуждающие *субъект* к деятельности, а также цели — прогнозируемые результаты этой деятельности; а также операции, с помощью которых деятельность реализуется.

Диалог поколений — см. *межпоколенческий диалог*.

Знание — форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека. В широком смысле — субъективный образ реальности в форме понятий и представлений. В узком смысле — обладание проверенной информацией (ответами на вопросы), позволяющей решать поставленную задачу. В теории искусственного интеллекта и экспертных систем — совокупность информации о мире, свойствах объектов, закономерностях процессов и явлений, а также правилах использования их для принятия решений.

Индивидуализация — выделение личности или особи по её индивидуальным свойствам; принятие во внимание особенностей каждого индивидуума; выделение человека, как относительно самостоятельного субъекта, в ходе исторического развития обществ и отношений.

Информационная личность — человек, взаимодействующий с информацией на основе коммуникативной активности, в результате чего происходит развитие особых личностных свойств (информационных качеств), важнейшим из которых является *коммуникативность*.

Информационно-коммуникативная цивилизация — глобальное общество будущего, такое мировое сообщество, где основным фактором и формой прогресса становится *межпоколенческое взаимодействие* (по мнению автора, подрастающее поколение с опережением, стихийно, уже живёт по модели коллективного интеллекта, используя для принятия решений коммуникацию со сверстниками и взрослыми).

Информационно-коммуникативные взаимодействия — *психологическое взаимодействие* субъектов по обмену информацией, ее обогащению, приданию смыслов.

Информационно-коммуникативный процесс — процесс накопления и обмена информацией в условиях равноправной коммуникации (общения) субъектов *информационно-коммуникативного социума*, включая их *межпоколенческий диалог*.

---

* В разделе приведены определения понятий, автор которых придерживается, но не претендует при этом на их оригинальность, однозначность и завершённость. В процессе дефиниции данных понятий были использованы интернет-ресурсы, прежде всего <http://dic.academic.ru/> и ru.wikipedia.org/wiki.

**Курсивом выделены термины, определение понятий которых также можно найти в данном разделе.

Информационно-коммуникативное общество — совокупность *информационно-коммуникативных социумов*, неразрывно связанных, взаимопроникающих и взаимодействующих друг с другом, что позволяет коллективно, в диалоге вырабатывать и осмысливать знания, принимать решения, изменять на основе знаниевой информации мир.

Информационно-коммуникативный социум — высший уровень развития социума, для которого характерна равноправность и интенсивность диалога (*психологического взаимодействия*) его субъектов, широта и глубина коммуникативных отношений на различных уровнях коммуникации: интраперсональном (внутриличностном), межличностном, представительском, групповом, массовом, межпоколенческом (см. *межпоколенческий диалог*).

Информационно-психологическое пространство — система информационных процессов общества, коммуникаций человека и мира (окружения), человека и человека (общества). Результатом коммуникации человека с объективным миром становится «очеловечивание», психологизация последнего. При этом коммуникация и информация являются важнейшими факторами и механизмами саморазвития систем: от природных объектов до общества.

Информационное общество — общество, для которого характерно увеличение роли информации, знаний и информационных технологий в жизнедеятельности человека. По определению Никиты Николаевича Моисеева, академика, видного учёного в области общей механики и прикладной математики, — «это этап истории человечества, когда Коллективный Разум становится не только опорой развития вида *Homo Sapiens*, но и объектом целенаправленных усилий по его совершенствованию» [55, с. 82]. В свою очередь, Коллективный Разум (коллективный интеллект) — это системное свойство совокупности индивидуальных разумов людей, способных обмениваться информацией, формировать общее миропонимание, коллективную память и, может быть, самое главное — принимать коллективные решения.

Информационное пространство — совокупность объектов, вступающих друг с другом в информационное взаимодействие, а также сами технологии, обеспечивающие это взаимодействие. Оно образуется информационными ресурсами, средствами информационного взаимодействия и информационной инфраструктурой.

Субъект (информационного пространства) — человек, группа или социум-общество любого уровня, качества и целенаправленности, которые в процессе своей *деятельности* создают информацию, присваивают ее, накапливают и передают, используя при этом современные средства массовой информации и способы коммуникации.

Информация — сведения, передаваемые людьми друг другу устным, письменным или другим способом; в коммуникативистике — обмены информацией между человеком и автоматом, автоматом и автоматом, сигнальные связи в животном мире. Экономист и исследователь Сергей Алексеевич Дятлов, как и многие другие учёные, считает информацию универсальной общенаучной категорией, субстанцией разнообразных социально-экономических явлений и процессов. В социальном (информационном) смысле вся совокупность производительных сил общества (средства производства, предметы потребления, технология, научное знание, сами люди как носители способности к труду и потреблению) есть, прежде всего, социальные продукты целесообразной деятельности всей человеческой цивилизации, всех когда-либо живших и ныне живущих поколений людей. Между нынешним и прошлыми поколениями людей существует закономерная связь, которая по своей глубинной сути есть информационная связь [23], см. также *межпоколенческий диалог*.

Инфосфера — *информационно-психологическое пространство* как составная часть ноосферы. Возможность для возникновения данного типа реальности создаётся современной эволюцией средств обработки информации и способов коммуникации. Данный процесс можно назвать «психологизацией мира», созданием инфосферы нового типа объективной реальности (*информационно-психологического пространства*) — ноосферы.

Каналы (средства) информации и коммуникации — совокупность устройств, предметов или объектов, предназначенных для передачи информации от одного субъекта, именуемого источником, к другому, именуемому приёмником (аудитория).

Коммуникативность (от латинского слова — «соединяющийся», «сообщающийся») — способность, склонность человека к коммуникации (передаче информации в процессе общения), к установлению контактов, связей общения. Это и качество (свойство) личности, отражающее предрасположенность человека к общению, к установлению контактов, связей, отношений (внешне проявляется как общительность). Важнейшее свойство, определяющее феномен «*информационной личности*».

Коммуникативный субъект — субъект, принимающий участие в актах общения (коммуникации, *деятельности*, связанной с общением, то есть в коммуникативном взаимодействии), при этом вне этих актов не существующий.

Коммуникация (от латинского слова — «обмен», «связь», «разговор») — обмен информацией между сложными динамическими системами и их частями, которые в состоянии принимать информацию, накапливать ее и преобразовывать. Коммуникация бывает *массовая* (когда социальная информация доступна большому числу людей) и *межличностная* (когда создатели информационной продукции находятся в непосредственном контакте со своей аудиторией).

Межпоколенческий диалог (по определению социолога и исследователя Павла Сергеевича Макеева) — процесс взаимодействия между представителями двух или более поколенческих групп (когорт), направленный на передачу, критическое осмысление, воспроизводство социального опыта и его развитие, модернизацию [46].

«Очеловечивание» — она же «*субъектификация*». В психологии: процесс наделяния окружающих объектов (или объекта) человеческими качествами, качествами субъекта. В данной книге — изменение объективной реальности человеком в соответствии с осознанием законов ее существования, тенденциями развития и потребностями общества, включение в субстрат человечества.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.
ИНФОРМАЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ
В МИРОВОМ И СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ,
ИЛИ
«О ДИАЛОГЕ ПОКОЛЕНИЙ
И РОДОВОМ СВОЙСТВЕ ЧЕЛОВЕКА»

Часть первая.

Что такое информация, коммуникация и коммуникативность.
Их взаимосвязь и соотношение.

Часть вторая.

Мировое и социальное развитие:
информационно-коммуникативная составляющая.

Часть третья.

Развитие человека и общества: информационно-психологическая связь.

Часть первая.

Что такое информация, коммуникация и коммуникативность?

Их взаимосвязь и соотношение.

Какова суть понятий «информация», «коммуникация», «коммуникативность»? Чем отличается информация от коммуникации, и как они соотносятся? В чем отличие и сходство коммуникации и коммуникативности? Где социальный процесс, а где свойство личности? Как связаны информация и коммуникативность? Какова роль коммуникативности в обмене информацией между людьми?

Такие вопросы наверняка возникнут и у тебя, Уважаемый Читатель, когда ты впервые возьмёшь в руки эту книгу.

Поэтому в данном разделе мы сделаем попытку ответить на эти вопросы и приведём анализ перечисленных и других важных понятий, которые связаны с *информационно-коммуникативными процессами*. К этим понятиям мы будем обращаться и возвращаться постоянно.

В предыдущем разделе по алфавиту приводятся объяснения таких важных понятий, раскрывающих информационную систему мира, как «информация», «коммуникация» и «коммуникативность», а также связанных с ними категорий (рис. 1).

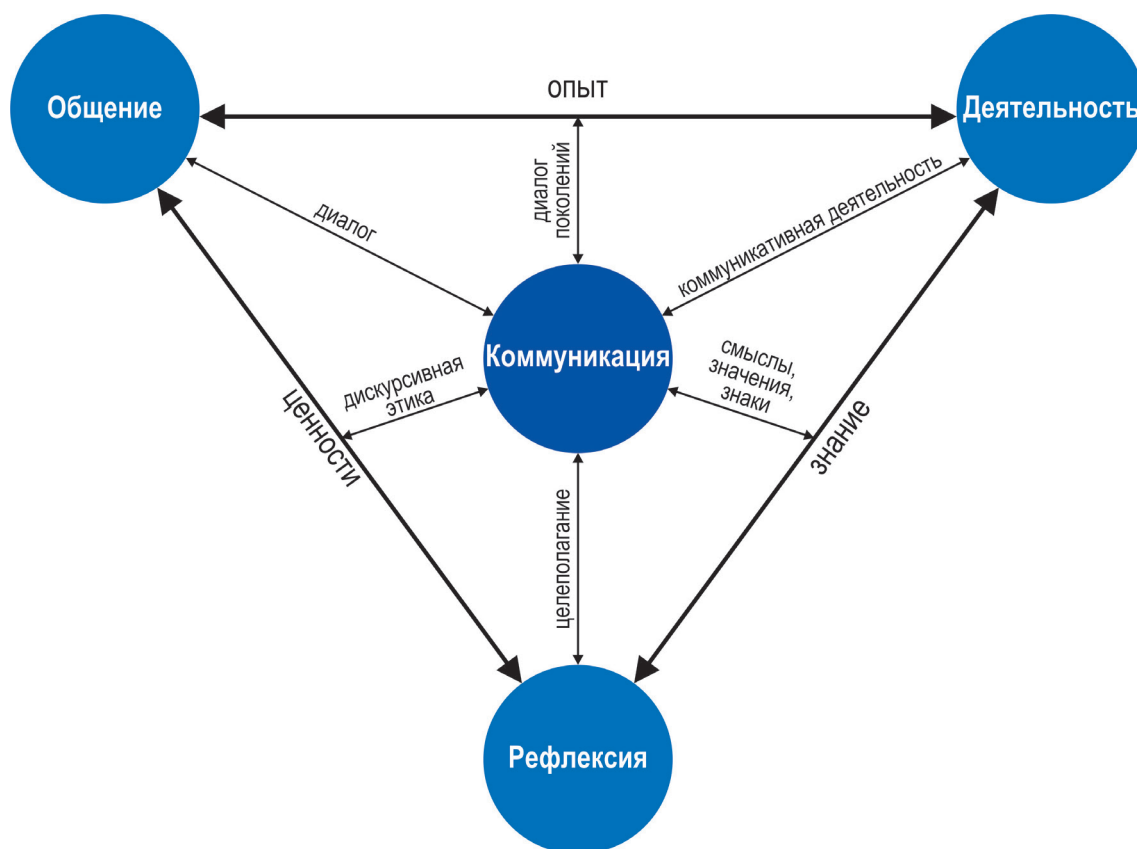

Рис. 1. Сеть категорий, связанных с коммуникацией.

Кроме того, ряд других понятий, используемых нами, при первом употреблении в основных разделах книги (ниже) выделены курсивом, это означает, что их определения также можно найти в разделе «Важные дефиниции».

Итак, Уважаемый Читатель, начнём с того, что любая научная концепция, картина действительности строится на научных понятиях, которые являются результатом теоретического познания, выражают обобщённую сущность класса предметов на определённом этапе развития научного знания. Это своеобразная навигационная карта для путешествия в мир информации, от точности которой зависит результативность нашего предприятия.

Коммуникация и общение, информация и коммуникативность (понятие об информационно-коммуникативных процессах)

Понятия «коммуникация» и «общение» долгое время рассматривались как тождественные, либо как часть и целое.

Как для отождествления понятий коммуникации и общения, так и для рассмотрения коммуникации как части общения, были определённые основания.

Ещё в XIX веке коммуникация рассматривалась в ее **инженерно-техническом** значении как «пути, дороги, средства связи мест» (Владимир Иванович Даль, русский учёный и лексикограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка»).

И лишь в XX веке, с возникновением и развитием кибернетики, новых информационных технологий, теорий информационного общества, термин приобретает более широкое и научное звучание, спектр его значений расширяется.

Например, Чарльз Кули, американский социальный психолог, определяет коммуникацию как «механизм, посредством которого обеспечивается существование и развитие человеческих отношений, включающий в себя все мыслительные символы, средства их передачи в пространстве и сохранение во времени» [34].

Но для Колина Черри, английского учёного в области общей теории связи, кибернетики и психологии, это, в широком смысле слова, социальное объединение индивидов с помощью языка или знаков, установление общезначимых наборов правил для различной целенаправленной *деятельности* [91].

Наконец, Аркадий Дмитриевич Урсул, философ и методолог науки о безопасности и устойчивом развитии, трактует коммуникацию как обмен информацией между сложными динамическими системами и их частями, которые в состоянии принимать информацию, накапливать ее и преобразовывать [77], то есть выводит это понятие за рамки только психологических систем.

Трактовка коммуникации как однонаправленного процесса обусловлена технократическим подходом.

Так, теория коммуникации в формализованном виде, который ей придал Роман Осипович Якобсон, российский и американский лингвист и литературовед, в качестве базовой единицы рассматривает последовательность: передатчик ё сообщение — приёмник (кодировщик — сообщение — декодер). Коммуникация им рассматривается как векторный, линейный и однонаправленный процесс. А вот термин «информация» был предложен американским учёным-электронщиком Ральфом Хартли на Международном конгрессе 1927 года как предмет коммуникации, который, в свою очередь, может быть речью, письмом и др. По его мнению, коммуникация осуществляется посредством сим-

волов, которые передают «значение». Хартли стремился исключить психологический фактор и измерить информацию «в терминах чистых физических количеств» [19, с. 215].

Основатель теории информации, американский инженер и математик Клод Шеннон, действуя в этом направлении, рассматривал канал информации как объект строгого инженерного мышления с задачей сокращать помехи, шумы при передаче сообщений. Отобразив процесс передачи и получения информации в терминах математики и вероятностей, он смог отделить идею сообщения от его физических деталей. Он также предложил измерять количество информации через понятие «энтропии»: меры неупорядоченности, неопределенности системы. Определенное сообщение сокращает энтропию во множестве возможных сообщений.

Норберт Винер, американский математик и философ, основоположник кибернетики и теории искусственного интеллекта, полемизируя с Шенноном, одним из первых обратил внимание на обратную связь, как механизм информационно-коммуникативных процессов: «Информация — это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших органов чувств, приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде» [14, с. 14]. Имеет место действие Второго Закона термодинамики, если нет подпитки дополнительной информацией из памяти или других источников. Винер утверждал, что в обществе энтропия не возрастает благодаря организации и ее корреляту — информации [14, с. 27], «информация есть мера организации» [14, с. 115]. Данный подход раскрывает информацию как содержательный процесс, уменьшение энтропии.

Немецкий писатель Ханс Магнус Энциенсбергер полагал, что современный порядок сводит медиа до простых средств распространения, тогда как из них нужно сделать настоящие средства коммуникации, приобщив массы к производству информации.

Жан Бодрийяр, французский социолог, культуролог и философ-постмодернист, критически оценивает подобный подход. По его мнению, увеличение числа медиа, которым владеют частные лица, не является решением проблемы; если каждый снимет своё кино, получится частное дилетантство. В сетевых моделях («диалектика схем»), где передатчик и приёмник одновременно располагаются на двух сторонах, есть лишь люди, которые отвечают друг другу, манипулирование становится взаимным [10, с. 228].

Понятийный кризис для своего разрешения требует междисциплинарного подхода, где определяющее значение имеют **философия** и **психология**.

Моисей Самойлович Каган, философ и культуролог, писал, что с **философских** позиций «общение имеет и практический, материальный, и духовный, информационный, и практически-духовный характер, тогда как коммуникация... является чисто информационным процессом — передачей тех или иных сообщений». При этом коммуникация рассматривается как субъект-объектная однонаправленная связь, а общение является субъект-субъектной связью, при которой «нет отправителя и получателя сообщений — есть собеседники, соучастники общего дела» [28, с. 143-146].

Аркадий Васильевич Соколов, исследователь в сфере информатики и социальных коммуникаций, наоборот, считал, что общение — одна из сторон коммуникации. Он выделяет три варианта коммуникации: субъект-субъектное отношение в виде диалога равноправных партнёров (общение), субъект-объектное отношение (управление), объект-субъектное отношение (подражание) [69, с. 24-28].

С **психологических** позиций, коммуникация и общение есть единый процесс. Так, например, в «Психологическом словаре» под редакцией В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова [62] дана отсылка: «Коммуникация, см. *Общение*». Общение же определя-

ется как «*взаимодействие* двух или более людей, состоящее в обмене между ними информацией познавательного или аффективного характера». Другие психологи, например, Мая Ивановна Лисина, исследуя проблему роли общения в становлении личности ребёнка, исходила из того, что общение и коммуникативная деятельность — это синонимы [40, с. 28].

Борис Дмитриевич Парыгин, философ и психолог, утверждает: «Вся совокупность социальных отношений общества, независимо от их масштабности (микро- или макро- среда), может рассматриваться как одно из проявлений и результатов общения между людьми» [58, с. 46].

Социальный психолог и социолог Галина Михайловна Андреева предложила выделять в структуре общения три взаимосвязанные стороны: коммуникативную (обмен информацией), интерактивную (организация взаимодействия, обмен действиями) и перцептивную (восприятие и познание друг друга партнёрами) [3, с. 95].

Интеграция философских и психологических идей и позиций, в отношении к *информационно-коммуникативным процессам*, позволяет говорить о том, что коммуникация и общение не соотносятся друг с другом как часть и целое.

Они раскрывают различные аспекты многогранного *взаимодействия* субъектов и объектов в мире и обществе. Коммуникация и соответствующий ей обмен информацией являются существенной стороной и средством, способом общения. Общение, в широком плане, не сводимо к коммуникации и может быть рассмотрено как особая форма духовной деятельности, способ регуляции, единения субъектов, в том числе и с материальными, в целом, культурными ценностями предшествующих поколений [28, с. 51].

С другой стороны, коммуникация оказывается шире, так как этот процесс имеет место в неорганическом мире, является предпосылкой и объективной основой возникновения общения как социального феномена. Данные конкретных наук подтверждают всеобщность информации и коммуникации как необходимых свойств, условий и механизмов прогрессивного развития.

На самом деле, многообразие определений коммуникации, трактовок соотношения коммуникации и общения отражает различные аспекты *информационно-коммуникативных процессов* на этапе их интенсивного изучения.

Для нас принципиальна та сторона этих процессов, которая отражает способность человека использовать и накапливать информацию в ходе соответствующих *информационно-коммуникативных взаимодействий*.

Такие взаимодействия есть важнейший механизм не только функционирования и сохранения стабильности, но и новообразования систем, их прорыва к высшему уровню.

Эти взаимодействия есть объективная основа информационно-коммуникативных процессов, которые порождаются и протекают на пересечении *информационного пространства* (как внешней среды) и коммуникативной активности личности (как внутреннего фактора ее развития).

И тогда речь должна идти о *межличностной коммуникации*, где коммуникация и общение взаимосвязаны, они дополняют друг друга и способствуют усвоению и созиданию человеком общественных отношений, определяя отбор и осмысление значимой информации, его социализации и индивидуализации, самовоспитанию и самообразованию.

Коммуникация как «родовое свойство» человека (понятие об информационно-психологическом пространстве)

Итак, информационно-коммуникативные процессы возникают и протекают в информационном пространстве, которое можно определить как систему циркуляции информации в абстрактной, предельно обобщённой форме, в самоуправляющихся и самокорректирующихся системах, социумах и обществе в целом.

Философия и психология дают этому убедительные основания и раскрывают соответствующие механизмы.

Так, Сергей Леонидович Рубинштейн, один из крупнейших советских психологов и философов, отмечал, что общение, коммуникация — прежде всего «родовое свойство человека, которое раскрывается через отношение одного человека к другому» [66, с. 65].

По убеждению немецкого философа Карла Маркса, живой человеческий индивид формируется и развивается как личность благодаря усвоению общественных отношений, «действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений» [50, с. 36], как прямых, так и косвенных, как современных ему, так и предшествующих. Освоенные общественные отношения внутренне присущи отдельному человеку, остальные же существуют в качестве внешних социальных условий, внешней среды. Таким образом, личность не только испытывает влияние общественных отношений, но в такой же мере творит их [49, с. 37].

Отношение психического к миру, к объекту, опосредовано отношением к человеку, считает психолог и философ Ксения Абульханова-Славская. «Если с самого начала не признать за психическим общественной функции коммуникации, общения, отношения и т.д., то станет невозможным понимание того, каким образом общественные отношения, не зависящие от индивидов, существующие вне их, приводят их в действие как реальные живые существа» [1]. Именно пребывание этих отношений во внутриличностном состоянии позволяет изменять их объективное содержание.

Пик развития этих процессов связан с возникновением сознания, знаковой (кодированной) информации, сознательного управления (целенаправленности) развитием социальных систем с использованием информации. Человек как источник, движущая сила и цель социальных процессов вооружён исторически развивающимися техническими и психологическими средствами. Единство и противоречие человека и техники, человека и его психологических орудий составляют объективную основу информационно-коммуникативных процессов в обществе, что раскрывает ещё один аспект первичности коммуникации по отношению к общению. Психологическая составляющая средств коммуникации влияет на человека и общество, причём не только содержанием информации, но и самой формой коммуникации как усиления, расширения человеческих органов, чувств, функций [47].

Конкретно **психологический** аспект информационного пространства может быть раскрыт через конструкт «*информационно-психологическое пространство*», понимаемый как целостная система коммуникаций человека и природы, человека и человека. Психологические характеристики информационного пространства вводятся потому, что при его рассмотрении невозможно полностью абстрагироваться от, в полном смысле слова, живых элементов — субъектов в коммуникационных отношениях, имеющих личностные, возрастные, половые и другие различия, сложную внутреннюю структуру и многообразные социальные взаимодействия. Средства коммуникации, как продолжение, усиление органов восприятия и соответствующих функций, входят в структуру личности, определяют особенности ее мировосприятия и жизнедеятельности.

В рамках концепции информационно-психологического пространства возможен синтез различных моделей коммуникативных процессов. Трансмиссионные и символические модели не противостоят друг другу, а раскрывают такие аспекты понятия информации как количественный (аспект абсолютной информации, игнорирующий смысл и значение сообщения), и семантический (связанный с оценкой сообщения, обобщением, смыслом) [44].

Абсолютная информация характеризуется множеством символов и их распределением. Символы должны быть представлены сигналами, передающимися физическим способом. Для этого нужен однозначный код, то есть однозначное соответствие между множеством символов и множеством элементарных знаков или сигналов [93, с. 24]. Количество абстрактной информации в данном множестве можно выразить через распределение вероятностей всех возможных распределений. Любое отклонение от равномерного распределения вероятностей означает ограничение неопределённости — прирост информации. Если система ненаправленно дрейфует по всем возможным состояниям, то понятие информации теряет смысл [93, с. 44].

В социальной психологии для этого вводится понятие «паттерна» как повторения или избыточности событий. Паттерн — это информация, выражающая случайность определённых событий и неслучайность других. Если все возможные события данного класса произойдут, то не будет никакого паттерна и информации [12, с. 118]. Процесс эволюции в «малонаселённом информационном пространстве» из-за взаимодействия закона и случая означает возникновение информации, а не только выявление информации, потому что он допускает альтернативы с различными целями [93, с. 68].

Качественный (семантический) аспект коммуникации раскрывается в символических теориях как вид социального взаимодействия. Никлас Луман, немецкий социолог, автор оригинальной концепции общества, отмечает, что субъекты, благодаря коммуникации и обмену информацией в ходе неё, существуют, могут изменяться сами, менять своё поведение и деятельность, влиять на других субъектов. Объекты интеракционных систем при таком подходе описываются не в виде личностей, а как личности, коммуникативные с другими личностями, даже если их разделяют века. Интеракцию нельзя свести к сумме — это круговая последовательность, т.е. появление «ответа» является стимулом для следующего события этой взаимозависимой цепочки [44, с. 121, 124, 127]. Линейная, однонаправленная модель информационных процессов должна быть заменена нелинейной, спиралеобразной.

Коммуникация хоть и предполагает некоторое множество соучаствующих систем сознания, не может быть приписана, как считает Луман, никакому отдельному сознанию. Нельзя выстроить коллективное сознание, его функцию выполняет коммуникация. Во всех программных областях средств массовой информации подразумевается присутствие человека, но при этом абстрагируются от реального воспроизводства его биохимического, нейробиологического или социально-психического процесса, он предстаёт в виде социального конструкта. Таким образом миллиарды психических событий переводятся в форму, которая допускает их дальнейшее использование внутри масс-медийной системы [45, с. 118]. Индивиды, воспринимая масс-медиа как текст или образ, существуют вне их реальности; переживая в себе эффекты их воздействий, они существуют внутри неё [45, с. 175, 178]. Восприятие мира масс-медиа оказывается особым психическим состоянием, позволяющим формировать свои миры, которые существуют только в момент коммуникации.

Массовая, групповая и индивидуальная коммуникация (понятие об инфосфере и каналах информации)

Термин «массовая коммуникация», как считает профессор Александр Вячеславович Шариков, начал употребляться с середины 1920-х годов, когда, благодаря кино и радио, социальная информация становится доступна большому числу людей, массовой аудитории.

В современной коммуникативной практике и законодательстве границей массовой аудитории считается 1000 человек и выше.

Таков, например, согласно Закону о печати и средствах массовой информации, тираж печатных изданий, требующих регистрации. Массовые коммуникации имеют преимущественно однонаправленный характер, несмотря на элементы обратной связи в виде писем, звонков, электронных посланий со стороны аудитории.

Взаимодействие со средствами информации и коммуникации принимает межличностный, групповой характер, когда создатели информационной продукции находятся в непосредственном контакте со своей аудиторией в учебных заведениях, на предприятиях, в небольших регионах.

Социальные интернет-сети сочетают массовую и индивидуальную, групповую коммуникацию, поскольку информационное взаимодействие приобретает форму многочисленных петель обратной связи. Информация обсуждается, преобразуется и дополняется.

Тем самым, считает А.В. Шариков, в настоящее время наблюдается переход от массовой коммуникации к дифференцированной медиакоммуникации, с более разветвлёнными коммуникационными формами, описывающей и обобщающей весь спектр разнообразных форм человеческой коммуникации с помощью медиа.

При этом медиакоммуникация, часто не массового характера, суммарно может иметь не менее значительную аудиторию, превращаясь в «сетевое общество» (Мануэль Кастельс, испанский социолог-постмарксист, один из основателей теории новой социологии города). А по мнению Герберта Маршалла Маклюэна, канадского философа, филолога и литературного критика, в эпоху электрических медиа средства информации являются массовыми не из-за размера их аудиторий, а в силу того, что в одно и то же время каждый становится в них вовлечённым [47].

Тем самым, современная эволюция средств обработки информации и коммуникации создаёт возможность нового типа реальности — ноосферы и информационно-психологического пространства (*инфосферы*) как ее составной части.

Ключевыми каналами (*средствами*) информации являются межличностное информирование, печать (газеты, журналы, книги), аудиоканалы (телефон, радио), визуальные каналы (фото, кино, телевидение), Интернет. К новым медиа, по мнению Ивана Засурского, практика, теоретика и идеолога сетевых средств массовой информации, следует отнести блоги, социальные сети, сайты, порталы, а также цифровые технические средства производства, распространения, восприятия и потребления информации: смартфоны, ноутбуки и т.д.

Виды коммуникации в связи со способом общения (понятие о межпоколенческом диалоге)

Ряд видов коммуникации связан со способом общения субъектов:

- а) интраперсональная (внутриличностная) — коммуникация с самим собой как ансамблем существ;
- б) межличностная — в ней участвуют двое или более коммуникантов как партнёры;
- в) представительская — однонаправленная коммуникация от одного к другому или многим;
- г) групповая — коммуникации внутри группы, между группами, где каждый участник — равноправный партнёр;
- д) массовая — происходит в том случае, если сообщение получает или использует большое количество людей (от 1000), зачастую, состоящее из различных по своим интересам и коммуникативному опыту групп;
- е) диалог культур — специфический способ коммуникации с цивилизациями как прошлых, так и нынешней эпох.

Особый интерес для нас представляет диалог культур, а в контексте нашей книги, диалог поколений.

Ранее было отмечено, что фундаментальные категории «общение» и «коммуникация» мы рассматриваем как ключевые составляющие общественных отношений, взаимосвязанные и дополняющие друг друга. Они определяют психологическое развитие личности с самого рождения, становление самости как микрокосма общественных отношений.

Диалектика этих категорий может быть раскрыта через понятие «*межпоколенческого диалога*» как сути, фактора и механизма функционирования и модернизации современного *информационно-коммуникативного общества*.

Понятие «поколение» является многогранным. Виктор Михайлович Воронков, российский социолог, формулирует его как общность людей,

- 1) разделяющих определённые культурные ценности и реализующих их в своих культурных практиках;
- 2) создающих поле коммуникации и взаимодействия;
- 3) члены которой сами себя идентифицируют как составной элемент поколения [103].

Социолог и исследователь Павел Сергеевич Макеев предложил определить межпоколенческий диалог как процесс взаимодействия между представителями двух или более поколенческих групп (когорт), направленный на передачу, критическое осмысление, воспроизводство социального опыта и его развитие, модернизацию [46].

ВАЖНО. Новые межпоколенческие отношения требуют формирования институциональной зрелости общества, судьба нового поколения и общества зависит от соответствующих социальных институтов и условий. Информационно-коммуникативная составляющая межпоколенческого диалога, всеобщий диалог, обеспечивают целостность как отдельного субъекта, так и социумов, общества в целом.

Часть вторая.

Мировое и социальное развитие: информационно-коммуникативная составляющая

Информация и коммуникация стали привычными и часто употребляемыми словами в XXI веке. Многие начинают день с того, что включают компьютер, выходят в Интернет, чтобы узнать, что произошло в кругу друзей и знакомых, в стране, в мире. Так когда-то, проснувшись, включали телевизор, а до этого радио. Ещё раньше для этого выходили на рыночную площадь или собирались у племенного костра.

Однако дело не столько в наличии и количественном росте информации, сколько в том, что она стала играть основную роль в нашей жизнедеятельности, включая отдых, деловую активность, все сферы жизни. По своему значению для каждого человека и общества информация сопоставима с пищей, которая необходима нам как живым существам, она обеспечивает существование и развитие человека и общества как социальных систем, является духовной и интеллектуальной пищей.

Интересно, что основатель кибернетики Норберт Винер одним из первых обратил внимание на всеобщий характер информации, ее роль в самоуправляемых процессах не только в обществе, но и в природе. Понимание общества, отмечает он, стало зависеть от «исследования сигналов и относящихся к нему средств связи, и в будущем развитию этих сигналов и средств связи, развитию обмена информацией между человеком и машиной, между машиной и человеком и между машиной и машиной, суждено играть все возрастающую роль» [14, с. 12]. Информация, по его мнению, — это «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших органов чувств», «приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде» [14, с. 14], «информация есть мера организации» [14, с. 115].

В настоящее время появилось достаточно научных фактов, чтобы утверждать: коммуникация и информация имеют начала и основания в устройстве мира. Американский физик Сет Ллойд, один из создателей квантовых компьютеров, в работе «Программируя Вселенную» утверждает: «Каждая молекула, атом и элементарная частица содержат биты информации. В любом взаимодействии между этими частицами Вселенной информация обрабатывается путём изменения этих битов. Иначе говоря, Вселенная вычисляет... Вселенная — это квантовая вычислительная машина... Жизнь, язык, люди, общество, культура — все они обязаны своим существованием естественной способности вещества и энергии обрабатывать информацию» [68, с. 15].

Сделаем пояснение по поводу количественного выражения информации с помощью битов. Что это означает? Когда мы подбрасываем монету и смотрим, что выпадет: «орёл» или «решка», то появляется один бит информации. Американский психолог Джордж Миллер в 1960-х годах предложил следующее определение: «Один бит информации есть количество информации, которое требуется, чтобы сделать выбор между двумя равновероятными возможностями... Два бита позволяют выбрать из четырёх равновероятных вариантов. Три бита дают возможность выбрать из восьми равновероятных вариантов и т.д. ... Таким образом, общее правило простое: каждый раз, когда количество вариантов возрастает вдвое, добавляется один бит информации» [19, с. 279-280].

Наиболее распространённое выражение бита информации — выбор между «0»

и «1» (один бит информации). Это используется в компьютерном программировании. При рождении нашей Вселенной из сверхплотного «нулевого» состояния изменения происходили с невероятной скоростью: в миллиардную долю секунды и с непостижимым расширением. То есть, в секунду из сочетания вероятных комбинаций рождалась сложность, которую трудно даже представить. Попробуйте на досуге посчитать, сколько секунд в 13,7 миллиардах лет (столько существует наша Вселенная) и сколько в ней за это время реализовалось вариантов изменений! Тогда не удивительным представляется возникновение таких сложностей как жизнь, человек, общество.

Дотошный исследователь Ллойд Сет подсчитал, сколько битов информации, например, содержится в воздушном шарике, наполненном гелием. Каждый атом гелия содержит около 20 битов. Количество информации, записанной всеми атомами гелия в воздушном шарике, является произведением этой величины на количество атомов. Итого, примерно десять миллионов миллиардов миллиардов битов информации наполняют обычный воздушный шарик! Все компьютеры в мире в настоящее время содержат миллиард миллиардов битов [68, с. 93]. То есть в десять миллионов раз меньше, чем в воздушном шарике.

Джеймс Глик, писатель и популяризатор науки, автор фундаментального труда об информации, характеризует Вселенную как космическую машину для обработки информации. Информация порождает «все сущее — каждую частицу, каждое силовое поле, даже сам пространственно-временной континуум» [19, с. 17]. Ключом является особый тип взаимодействия — «запутанность». Когда частицы или квантовые системы запутаны, их свойства остаются связанными через время и расстояние любого масштаба [19, с. 17-18].

Итак, первый вывод, который необходимо сделать: **информация — атрибут (неотъемлемое свойство) материальной Вселенной** наряду с массой, энергией. Истоки широкой теории информации связаны с концепцией мира как вероятностной системы в результате всеобщего взаимодействия и взаимозависимости, наличия обратной связи (диалектических круговоротов, спиралевидности) в качестве механизма усложнения и развития. Круговой характер взаимодействия делает возможным процесс отображения одного объекта в другом, в конечном итоге, появление жизни и человеческого сознания.

Впервые научно обосновал идею отражения как всеобщего свойства материального мира более 100 лет назад, в 1909 году, Владимир Ильич Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм». В ней анализируется кризис естествознания в начале XX века в результате открытия делимости атомов, паники из-за «исчезновения» материи. Начались поиски «первоэлементов мира» как сплава материи и сознания. Ленин теоретически обосновал неисчерпаемость материи вглубь: исчезает не материя, а привычное представление о ней. Он выдвинул гипотезу о существовании «в фундаменте самого здания материи» способности, сходной с ощущением, родственной ему. Ленин назвал это свойство материи «отражением», которое может при определённых условиях приводить к возникновению сознания.

Гипотеза об отражении, как стороне взаимодействия в неорганическом мире, позднее активно исследовалась естественными науками, стала обрастать конкретными научными данными, преобразовавшись в научную теорию. В общем хаосе и возрастании энтропии в ходе эволюции Вселенной стали выделяться круговые процессы, взаимодействие, в результате которых запечатлеваются значимые для прогрессивного развития «следы».

Способность использовать и накапливать информацию в ходе взаимодействия становится важнейшим способом функционирования, сохранения стабильности и новообразования, прорыва систем к высшему уровню.

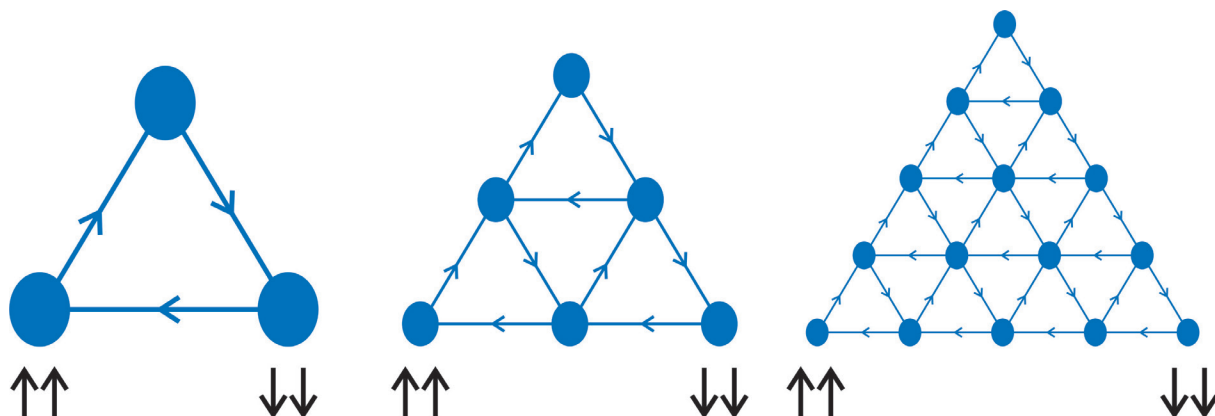

Рис. 2. «Информационные петли» развития

Схема на рис. 2 показывает, как могут усложняться циклические информационные петли в результате взаимодействия, принимая форму фракталов с бесконечными циклами.

Далее, чтобы понять, что такое информация, нужно развеять заблуждение, будто она хранится в каких-то особых местах или в памяти компьютера, и ее в нужный момент можно извлечь. Как объясняет немецкий социолог Никлас Луман, нельзя путать носители (дискеты, книги, газеты, журналы, библиотеки), которые содержат потенциальную информацию, с самой информацией, которая нигде не хранится. Носители — это функциональные эквиваленты сообщения, которое актуализируется в информацию при коммуникации. Информация рождается в процессе коммуникации (или взаимодействия в неживом мире) и не существует вне ее. Она возникает и в опосредованной коммуникации, даже если контактирующих разделяют века и безграничное пространство [45]. **Исторический процесс включает в себя возникновение, а не просто выявление информации.**

Американский физик Ллойд Сет так характеризует этот процесс: «Цифровая революция, происходящая сегодня, — последнее звено в длинной цепи революций в области обработки информации, уходящей в прошлое. Среди них — возникновение человеческих языков, половое размножение, рождение жизни, наконец, начало самой Вселенной. Каждая из них заложила основу для следующей, и все эти революции в сфере обработки информации, начиная с Большого взрыва, происходили благодаря естественной способности Вселенной обрабатывать данные...» [68, с. 17].

Гипотезу о возникновении жизни, как естественном физико-химическом процессе в результате эволюции на Земле, развивал русский биолог и биохимик Александр Иванович Опарин.

Манфред Эйген, выдающийся немецкий учёный — биофизик, представитель эволюционной кибернетики, в работе «Игра жизни», используя данные естественных и математических наук, теорий эволюции и вероятности, обосновал возможность самоорганизации материи и возникновение жизни как информационной модели. В ней эволюция является неограниченной только тогда, когда система может, благодаря своим внутренним качествам, самостоятельно достигнуть вышестоящего уровня организации. Согласно Эйгену, чтобы «запустить» механизмы самоорганизации, нужны поставка многообразия и отбор в результате цикличности, круговых процессов взаимодействия.

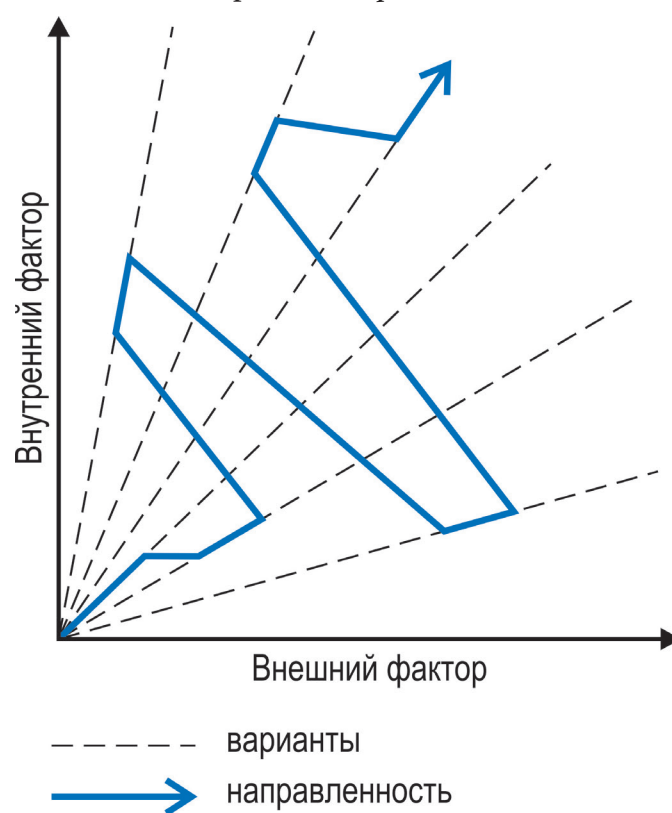
Неотъемлемым свойством прогрессивной эволюции является ее направленность во времени, которая имеет статистический характер. Существует индивидуальная неопределённость каждого исторического пути развития, которая обусловлена постоянно возрастающей в ходе эволюции сложностью системы [93].

Вектор направленности развития самоорганизующихся систем похож на стрелку компаса, является отражением сложных внутренних процессов. Единство многообразного мира, бесконечность «вглубь» и «вширь» есть непосредственная причина, источник противоречивости и многообразия направленного развития. Взаимодействие внутреннего и внешнего факторов выступает как движущая сила развития конкретных систем, которая проявляется в действии двух основных механизмов: поставки многообразия и отбора.

Писатель Станислав Лем в своей научной работе «Сумма технологии» назвал эти природные механизмы «слепым конструктором». Эта идея созвучна Теории вероятностей. Возможно, все, даже сложение букв в произведение Л.Н. Толстого «Война и мир», если иметь достаточно времени для «пробегания» всех вариантов.

Эти механизмы в их специфическом проявлении (мутагенез и естественный отбор) довольно полно исследованы в живой природе благодаря дарвиновской теории эволюции и ее развитию в XX веке. Они обнаруживаются и во всех других областях действительности, на всех уровнях развития объективной реальности.

Направленность развития, согласно теоретическому осмыслению естественно-научных фактов, не есть дорога в одном направлении, она проявляется и действует через вариантность — пучок параллельных линий, существующих внутри вертикальных направлений (рис. 3).

Рис. 3. Направленность развития систем.

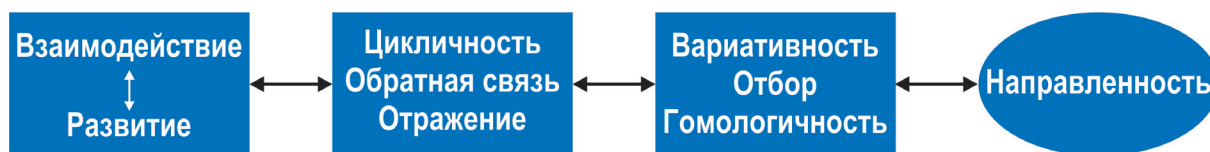
Мера необходимого и случайного, в возможном и действительном, получает выражение в вероятности многообразных тенденций и вариантов развития. Новообразование конкретных материальных систем является качественно и количественно определённым. Качественная сторона вероятности выражается в законе гомологических рядов, сформулированном учёным — генетиком Николаем Ивановичем Вавиловым. Выводя его для биологических систем, автор отмечал, что данная определённость рядов изменчивости обнаруживается и среди химических элементов (периодический закон Дмитрия Ивановича Менделеева). В космологии закон получил выражение в диаграммах эволюции звёзд. Подтверждается действие закона гомологии и в социальной сфере, как ряд формаций, который проходят в своём развитии человеческие сообщества.

Использование закона гомологии мы находим и в психологии. По мнению Артура Кестлера, журналиста, психолога и общественного деятеля, органическая жизнь во всех ее проявлениях, от морфогенеза до символической жизни, руководствуется «правилами игры», которые предоставляют согласованность, порядок и единство — неизменность; эти правила (или функции), неважно, врождённые или приобретённые, представлены в закодированном виде на различных уровнях, от хромосом до структуры нервной системы, ответственной за символическое мышление. Правила фиксированы, но существуют бесконечные вариации каждой игры, и их изменчивость растёт в восходящем порядке. Существует также общее правило игры, которое гласит, что ни одно правило не является абсолютно окончательным, что при определённых обстоятельствах они могут быть изменены и скомбинированы в более софистическую игру, которая представляет высшую форму единения и ещё более растущее разнообразие. Это называется субъективным творческим потенциалом [93, с. 270].

В зависимости от характера направленности, отбор происходит в двух основных формах, сформулированных советским биологом, всемирно известным теоретиком эволюционного учения XX столетия Иваном Ивановичем Шмальгаузенем — стабилизирующей и динамической. Стабилизирующий отбор — это незначительное изменение установившейся системы вариантов, подавление вновь возникающих тенденций в пользу пучка тех, что являются нормой. Движущая форма — это перенесение вектора направленности на другой пучок вариантов и оттеснение старого на периферию данной системы или их уничтожение.

Психологи Пауль Вацлавик, Джанет Бивин и Дон Джексон выделяют два механизма сохранения и изменчивости коммуникативных систем, аналогичных динамической и стабилизирующей формам отбора в общей теории эволюции. Межличностные системы (случайные группы, супружеские пары, семьи и т.д.) могут быть рассмотрены как петли обратной связи, так как поведение каждого человека оказывает влияние на поведение любого другого. Обратная связь может быть позитивной или негативной. В обоих случаях часть продукции системы будет заново введена в систему в качестве информации о продукции. В случае негативной обратной связи информация используется для того, чтобы уменьшить отклонение выхода от стандарта, в то время как в случае позитивной обратной связи такая же информация выступает в качестве меры увеличения отклонения выхода [12, с. 23-24].

С помощью выявленных механизмов происходит самоорганизация систем и, в том числе, становится возможным скачок от неживой материи в органический мир, который мог быть ускорен благодаря «следам» космической эволюции, попадающим на нашу планету с метеоритами, то есть (теория панспермии шведского учёного, лауреата Нобелевской премии по химии Сванте Аррениуса) общеэволюционной информации (рис. 4).

Рис. 4. Схема общеэволюционного информационного процесса.

Специфика обработки информации у живых организмов — появление генов, последовательности атомов в молекулах типа ДНК, в которых закодирована информация. Эта информационная молекула, ДНК — самый совершенный процессор обработки сообщений, находящийся на клеточном уровне. Один ген в нашем организме содержит около шести миллиардов битов информации, которые необходимы для создания человеческого существа [68, с. 28]. В них содержатся инструкции по строительству и существованию человеческого организма. Для этого необходим информационный обмен со средой. Клетка организма — это узлы сложно переплетённой сети связи, передающие и получающие, кодирующие и расшифровывающие информацию [19, 17]. Эволюция включает в себя непрерывающийся обмен информацией между организмом и окружающей средой. Генетическая информация передаётся и изменяется посредством естественного отбора. Гены и механизмы их копирования и воспроизведения, передающиеся от поколения к поколению — это ключевая технология обработки информации жизни [68, с. 29]. Учёный Вернер Левенштайн, посвятивший тридцать лет изучению межклеточных связей, констатирует: «Информационный круговорот стал составной частью жизни» [19, 17].

Живые организмы, как самоуправляемые информационные системы, отличается то, что они способны активно реагировать на воздействие внешней среды, изменять поведение и себя в результате получения информации. Коммуникация и существование становятся неразделимыми понятиями [12, с. 272]. От простейших одноклеточных происходит эволюция к сложным системам, формированию экологических ниш с механизмами саморегуляции и целостной биосферы Земли.

Психологи, используя аналогии с кибернетикой, отмечают: в отличие от машинного языка, воздействие окружающей среды на организм представляет собой перечень инструкций, чей смысл не является самоочевидным, но значимым, существенным для организма, интерпретирующего его настолько хорошо, насколько возможно. Реакции организма, в свою очередь, оказывают влияние на окружающую среду, даже на примитивном уровне жизни имеются сложные и продолжительные интеракции, которые являются случайными и руководствуются программами или смыслом. На человеческом уровне эта интеракция достигает наивысшей сложности. В современном обществе, благодаря контролю человека над средой, жизненно важные сообщения из окружающей среды, которые должны быть аккуратно декодированы, испытали смещение из биологической в психологическую область [12, с. 272-273].

Таким образом, не только свойство отражения, но и свойство коммуникации имеет глубинное основание. Система ведёт себя не как простая совокупность независимых элементов, а как неразрывное целое. Каждая часть системы настолько связана с соседними частями, что изменение в одной части вызывает изменение во всех остальных и во всей системе. Если на другом конце континуума поставить простую суммарность независимых частей, можно сказать, что системы всегда характеризуются некоторой степенью целостности. Коммуникационная последовательность неделима, интеракцию нельзя свести к сумме. Это, опять же, циклическая, круговая последовательность — появление «ответа» является стимулом для следующего события этой взаимозависимой цепочки [12, с. 124, 127].

На уровне многоклеточных организмов при отборе индивидуумов прирост информации происходит только на уровне вида, индивид не учится. Эволюция всей биосферы представляет собой процесс накопления информации и образования «памяти». Возникают сети нервных клеток, которые центрально перерабатывают входящие раздражения и превращают их в «успешные действия». С ростом сложности возникла необходимость делать выборы между альтернативами. Живые существа получили возможность, независимо от генетической программы, постоянно приспосабливаться к непредвиденным ситуациям. Для этого понадобилась способность производить оценку: боль, удовольствие, страх, радость, вплоть до самых тонких эмоций. С помощью этой вторичной системы оценок можно воспроизводить даже абстрактно и проигрывать в новых комбинациях раздражения из окружающей среды. Как и в случаях мутаций, новые комбинации подвергаются оценке и отбору. Информация возникает в результате изменения распределения вероятностей возбуждения и торможения нервных клеток под действием раздражений [93, с. 89-91].

От «слепого конструктора» природы (по определению писателя Станислава Лема) через естественный отбор к сознательному преобразованию Вселенной человечеством — таков путь развития информационно-коммуникативных процессов. Метод самоорганизации — отбор — на высшей стадии своего развития, человеку, становится методом методов. Недетерминированность и практическая неограниченность наших идей являются следствием сложности организменной схемы: она объединяет около 10 миллиардов нервных клеток, каждая из которых имеет около 10-100 тысяч контактов (синапсов) с другими клетками [93, с. 89-91]. Организм человека, как информационная система, по своей сложности равновелик Вселенной, является микрокосмом.

В истории научной мысли подобный подход в философском плане встречается у Готфрида Лейбница (учение о монадах), а в психологическом — у Карла Густава Юнга: “Наша психическая структура повторяет структуру Вселенной и все, что происходит в космосе, повторяет себя в бесконечно малом и единственном пространстве человеческой души” [33, с. 330]. Данный подход развивается К.Г. Юнгом в понятии архетипов.

ВАЖНО. Усложнение психических процессов с появлением человека выводит мировое развитие на качественно новый уровень. Становится возможным сохранение информации, память, научение, и, наконец, осознанный, целенаправленный выбор путей развития, предвидение. Ряд учёных обосновывают, что объективный мир достигает своего пика с появлением человечества, дальнейшее развитие идёт путём освоения человеком своего природного фундамента (рис. 5).

Рис. 5. Пирамида развития

Пирамида развития как бы переворачивается. Социальный уровень развития оказывается не просто результатом эволюции живого, но и необходимым условием его дальнейшего прогресса.

Часть третья.

Развитие человека и общества: информационно-психологическая связь.

Итак, информационно-коммуникативные процессы несомненно имеют естественное происхождение, возможность самоорганизации, благодаря которой происходит этапное развитие средств обработки информации и коммуникации. А как это происходит в человеческом сообществе?

В научном завещании «Парадоксы роста» Сергей Петрович Капица, физик, просветитель и телеведущий, исследуя проблему народонаселения с привлечением методов математики и физики, обосновывает зависимость распространения на нашей планете вида «человек разумный», его гегемонии, от коллективного информационного взаимодействия, заложенного на генетическом и физиологическом уровне.

Томас Роберт Мальтус, английский священник, учёный, демограф и экономист, выводил зависимость роста населения от жизненных ресурсов, но в бедных странах рождаемость больше, чем в богатых и более развитых. Пищевые и другие ресурсы, рождаемость и смертность, богатство и бедность оказываются вторичными, не столь существенными, как знания, опыт и их обмен, сотрудничество [29].

То есть, человеческое общество изначально было информационным и развивается как информационная целостность, движение к модели коллективного интеллекта [55, 75], или, несколько шире, как ноосфера, сфера разума (Тейяр де Шарден, Вернадский).

Почему шире? Потому что помимо человека, в последнем случае, включается и «человеченный», преобразованный человеком мир. При этом Вселенная, осознающая саму себя через человечество и освоенная человеком, рассматривается как антропосистема.

Но благодаря какому механизму происходит «очеловечивание» мира?

Исследования свидетельствуют, что человеческий организм за многовековую историю общества не претерпел значительных изменений. Естественным органам человека чужда специализация. В отличие от животных, человек не столько сам изменяется, приспосабливается к среде, а преобразует окружающий мир с помощью орудий труда и знаний. Человеческая биология может быть рассмотрена во взаимосвязи с искусственными органами деятельности (техникой), которые, как обосновал К. Маркс, являются продолжением, усилением естественных органов человека, включая мозг. Система «человек-техника» включает в себя и психологические орудия деятельности.

Рассматривая с психологической точки зрения роль труда в процессе становления и развития человека и человечества, Лев Семёнович Выготский, основатель культурно-исторической психологии, приходит к выводу: подобно тому, как в процессе исторического развития человек изменяет не свои естественные органы, а свои орудия, так и в процессе психологического развития человек совершенствует работу своего интеллекта главным образом за счёт развития особых технических «вспомогательных средств» мышления и поведения. Историю человеческой памяти невозможно понять без истории письма, как историю человеческого мышления — без истории речи [16, с. 21]. Высшие психические функции развиваются с помощью психологических орудий — знаков, то есть зависят от коммуникативных процессов и развития информационных технологий.

Педагог, психолог и философ Алексей Николаевич Леонтьев поясняет подход Л.С. Выготского следующим образом: орудие и то, на что направленно орудие — мир соз-

данных человеком предметов — ключ к человеческой психике, к сознанию. Но орудие, предмет, сами по себе суть вещи не психические. Они становятся психологическим фактом лишь постольку, поскольку определяют психические процессы. Лишь как знаки или значащие вещи. Подобно тому, как орудие, промышленность строят мир человеческих предметов, так знак, то есть то, что опосредствует психические процессы человека, строит мир человеческого сознания [36].

Это означает, что **коммуникация, информационные обмены имеют место в самом основании психических процессов**, причём не только генетически, но и структурно. Процесс общения влияет на саморазвитие личности благодаря информационно-коммуникативным механизмам.

Психолог Борис Герасимович Ананьев характеризует орудия и знаки как своего рода усилители функций для операционных механизмов восприятия. Существуют цепочки, или плеяды корреляций, которые составляют внутренние условия работы любой нервно-психической функции. Вследствие корреляционных объединений разных органов, систем и функций происходит передача, переброс, преобразование одних функций под влиянием других.

Поэтому, как считает Г.М. Маклюэн, средства коммуникации как расширения человеческих органов и функций, не только зависят от техники и технологий (в том числе являются ресурсами коммуникаций), но и оказывают определяющее влияние на них, как и на все психологические и социальные процессы. Он считал ошибкой К. Маркса и его последователей, то, что они строили свои расчёты, не понимая динамики новых средств коммуникации, которые определяют форму социального развития не менее, чем средства производства [47, с. 46, 59].

Информационные технологии способны опережающе, глобально влиять как на техническое развитие, так и на все стороны жизни общества.

В силу своего положения в процессе жизнедеятельности, информационно-коммуникативные процессы обеспечивают обратную связь как механизм преемственности и прогрессивного развития психических и социальных систем.

На каждом этапе в технических достижениях человечества заключены несравнимо большие возможности, чем те, которые способно практически реализовать общество, преследующее утилитарные цели. Раскрывая эту черту производства, К. Маркс пишет: «Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, то есть развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было ЗАРАНЕЕ УСТАНОВЛЕННОМУ масштабу» [51, с. 476].

Избыточный, не подчинённый одному, строго определённого социальному заказу, характер формирования возможностей личности и социальных систем обеспечивает пластичность развития человечества, отбор оптимальных вариантов, постоянное «забегание вперёд» и «отклонения от нормы» как в технических устройствах, так и в психических особенностях самого человека.

В ходе прогрессивного исторического развития эта тенденция к избыточности усиливается, что выражено в гипотезе «рассеивающего отбора» Валерия Павловича Алексева, советского антрополога и историка: отбор в современном обществе ослаблен и выступает не в стабилизирующей, а в рассеивающей форме, подхватывает и закрепляет каждую отклоняющуюся вариацию, потому что всегда или почти всегда для неё находится подходящее место в разнообразной и вечно меняющейся природной и общественной среде, в каких-то условиях любая вариация может получить преимущество перед другой.

Психолог и политик Александр Григорьевич Асмолов считает этот способ проявления направленности социального развития важным психическим механизмом: «Рассеивающий отбор индивидуальных свойств человека в условиях социального образа жизни — порождение историко-эволюционного прогресса, действующего в направлении увеличения вариативности личностей как потенциальных возможностей творческого процесса культуры» [4, с. 206].

Эрих Фромм, немецкий социолог и философ, следующим образом характеризует эти процессы: «Человеческие побуждения, будучи трансутилитарными, становятся выражением фундаментальной и специфически человеческой потребности: потребности быть связанным с человечеством и природой и утвердить себя в этой связанности. Эти две формы человеческой экзистенции — добывание пищи с целью выживания, в узком или более широком смысле, и свободная деятельность, отражающая способность человека и его стремление найти смысл за пределами утилитарной деятельности. Каждое общество и каждый человек имеют свой собственный ритм, в котором эти две формы жизни проявляют себя. Важно заметить, какой относительной силой обладает каждая из двух этих сил, и какая из них доминирует» [86, с. 90-91].

Человеческая деятельность, как направляющая сила эволюции, сознающей себя Вселенной, «доразвивает» природу в соответствии с ее объективными возможностями. Имея дело с бесконечностью форм материального мира «вглубь», с огромным многообразием возможностей в каждой из них, и с космической бесконечностью «вширь», этот процесс также является безграничным. При этом общество способно выступать в роли «космического врача», «ремонтной станции», поскольку сама по себе Солнечная система, любые неорганические и органические объекты имеют предел в своём существовании, тупиковые ветви.

ВАЖНО. В завершении анализа информационно-коммуникативных процессов как естественных и самоорганизующихся механизмов развития информационно-психологических систем, важно отметить, что именно развитие последних приводит к возникновению общества как информационной целостности (*информационно-коммуникативных социумов*, глобального и встроенных в него локальных). Наше дальнейшее повествование (путешествие в мир информации) связано с историей развития этой целостности, этапами и закономерностями эволюции информационно-коммуникативных процессов человечества.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА, ИЛИ «О КОММУНИКАТИВНОЙ СВЯЗИ ЧЕЛОВЕКА С МИРОМ»

Часть первая.

Возникновение и изменение средств коммуникации и обработки информации (история коммуникативной связи человека с миром).

Часть вторая.

Развитие информационно-коммуникативных социумов (современные тенденции и противоречия).

Часть третья.

Взгляд в будущее: информационная целостность общества как движение к инфосфере и ноосфере.

Часть первая.

Возникновение и изменение средств коммуникации и обработки информации (история коммуникативной связи человека с миром).

Двенадцатилетняя журналистка из Алтая, знакомясь с тем, как возникают и изменяются средства коммуникации и обработки информации, воскликнула: «Так они развиваются как живые существа!»

Надеюсь, что Читатель проявит не меньшую прозорливость. Подобные мысли возникают у многих исследователей информационных процессов в обществе. Норвежский социальный антрополог Томас Хилланд Эриксен считает, что информация была важна всегда: человек, обладающий знаниями и опытом — влиятельным, в каком-то смысле любое общество является информационным [95], но меняются способы и формы информации и коммуникации.

Анализ, проведённый в первом очерке, свидетельствует о том, что стержневая линия эволюции средств информации и способов коммуникации представляет собой не что иное, как процесс «очеловечивания» коммуникативной связи человека с окружающим его миром.

В ходе неё происходят следующие трансформации.

1. Усложняются структура и функции информационной деятельности по видам: от жестов, рисунков, графических схем — к письменности, книге, живописи, архитектуре; от звуковых сигналов — к речи, музыке, телеграфу, телефону, радио, от визуальной информации — к фото, кино, телевидению; появляются такие синтетические виды, как компьютерные системы и мультимедийность.

2. Информация приобретает такую социальную значимость, что постепенно становится обособленной деятельностью: от шаманов, жрецов, советников, ораторов до журналистов, учёных, специалистов по производству и переработке информации (рис. 6).

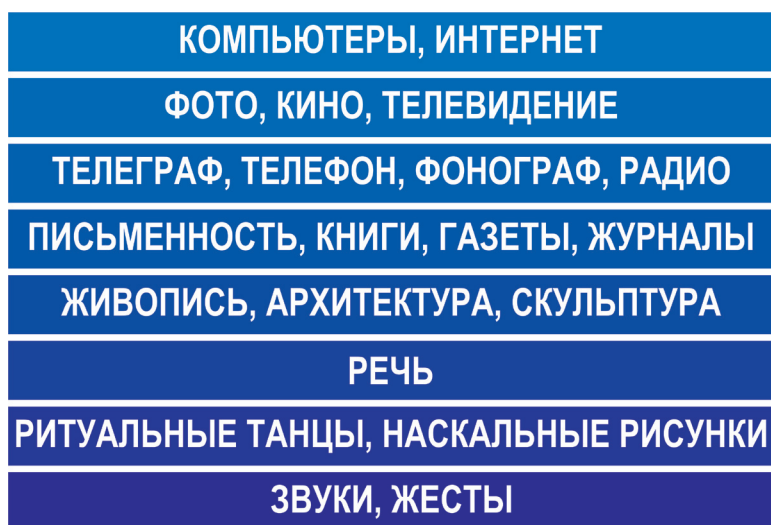

Рис. 6. Этапы развития средств коммуникации и обработки информации.

В реальной истории различные линии эволюции средств коммуникации и информации сосуществуют, пересекаются, взаимообогащаются, совершаются «забегания вперёд» и возвратные процессы в соответствии с общими и специфическими закономерностями эволюционных процессов.

Этап орудийный характерен тем, что в системе «человек-техника» основная роль принадлежит телесности, естественным человеческим органам, усиленным простейшими орудиями труда. Индивид должен был быть мастером своего дела, совершенной машиной. Соответственно, средством коммуникации выступало, прежде всего, тело человека, его коммуникативные функции совершенствовались в ходе практической деятельности и «делового» общения. Отделившись от трудового процесса, жест становится доречевым, дописьменным способом хранения, передачи информации в форме ритуального танца, как живой картинки и наскальных рисунков, как застывших картинок жизнедеятельности.

Если сравнивать стадии информационно-коммуникативного развития человечества и ребёнка, то можно обнаружить много аналогий, они как бы отражаются друг в друге. Как считает видный историк и социолог Борис Фёдорович Поршнев, в раннем детстве ярко выражен аппарат автоматической имитации действий и звуков, который тормозится и редуцируется развитием речи [61, с. 116]. Этот механизм в свёрнутом и ускоренном виде повторяет раннюю историю человечества. Подражание является единственным механизмом подключения ребёнка к языковой среде. У него нет предрасположенности к родному языку, он может овладеть любым.

Анализируя речевое общение, исследователь пришёл к выводу, что это не только кодирование и декодирование информации. К речевым механизмам мозга относятся и те его структуры, которые, преобразуя речь, превращая ее в задачи, дирижируют всем поведением человека. Слово опосредует все воздействия, заменяет и отменяет их [61, с. 122, 413-415]. Глагольная фаза второй сигнальной системы оказывается старше, чем предметно-отнесённая, глаголы древнее и первичнее, чем существительные. Фонетика оказывается тесно связанной с деятельностью.

Л. С. Выготский также считал, что регулирующая функция существовала некогда сама по себе, а затем в ходе эволюции над ней надстроилась функция информации, обмена опытом.

Психологические орудия, связанные с техническими средствами, определяют особенности мировосприятия и жизнедеятельности человека. Мышление первобытного человека напоминает детское мышление в период отсутствия достаточной информации о мире. Маленькие дети мыслят ассоциативно, по аналогии, в ранний период с трудом отличают реальные явления от вымышленных, склонны приписывать человеческие черты неодушевлённым предметам и животным (анимизм). В мифологическом мышлении древнего человека также возможно соединить что угодно с чем угодно [61, с. 296, 454].

Логические формы, используемые в традиционных обществах и у туземцев, как и у ребёнка, французский этнограф, социолог и культуролог Клод Леви-Стросс характеризует как: «наука конкретного» (способ упорядочивания в туземных классификациях, когда особое внимание к конкретному сочетается с одновременным стремлением к символизации); «бриколаж» (свободная рекомбинация, на манер калейдоскопа, образов-символов, сформировавшихся в результате прошлой деятельности); «тотализующее мышление» (переход одних классификаций в другие, дополнительность множественных логик).

В «первобытном мышлении» при этом обеспечиваются все требования, которым, согласно мнению швейцарского детского психолога и философа Жана Пиаже, должно с

ответствовать понятийное мышление, но не на уровне отдельного индивида, а на уровне коллективного субъекта.

В современных средствах массовой информации наблюдается своеобразный возврат к бриколажу, калейдоскопичности, мифологии как реакция на обилие знаков и смыслов. Недостаток и избыток информации, затрудненность самостоятельного поиска смысла, приводят к схожим способам информирования и обработки информации.

В психике примитивного человека, отмечает Л.С. Выготский, иную и более значимую роль, чем в жизни современного человека, играет образная (эйдетическая) память. Наш опыт конденсируется в понятиях, и мы свободны от необходимости сохранять огромную массу конкретных впечатлений. У примитивного человека механизм памяти заменяет логический механизм. В языке примитивного человека каждая вещь имеет собственное имя, отсутствуют обобщённые и условные понятия, человек имеет в своём распоряжении как бы двойника всех предметов. Поэтому слова тесно связаны с непосредственными чувственными впечатлениями. Любой знак или предмет, выполняющий его роль, являлся первоначально средством запоминания.

Индейский писатель, историк, медик, собиратель фольклора, лектор и защитник прав коренных американцев Чарльз Александр Истмен, описавший своё детство, свидетельствует, что даже в конце XIX века сказители преданий и хранители истории его народа свою память подкрепляли связками маленьких раскрашенных палочек. «Одна связка — это были прожитые им самим годы, а другая — важнейшие исторические события нашего народа» [27, с. 86].

Эйдетическая (образная) память представляет собой раннюю фазу в развитии памяти и у ребёнка, которая проходит обычно к поре полового созревания и редко сохраняется у взрослого человека. Л.С. Выготский считал, что эта форма является биологически очень важной, так как, развиваясь, превращается в две другие формы: во-первых, эйдетические образы по мере развития сливаются с нашими восприятиями и придают им устойчивый, постоянный характер; во-вторых, они превращаются в зрительные образы памяти в собственном смысле этого слова. Эйдетическая память лежит в основе всякого образного, конкретного мышления [16]. Вполне возможно возрождение ее значимости в связи с хаотическим и фрагментарно-калейдоскопическим характером современных информационных потоков, плохо поддающихся логической обработке.

В комбинациях со словесным языком сохраняется и прежний язык — знаков и жестов. В доисторический период руки так были соединены с интеллектом, что составляли его часть, описывали предметы и действия [16]. Опять же, можно обратиться к воспоминаниям об индейском детстве Ч.А. Истмена: «Далеко-далеко в лесах, где нас никто не видел и не слышал, мы устраивали религиозные танцы, воображая наших старших родственников... Мы раскрашивали лица и тела так, как это делали наши отцы и деды; мы подражали им до самых мельчайших подробностей; и это было нам легко, так как образцы были у нас всегда перед глазами. Мы, мальчики, были не только хорошими актёрами, но и внимательными наблюдателями природы. Мы изучали привычки и образ жизни животных с таким увлечением, с каким вы проглатываете интересные книги. Герои нашего племени были для нас образцами, которым мы стремились подражать не только в играх, но и в жизни. Никто не умеет так хорошо пользоваться своими пятью чувствами, как дети лесных чащ или степей. У нас были хорошо развиты все чувства..., а также память» [27, с. 5-6].

Переход от языка жестов и простейшей речи к условным символам становится революцией в способах обработки информации и коммуникации. Историк Борис Федорович

Поршнеv отмечает отличие человеческой речи от коммуникации животных и машин через многозначность знакового выражения явления. Как из трёх-четырёх десятков фонем (букв), ничего не означающих сами по себе, можно построить до миллиона слов, так, благодаря этим правилам сочетания слов, из них можно образовать число предложений, превосходящее число атомов в видимой части Вселенной, практически безгранично раздвигающийся ряд предложений, соответственно несущих безгранично увеличивающуюся информацию и мысль [61, с. 117, 133, 135-136]. Интонация, мимика, жест ещё больше увеличивают многозначность и вариативность.

Валентин Фёдорович Турчин, советский и американский физик и кибернетик, считает обоснованным рассматривать язык как саморазвивающуюся кибернетическую систему. Возникнув в результате кодирования явлений действительности языковыми объектами, он сам становится явлением действительности. «Языковые объекты становятся важнейшими элементами общественной деятельности, они входят в жизнь человека подобно орудиям труда и домашней утвари. И подобно тому, как для изготовления и усовершенствования орудий труда человек создаёт новые орудия труда, он создаёт новые языковые объекты для описания действительности, которая уже содержит языковые объекты. Происходит метасистемный переход в рамках системы «язык». Так как новые языковые объекты, в свою очередь, являются элементами действительности и могут стать объектом кодирования, метасистемный переход может повторяться неограниченное число раз. Подобно другим кибернетическим системам, язык является частью развивающейся Вселенной и развивается сам. И, подобно другим системам, язык, а вместе с ним и мышление, претерпевают качественные изменения путём метасистемных переходов различного масштаба, т. е. захватывающих более или менее крупные подсистемы системы «язык» [75].

Герберт Маршалл Маклюэн, автор концепции «глобальной деревни», отмечает, что не только речь, но и многие другие составляющие образа жизни первых сообществ приобретают характер развивающихся средств коммуникации. К примеру, одежда и жилище, как расширения кожи и механизмы температурного контроля, являются средствами коммуникации в том смысле, что они формируют и переупорядочивают образцы человеческой ассоциации и общности [47, с. 144]. Использование в качестве денег наиболее важных предметов потребления (скот, сахар, слоновая кость, меха и др.) в бесписьменных сообществах демонстрирует лёгкое принятие основных продуктов как средств коммуникации, отчасти потому, что основные продукты являются одновременно как товарами, так и средствами коммуникации, главными формообразующими силами общественной жизни [47, с. 157].

Обращение к истории подтверждает, что информация с первых шагов человечества приобретает социальную значимость, и ее производство постепенно становится обособленной деятельностью. Появляется институт старейшин, вождей, шаманов, которые владеют ценной информацией и используют ее для управления социумом.

«Магия является искажённой системой природных законов и ложным руководящим принципом поведения» — замечает в своём исследовании «Золотая ветвь» британский религиовед, антрополог, культуролог и историк религии Джеймс Джордж Фрезер [85, с. 19]. Ошибка магии, имитирующей нужный ход процессов, «заключается в том, что подобие вещей воспринимается как их идентичность» [85, с. 20]. Позитивные предписания обретают форму колдовства, негативные — табу. Магия с помощью растений и животных — это иллюзия, которая, однако, давала возможность путём проб и ошибок находить действительно целебные и полезные вещества. «Магические обряды — это ни

что иное, как неудавшиеся опыты, которые повторялись единственно потому, что экспериментатор не был уверен в их удаче...» [85, с. 304].

Психологи, в частности, Л.С. Выготский, отмечают, что примитивный человек применяет магические операции там, где он стремится с их помощью достигнуть власти над природой. Это означает переход к новой форме приспособления, отличной от животных. В магии в нерасчленённом виде заключена и будущая техника, направленная на овладение природой, и культурная техника, направленная на овладение собственным поведением человека [16]. Инстинктивно применяемая психотехника — магия — принимает власть над мыслями за власть над вещами. Естественные законы заменяются психологическими. Слова, числа, узлы, используемые для запоминания, все это постепенно также начинает играть роль магического средства.

Атавизм магии сохраняется у детей, видимость магических действий возникает у младенца, так как слиты желание предмета и его исполнение взрослым [18]. Магическая стадия сохраняется и у тех субъектов, социальных групп, которые застревают на этой стадии патологически или психологически.

Летописцев вполне можно причислить к первым журналистам. Активно проявляют себя ораторы, как ветвь представительской журналистики однонаправленного влияния на аудиторию. Появляется научная информация и ее производители — философы, тем самым формируется новый уровень оперирования смыслами. Валентин Фёдорович Турчин отличает этот уровень от первобытного как критическое мышление, в то время как первобытное мышление можно назвать докритическим. «Критическое мышление и цивилизация возникают одновременно и развиваются в тесной взаимосвязи... Происходит как бы переворачивание вектора общественного интереса: в первобытном обществе он направлен назад, в прошлое, на соблюдение законов предков, в развивающейся цивилизации он, по крайней мере у части общества («творческого меньшинства», по определению британского историка, философа, культуролога и социолога Арнольда Джозефа Тойнби), направлен вперёд, в будущее, на изменение существующего положения...» [75].

Далее, наступает **этап возникновения искусства** как особой формы коммуникации и информационной продукции. В классическом Древнем мире утверждаются и получают максимальное развитие такие способы переработки и сохранения информации, формы коммуникации, как скульптура, рисунки на домашней утвари. Для их создания используется само тело человека и простейшие орудия труда, необходимые для обработки камня, металла, глины и т.д.

Скульптура и рисунок являются первыми попытками моделирования действительности. Роль модели с тех пор утверждается в искусстве и обществе. Ведь, как отмечает Клод Леви-Стросс, автор структурной антропологии, «даже «натуральная величина» предполагает уменьшенную модель, так как графическое или пластическое воплощение всегда подразумевает отказ от определённых измерений объекта: в живописи — от объёма; в скульптуре — от цвета, запаха, тактильных впечатлений, и в обоих случаях — от временного измерения, поскольку целостность произведения изобразительного искусства постигается одномоментно» [35, с. 132]. Значение редукции обнаруживается и в связи «с неким переворачиванием процесса познания: чтобы познать реально существующий объект в его целостности, у нас всегда есть склонность начать с его частей... Редукция шкалы опрокидывает эту ситуацию: будучи уменьшенным, объект в целом предстаёт менее угрожающим; будучи убавленной количественно, его целостность кажется нам качественно упрощённой. Точнее, это количественное преобразование усиливает и делает многообразней нашу власть над гомологом вещи; его можно охватить, взвесить на ладони, воспринять с

одного лишь взгляда. Детская кукла уже не является противником, соперником или собеседником; при ней и посредством неё человек превращается в субъекта. В противоположность тому, что происходит, когда мы стремимся познать какую-либо вещь или существо в реальных размерах, в уменьшенной модели познание целого предшествует познанию частей». Уменьшенная модель имеет ещё одно свойство: «она является творением человека, представляет собой подлинный опыт над объектом» [35, с. 132].

Уникальным выразителем истории человечества, своеобразным способом коммуникации является **архитектура**. Это **следующий этап** в развитии средств информации и способов коммуникации. В гробницах фараонов содержится множество посланий, которые являются органической частью ансамбля пирамид. И самой своей формой архитектурные сооружения, являясь расширениями оболочки человека и выражениями пространства-времени социумов, несут социально значимую информацию (Г.М. Маклюэн).

Виктор Гюго в романе «Собор Парижской Богоматери» следующим образом анализирует язык архитектуры: «Это как бы огромная каменная симфония; колоссальное творение и человека и народа, единое и сложное, подобно Илиаде и Романсеро, которым оно родственно; чудесный итог соединения всех сил целой эпохи, где из каждого камня брызжет принимающая сотни форм фантазия рабочего, направляемая гением художника; словом, это творение рук человеческих могуче и преизобильно, подобно творению Бога, у которого оно как будто заимствовало двойственный его характер: разнообразие и вечность... Каждая сторона, каждый камень почтенного памятника — это не только страница истории Франции, но и истории науки и искусства... Подобно следам циклопических построек, пирамидам Египта и гигантским индусским пагодам, они дают почувствовать, насколько первобытно искусство зодчества; они служат наглядным доказательством того, что крупнейшие памятники прошлого — это не столько творения отдельной личности, сколько целого общества; это, скорее, следствие творческих усилий народа, чем яркая вспышка гения, это осадочный пласт, оставляемый после себя нацией; наслоения, отложенные веками, гуща, оставшаяся в результате последовательного испарения человеческого общества; словом, это своего рода органическая формация. Каждая волна времени оставляет на памятнике свой намыв, каждое поколение — свой слой, каждая личность добавляет свой камень... Поистине, в этих последовательных спайках различных искусств, на различной высоте одного и того же здания, заключается материал для многих объёмистых томов, а нередко и сама Всемирная история человечества. Художник, личность, человек исчезают в этих огромных массах, не оставляя после себя имени творца; человеческий ум находит в них своё выражение и свой общий итог. Здесь время — зодчий, а народ — каменщик».

Эллинскому миру мы обязаны «изобретением» **политической коммуникации** как демократического способа принятия общих решений. Кроме того, Древняя Греция может считаться изобретательницей дошедших до нас почти в неизменном виде таких способов коммуникации, как **алфавит, книги, библиотеки, массовые собрания, театр, спортивные игры**. Греческое сообщество — полис — вправе именоваться «обществом коммуникации».

С появлением алфавита, начиная с Солона, афинского политика, законодателя и поэта, одного из «семи мудрецов» Древней Греции, в начале VI века до н.э. появилась потребность записывать законы в общественных местах: на стенах храма или специальных стелах. Публичность записи законов и указов связывалась с демократией. Эта норма сохранилась вплоть до нашего времени, когда закон вступает в силу только после его публикации в средствах массовой информации.

Постепенно в обществе формируется развитая система сохранения и распространения знаний. В роли создателей, хранителей и распространителей информации начинают выступать священники, учёные, люди искусства, купцы, путешественники, журналисты.

Проявляется зависимость информации от способов связи и транспорта. Средства связи вообще были одним из условий существования великих империй: царская дорога и эстафета скороходов в Персии были одной из причин ее могущества, достижения Рима в строительстве дорог и система гонцов способствовали военным победам и эффективному управлению многочисленными территориями, в целом - развитию цивилизаций. С повышением скорости движения информации, вследствие внедрения бумажных сообщений и дорожного транспорта, происходит изменение в социальных группировках и образование новых сообществ. Такое ускорение означает колоссальное возрастание контроля и распространение его на все большие расстояния. Ускорение ведёт к разделению функций — как коммерческих, так и политических, созданию структуры «центр-периферия» (Г.М. Маклюэн).

Два вида речи — устной и письменной — развиваются параллельно, влияя друг на друга. Устная речь с развитием письменности не исчезает, а продолжает существовать самостоятельно с опорой на новую форму коммуникации и становится ее содержанием. Это ещё одна важная закономерность.

До письменности коммуникация была недолговечной и локальной. Устная речь ограничивает возможности сохранения и запоминания. Мир концентрируется в пространстве-времени вокруг некой обжитой середины. Близкое прошлое простирается настолько, насколько хватает индивидуальной памяти [45, с. 78]. Письменность сохраняет информацию во времени и пространстве. Философ Платон, свидетель развития письменности, так рассуждает о ней: «один может говорить с множеством, мёртвый — с живыми, живой — с ещё неродившимися» [19, с. 40]. Письменность изменяет возможности упорядочивания социальной памяти, независимой от нейрофизиологических и психологических механизмов отдельных людей. Открываются свободные пространства интерпретации, о тождественных текстах можно составлять различные мнения. Становится возможным откладывание интеракции и понимания. Как медиум распространения она увеличивает масштабы социальной избыточности, растягивает круг адресатов, но одновременно сужает круг того, о чём может говориться информативно, сообщать неожиданное [45, с. 82-83].

Машинная стадия развития техники — это **очередной этап** развития средств информации и способов коммуникации. Несмотря на значимость письменности в древние века, настоящая революция в обществе происходит в результате появления печатного станка на машинной стадии развития техники. На этом этапе человек передаёт технике свои мускульные и энергетические усилия. Печать окончательно лишает важного социального статуса индивидуальную память, превращая писания прошлого в основу обогащения опытом большей части населения благодаря тиражированию информации.

И, прежде всего, речь здесь о **книге**. До эпохи книгопечатания умения читать и писать не были широко распространены. Цена книги иногда была равна цене небольшого земельного участка. Книги переписывались от руки — сначала монахами, затем профессиональными писцами.

С возникновением книгопечатания в XV веке (печатный станок с подвижными буквами изобретён в 1445 году в Майнце И. Гуттенбергом) книги стали дешёвыми и доступными. На основе книгопечатания становятся допустимыми полностью придуманные произведения и фантазии, как нереализуемые возможности. Книгопечатание имело

решающее значение для развития новых наук, философии и художественной литературы. Оно заложило основу всеобщего образования, способствовало возникновению класса интеллектуалов. Дешёвые книги способствовали не только единообразию языка, но и картины мира. Эта технология стала важной для развития демократии и национального самосознания [95, с. 63].

Важно и то, как считает Г.М. Маклюэн, что коренные изменения произошли не только и не столько благодаря содержанию книг и другой печатной продукции, а вследствие самой формы печатной коммуникации. Повторяемость составляет ядро механического принципа, овладевшего миром, с появлением печати [47, с. 181]. Как кирпич является олицетворением повторения, единообразия, что нашло применение в строительстве стен и дорог, так и тиражированная книга, потеряв уникальность, становится элементом новой картины действительности и социального устройства — «это взрывная сила, разрывающая на фрагменты мир власти и знания» [47, с. 183].

Немного об истории печати. Первую ежедневную газету мир увидел в 1650 году в Лейпциге. В конце XVII века в Германии выпускалось уже 70 газет, средний тираж — около 400 экземпляров [15, с. 51]. Распространению нового средства информации способствовало и развитие транспортных путей, курьерских и почтовых служб, изобретение конверта. Существовала масса людей, особенно в крупных городах, которые ощущали потребность всегда быть в курсе самых последних событий. Газеты соперничали друг с другом в поставке свежей информации, появились еженедельные **журналы**. В конце XVII — начале XVIII века кофейни стали излюбленным местом встреч в Лондоне и Париже. Они были важнейшими информационными центрами без ранговых различий. Здесь читали газеты, а с начала XVIII века лондонские кофейни сами стали их выпускать [15, с. 47]. В России центрами коммуникации были салоны, где встречалась знать и лучшие представители культуры. Роль межличностной коммуникации в осмыслении и утверждении новых средств информации долгое время исследователи оставляли в стороне. Но именно так, опосредовано, формировалось общественное мнение.

Ещё одна ветвь печатного слова связана с механической пишущей машинкой, которая была изобретена датским священником Гансом Расмусом Еханном Маллингом Гансеном в 1867 году, чтобы облегчить процесс писания слепым и плохо видящим. Одним из первых покупателей был Фридрих Ницше, у которого было слабое зрение. Он заметил в своём письме от 1882 года, что «инструменты письма влияют на наши мысли». Это психологическое наблюдение является подтверждением роли средств коммуникации как таковых, их форм на психическую жизнь и способ мышления. Печатная машинка в дальнейшем преобразовалась в клавиатуру компьютера.

Но и с развитием печати были сторонники писания от руки, так как это соответствует ритму мышления. Пропагандировал рукописные детские газеты педагог Януш Корчак, хотя уже существовала методика школьных типографий Селестена Френе. В Европе XXI века на начальной стадии образования возрождают письмо перьевыми ручками. Разрабатывается технология набора текста в компьютере с помощью электронной ручки, которая будет существовать параллельно с клавиатурой, скопированной с пишущей машинки.

Нейл Постман, американский писатель, педагог, теоретик средств массовой информации и культурный критик, связывает историческое изменение границы детства с особенностями средств коммуникации: «поскольку большинство людей не умело читать, и им не нужно было уметь читать, ребёнок становился взрослым — абсолютно полноценным взрослым — сразу, как только научился говорить. Поскольку все важные социаль-

ные транзакции включают устное общение лицом к лицу, умение нормально говорить и слушать — достигаемое обычно к 7 годам — было границей между младенчеством и взрослой жизнью» [63]. С возникновением печатных книг и общественной потребности в овладении знаниями в XVI в. «это стало означать, что молодых нужно отделять от прочих для обучения чтению, то есть для обучения тому, как быть взрослыми... С основанием школ, молодые неизбежно стали восприниматься как особый класс людей, чьи разум и характер качественно отличаются от взрослых» [63].

Претерпевают трансформацию и неязыковые средства социальной коммуникации. Начав свою функцию в древних обществах, **деньги**, как считает Г.М. Маклюен, продолжают служить в этом качестве, принимая все более символическую форму. Подобно словам и языку, современные деньги представляют собой мощную информационную технологию, как хранилище труда сплавляются воедино с информационными формами кредита и кредитной карточки, приобретают электронную форму. Их сфера использования универсальна, они действуют во всем мире и внесли вклад в создание единого мира. Это ведёт к окончательному превращению торгового обмена в движение информации [47, с. 153, 155].

К средствам коммуникации Г.М. Маклюэн относит и **часы**. «Часы — это механические средства коммуникации, которые трансформируют задачи и, повышая скорость человеческой ассоциации, создают новую работу и новое богатство. Координируя и ускоряя человеческие встречи и весь образ жизни, часы повышают чистое количество человеческих обменов» [47, с. 175, 178]. У племенного человека были космические часы и священное время самой космогонии. В эпоху часов Ньютон представил весь мир в образе часового механизма. В индустриальном обществе часы впервые стали использоваться для достижения синхронности и эффективности действий огромной индустриальной машины. Принцип «время — деньги» был возведён в систему. Время отделяется от ритмов человеческого опыта. Из проводимого деления времени родилось психологическое восприятие времени как продолжительности. Не только труд, но питание и сон начинают приравниваться не к органическим потребностям, а к часам [47, с. 164-165]. Утверждение механического и абстрактного паттерна времени находит своё продолжение в смене стилей одежды, в периодической публикации газет и журналов [47, с. 193].

Передача информации на расстояние с помощью звуковых сигналов - это следующая **веха** в эволюции средств коммуникации: возвращение к живому слову, речи, но на новом уровне, с использованием написанного текста от предыдущего уровня и более совершенного кодирования. Машины для передачи и приёма сигналов изменили топологию — разорвали и вновь соединили общественные связи [19, 183]. На **электронном этапе** эволюции средств массовой информации продолжается передача техническим устройствам и усиление энергетических возможностей человека, а также расширение и усиление нервной системы и мозга.

Появление **телеграфа** знаменует собой начало эры электронных средств коммуникации. Информация отделяется от твёрдых носителей и прямой связи с транспортными средствами, весом менее грамма, она передаётся на многокилометровые расстояния. Поскольку люди имеют привычку поначалу не замечать природу нового, для пропаганды использовались рекламно-игровые формы. Первая телеграфная линия, открытая в 1844 году Сэмюэлом Морзе, дала толчок проведению шахматных матчей между Балтимором и Вашингтоном. Другие линии использовались для проведения лотерей и игр, так же как радио поначалу поддерживалось горсткой радиолюбителей и было замечено после того, как они первыми обнаружили сигнал бедствия пропавшей экспедиции [47, с. 284-285].

Телеграф перевёл письмо в звук, и этот факт непосредственно связан с рождением телефона и фонографа, появлением радио как средства массовой информации. Телеграф также был изобретением, проложившим дорогу Интернету — его прямому наследнику.

Телефон был представлен общественности в 1877 году, почти одновременно с проволочной телеграфией. Создатели телефонного аппарата, отец и сын Беллы, много работали над тем, чтобы помочь глухим. Борьба за то, как сделать речь зримой с помощью электрических приспособлений, привела к изобретению телефона. Телефонный микрофон был непосредственным порождением долгих попыток воспроизвести механическими средствами человеческую физиологию. По совету бостонского хирурга К. Дж. Блейка принимающее устройство было напрямую смоделировано по образу и подобию костно-диафрагменного строения человеческого уха [45].

Звуковая форма коммуникации получает развитие с изобретением радио, которое пережило эволюцию от любительских радиоприёмников до разветвлённой и многочисленной сети радиостанций, став глобальным механизмом циркуляции информации. Специфика новой формы была в том, что на большинство людей радио воздействует интимно, как бы с глаза на глаз, несмотря на то, что оно предназначено массовой аудитории. В 1920 году началось общественное радиовещание в США. Радио в Германии появилось в 1923 году. Михаил Бонч-Бруевич в начале 1920-х гг. занимался при поддержке Владимира Ильича Ленина радиофикацией России на основе радиотрансляторов в публичных местах. 1930-1950-е годы — это эпоха людей, прислушивающихся к радиоприёмникам как к главному источнику информации, как когда-то они слушали своих племенных вождей или священных оракулов (Г.М. Маклюэн).

Появление и развитие визуальной формы информации — это следующий этап эволюции информационно-психологического пространства.

До 1840-х годов нужно было обращаться к художнику-портретисту, чтобы оставить свой образ на память потомкам. В 1839 году Луи Жак Манде Дагер, французский художник, химик и изобретатель, представил миру первые фотопластинки. В том же году Уильям Генри Фокс Толбат выступил в Королевском обществе с докладом о «процессе, посредством коего природные объекты можно заставить прорисовывать самих себя без помощи карандаша художника».

Фотография стала отображать внешний мир как точно повторяемый визуальный образ [47, с. 215]. Громоздкие фотоаппараты для стационарной съёмки сменились компактными, фотография стала занятием любого желающего. После второй мировой войны появилась автоматическая фотография. С 1990-х годов стала использоваться цифровая фотография [95, с. 79]. Век фотографии стал эпохой жеста, мимики и танца. Кинематограф привёл застывшую картинку в движение.

Впервые публично продемонстрировали возможности **кинематографа** в 1895 году братья Люмьер в Париже и братья Складановски в Берлине. Вскоре просмотр фильмов превращается в особую форму общения в специально оборудованных для этого местах. Первый кинотеатр был открыт в 1902 году в Лос-Анджелесе. Копирование и передача на расстояние с помощью кодирования и декодирования движущейся картинки — ещё один круговорот в развитии средств массовой информации и коммуникации, возвращение как бы к истокам ритуального танца и наскальной графики, как отражения жизнедеятельности. Фотография и ее превращение в кино вернули жест и человеческую технологию сохранения опыта. Они, как считает Г.М. Маклюэн, стирают национальные границы и культурные барьеры, вовлекают в общую семью человечества [47, с. 219, 223].

Телевидение, которое появилось в 1928 году, первоначально тоже сохраняет форму публичных просмотров (у телеэкрана собиралась вся семья, приходили соседи, друзья), но постепенно приобретает индивидуальный характер. С 1952 года имеет место стремительное развитие телевидения и падение посещаемости кинотеатров.

При рассмотрении средства коммуникации необходимо учитывать, что данное воздействие нервной системы человека и взаимодействия субъектов меняет психологические характеристики личности, включая восприятие информации и, соответственно, действительности, вооружая новыми психологическими возможностями и орудиями.

По мнению Г.М. Маклюэна, кино, телевидение, видеодокумент — наиболее информативное отражение реальности, но со своей спецификой. Простое соотнесение картинки с реальностью даёт новый мотив к изменению. Принцип кино — ассоциация застывших мгновений, «квантов» действительности, — ощутимо влияет на психологические орудия человека. Телевизионный образ — это непрерывно формирующийся контур вещей, рисуемый сканирующим лучом. Сформированный образ имеет качества скульптуры и иконы.

Специалисты отмечают: из трёх миллионов точек в секунду, появляющихся на телевизионном экране, зритель способен воспринять лишь несколько десятков, примерно семьдесят, из которых и складывается образ. Кинообраз предлагает миллионы данных в секунду, которые зритель воспринимает целиком. Телевизионный крупный план даёт не больше информации, чем небольшая часть общего плана на киноэкране. Телевизионный образ, подобно карикатуре, предлагает мало деталей и низкую степень информирования, это средство коммуникации, построенное не столько на действии, сколько на реакции [47, с. 186, 358-359, 366].

Это подтверждает изучение детей, смотрящих телевизор: их глаза следят не за действиями, а за реакциями. Глаза почти не отрываются от лиц актёров, даже когда идут сцены насилия [47, с. 352]. Поэтому самыми эффективными оказываются программы, в которых предлагаются ситуации, представляющие какой-либо процесс, требующий довершения. Телевидение как средство коммуникации отдаёт предпочтение представлению процессов, а не продуктов [47, 2007, с. 353].

Особое влияние оказывает телевидение на поколение, которое формируется преимущественно в его культуре. Как пишет ещё в 1960-е годы Г.М. Маклюэн, «насквозь обработанное мозаичным телевизионным образом, дитя встречается с миром в духе, противоположном письменности» [47, с. 385].

Там, где телевизионный образ сталкивается с письменной культурой, он непременно сгущает чувственную смесь, преобразуя фрагментарные и специалистские расширения в «цельносплетенную паутину опыта». Это ослабляет действенность базисных педагогических методик и релевантность учебного плана. «Именно тотальное вовлечение во всеполагающую сейчасность появляется в жизни молодёжи благодаря мозаичному образу телевидения» [47, с. 385]. Это изменение установки, вопреки опасениям и критике со стороны людей письменной культуры, никак не связано с содержанием программ. «Телевизионный ребёнок» не умеет заглядывать вперёд, поскольку хочет вовлечения, и не способен принять фрагментарную и просто визуалистскую цель или судьбу ни в обучении, ни в жизни [47, с. 386].

В связи с особенностями телевизионного способа коммуникации, считает Нейл Постман, американский писатель и теоретик средств массовой информации, возникает угроза исчезновения детства как особой информационно-культурной группы: «телевидение стирает границу между детством и взрослой жизнью двумя способами: оно не требует обучения для понимания его формы, и оно не разделяет аудиторию. Поэтому

оно передаёт одну и ту же информацию всем, одновременно, независимо от возраста, пола, уровня образования или условий труда... Для начала — телевидение изначально нелингвистично, оно представляет информацию в основном в виде визуальных образов. Хотя человеческая речь слышна на телевидении, и иногда подразумевает важность, люди большей частью смотрят телевизор. А смотрят они быстро сменяющиеся визуальные образы — до 1200 сцен в час. Средняя длина сцены — 3,5 секунды, в рекламе — 2,5 секунды. Это требует очень небольшого аналитического декодирования...» [63]. Телевидение, как утверждает Н. Постман, использует материал взрослого мира как основу для проектирования совершенно нового типа личности — взрослого ребёнка, поведение, привычки, желания и даже внешний вид взрослых и детей становятся неотличимыми.

Телевидение в XX веке принимает на себя миссию средств массовой информации по формированию единого сообщества. Государственное телевидение создаёт национальную общность и самосознание, апеллирует напрямую и к образованным, и к неграмотным, воздействуя на чувства и синхронно влияя на большие группы населения, предоставляет им определённую версию действительности. Благодаря национальному телевидению и радио сокращается диалектная и, в определённой степени, психологическая вариативность [95, с. 94-95].

Однако в XXI веке единое телевидение трансформируется, как и радио, становится мозаичным и по своей структуре. Рост количества телеканалов повлиял на тип работы средств массовой информации. Цифровое телевидение приводит к тому, что в каждом доме формируется своя программа «телесмотрения». Вполне возможно, стихийное формирование открытого видеопространства, в котором может проявить себя каждый желающий, с помощью ещё одного изобретения прошлого века — Интернета.

На **современном периоде развития системы «человек–техника–психологические орудия»** процесс развития информационного пространства представляет собой достройку орудийного и машинного этапов (уровней) через усиление деятельности нервной системы в целом, в том числе мозга, как рефлексивной и управляющей системы. Это становится возможным благодаря компьютерной технике и другим цифровым технологиям, а также благодаря средствам связи, преодолевающим пространство за доли секунды, коммуницирующим становится весь мир. В результате открываются новые возможности получения и переработки информации, моделирования реальности, самоорганизации и управления информационных систем — как на уровне индивидов, социумов, так и общества в целом. Как отмечает социолог Никлас Луман, место феноменологии бытия заменяет феноменология коммуникации, мир видят таким, каким даёт образная коммуникация [45, с. 140].

Компьютер как таковой и система этих машин, связанная через Интернет, представляет собой сложное социальное явление:

- практически безграничный ресурс, способный хранить, перерабатывать и распространять информацию, включая все знания и опыт, накопленные человечеством и непрерывно обновляющиеся;

- синтез предшествующих и существующих средств массовой информации (мультимедийность), открывающий новые возможности их эволюции и появления новых форм;

- средство связи, общения, диалога без ограничений во времени и пространстве;

- посредник между человеком и преобразованной им «второй природой», новым видом объективной реальности, находящейся в диалоге с человеком;

- средство наращивания, усиления всех органов чувств, мозга, нервной системы

человека и человечества, как социального организма, тем самым социально-биологической эволюции;

— способ создания виртуальных моделей и миров, вероятного и возможного настоящего и будущего.

Интеграция всех возможностей средств массовой информации — это особенность компьютерных систем: они не создают принципиально иной способ выражения информации, которого не было до сих пор, а используют их электронные аналоги и интегрированные **мультимедийные системы и мультимедийные продукты**.

Предвестниками мультимедийности в культуре, задолго до появления компьютеров, считают композиторов Рихарда Вагнера и Джона Кейджа, учёного Ванневару Бушу, художника Билла Виола, писателей Уильяма Берроуза и Уильяма Гибсона и других теоретиков и деятелей искусства. В своей работе «Будущее романа» (1964 год) У. Берроуз обосновывает, что читательский опыт восприятия должен складываться из совокупности идей, образов, голосов, пространственных и временных контекстов, фрагментарно интегрированных в единое целое. У. Берроуз видел основным элементом подобной интеграции «монтаж» и цитирование, то есть постоянную отсылку читателя к другим текстам, из фрагментов которых и составлено произведение. Это своего рода «гипертекст» в оффлайн-пространстве [26, с. 136].

Теоретики проблемы мультимедийности, британские учёные Рэндел Пэкер и Кен Джордан считают, что мультимедиа определяются пятью основными современными процессами:

— интеграцией, предполагающей соединение технологий и искусства в некую гибридную форму выражения и представления информации;

— интерактивностью, позволяющей пользователю непосредственно управлять информационными потоками и медиасодержанием;

— гипермедийностью, в основе которой лежит соединение различных фрагментов медиасферы в единое ассоциативно-информационное целое;

— погружением, обуславливающим природу взаимодействия медиаканала и пользователя (аудитории), который становится частью синхронной, творчески развивающейся трёхмерной информационной среды;

— повествовательным началом, которое соединяет в себе эстетическую и формирующую стратегии, основывающиеся на синтезе четырёх предыдущих процессов и являющие своим результатом многоуровневые нелинейные формы представления информации в виде сюжетного целого [26, с. 135-136].

Для описания мультимедийной схемы информации американский социолог, философ и первооткрыватель в области информационных технологий Тед Нельсон вводит в 1965 году термин «гипертекст» и определяет его как «непоследовательное, не вытекающее из логики предыдущего повествование, письмо» [26, с. 136]. Нельсон предложил идею некой сверхгипертекстовой среды, представляющей собой цифровую медиасистему, в которой все формы культурной экспрессии, прошлое, настоящее и будущее во всех своих проявлениях могли бы аккумулироваться и перекомпоновываться. Развитие гипермедийной среды, как считают специалисты, обеспечивает беспрецедентные возможности управления текстовой основой информации и коммуникационными потоками, а при развитии трёхмерного информационного пространства — и звуковыми, визуальными образами.

Мультимедийность технологически наиболее полно позволяет выстраивать информационно-коммуникативный процесс как коммуникативную активность всех его

участников. Она наиболее оптимальна и перспективна в связи с тем, что современный ребёнок получает информацию по многим каналам, что обнаружено в наших эмпирических исследованиях (о чём пойдёт речь дальше). Она оказывает и будет оказывать все большее влияние на построение картин мира юным человеком.

Современные средства коммуникации сложно отнести к индивидуальной или массовой коммуникации. Домашняя страница в Интернет — массовая коммуникация, а электронная почта — индивидуальная. Средства передачи информации впервые начинают различаться не с помощью различных технологий, а посредством различных способов его функционирования. Многофункциональность — характеристика Интернета. Новое в Интернете и то, что он делает возможной коммуникацию «многих со многими». Посетители могут быть получателями и отправителями — это «интерактивная» или «соучаствующая» массовая коммуникация, или «сетевой кастинг». Интернет, как гибридное средство, позволяет реализовать традиционные и новые формы индивидуальной и массовой коммуникации.

Использование телефонной, радио-, спутниковой связи сделали подключение к компьютерным сетям общедоступным во всём мире. Технология оцифровывания, то есть представление самых разнообразных предметов и явлений окружающего мира в виде определённым образом закодированной информации, представленной в цифровом виде, наиболее удобна для компьютерной обработки, программирования и передачи по сетевым каналам обратно объекту с новыми заданными свойствами [23].

Оцифровывание — это всеобщая наиболее универсальная и адекватная информационная форма представления информационного содержания всех самых разнообразных физических, природных, биологических, социально-экономических явлений и объектов, программирования системных параметров их будущего развития. Ближайшее развитие электронных средств коммуникации специалисты связывают с возникновением невещественных (цифровых) квантово-полевых технологий передачи и воспроизводства информации, что позволит сформировать и развивать глобальную всемирную компьютерно-телекоммуникационную био-квантово-полевую цифровую суперсеть по сбору, обработке, производству, накоплению, использованию целесообразной информации во всем мире и во всех сферах жизни человеческого общества, а также позволит в определённой мере осуществлять глобальное управление индивидами и глобальный контроль за происходящими в обществе информационными процессами [23].

Лев Манович, профессор факультета Визуальных искусств Калифорнийского университета Сан-Диего, отмечает следующие особенности новых средств массовой информации [26]:

- цифровое кодирование данных;
- модульность, структурная нецелостность медиаэлементов, неиерархическая организация информационного пространства;
- автоматизация создания и доступа к медиаконтенту;
- изменчивость, вариативность, обновляемость медиаформ и контента;
- транскодирование, реализуемое на уровне передачи и перемещения медийных кодов в рамках различных систем, осуществляющих взаимовыгодный обмен, возрастание влияния «компьютерной логики» на «творческую логику».

Новизна новых медиаформ связана и с новыми возможностями распространения информации, которые синтезируют возможности телефона, цифровых телевизионных и спутниковых систем, компьютера, Интернет. Медиа превращаются в новые медиа [26].

По мнению Элвина Тоффлера, американского философа, социолога и футуролога, информационная магистраль заменит ежедневные поездки на работу и в магазин, и человечество начнёт жить в киберпространстве [74, с. 503].

Надо при этом учитывать, что эволюция материала и технологий компьютерных систем будет все больше приближаться к биологической форме, что ещё больше изменит их возможности и «совместимость» с человеком. Кроме того, информационные технологии проникают в биологию человека, много веков остававшуюся неизменной. Наиболее это заметно в медицине, прогресс которой связан с заменой выходящих из строя частей человеческого организма техническими аналогами. Успехи генной инженерии характеризуются проникновением информационных технологий в процесс развития человека и его биологических подсистем, возможностью программирования определённых тенденций его эволюции, не говоря о том, что на повестке дня выращивание отдельных органов из клеток человека, совместимых с его организмом, вплоть до клонирования его самого.

Самые главные изменения происходят в личностной структуре и отношениях «человек — техника — психологические орудия», соответственно, — в информационно-психологическом пространстве. Г.М. Маклюэн выразил эту тенденцию следующим образом: после трёх тысячелетий взрывного разброса, связанного с фрагментарными и механическими технологиями, мир взрывается вовнутрь [47, с. 5]. На протяжении механических эпох люди занимались расширением своих тел в пространстве. С появлением электрических технологий человек расширил до вселенских масштабов свою центральную нервную систему. Идёт быстрое приближение к финальной стадии расширения человека вовне — стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее, благодаря различным средствам коммуникации, были расширены вовне чувства и нервы. Интегральная целостность общего и частного сознания создаётся скоростью электрического вовлечения, электрические средства коммуникации мгновенно и непрерывно создают тотальное поле взаимодействующих событий, в которых участвуют все люди. Электричество, как и мозг, даёт средство вхождения в контакт со всеми гранями бытия сразу [47, с. 281-283].

Эта стадия завершает процесс «очеловечивания» техно-информационных систем. Они становятся подобны человеку как информационной системе и дальше им предстоит совершенствование в единой системе с человеком. Диалог человека с человеком дополняется благодаря современным технологиям диалогом с миром вещей, составляющих среду обитания человека. Это, как замечает социолог, философ и культуролог Валерий Андреевич Луков, особый класс вещей с человекоподобными коммуникативными свойствами (компьютерное управление производственными процессами, автомашиной, кухней и т.д.), трансформируя среду обитания человека. Они требуют к себе особого человеческого отношения — программирования [43, с. 75, 17]. В социокультурном аспекте программирование — специальный диалог с вещью.

Экономист и исследователь Сергей Алексеевич Дятлов считает, что информационная технология оцифровывания становится всеобщим универсальным способом преобразования явлений реального мира и программирования системных параметров их будущего развития, то есть представлением самых разнообразных предметов и явлений окружающего мира в виде определённым образом закодированной информации, что наиболее удобно для компьютерной обработки, программирования и передачи по сетевым каналам обратно объекту с новыми заданными свойствами [23].

Данный процесс можно назвать психологизацией мира, созданием нового типа

объективной реальности — ноосферы и информационно-психологического пространства (инфосферы) как ее составной части.

Изменение **роли человека в системе «человек-техника-психологические орудия»** при процессе автоматизации ставит его как бы рядом с производством, возрастает ценность творческой составляющей личности и соответствующих психологических орудий. Средства информации являются массовыми не из-за размера их аудиторий, а в силу того, что в одно и то же время каждый становится в них вовлечённым. Как утверждает Г.М. Маклюэн, это приведёт к превращению письменного человека с фрагментированным, письменным и визуальным индивидуализмом в сложную и глубинно структурированную личность, эмоционально сознавшую свою тотальную взаимосвязь со всем человеческим обществом.

В информационном обществе структура творческих производительных сил человека актуализируется в форме информационных потребностей и способностей. Человек представляет собой многогранную человеческую личность как решающий творческий фактор и главный информационный ресурс общества. В социально-экономической системе нового типа, имеющей чрезвычайно сложную структурно-функциональную организацию, человек выполняет многообразные функции, играет разнообразные социальные роли [23]. Человек, как основная составляющая производительных и социальных сил, отличается более совершенной психологической вооружённостью.

А.Г. Асмолов характеризует современного человека как многомерное существо, проявляющееся одновременно как:

- а) участник историко-эволюционного процесса,
- б) носитель социальных ролей и программ социотипичного поведения,
- в) субъект выбора индивидуального жизненного пути, в ходе которого осуществляется преобразование природы, общества и самого себя; как диалогичное полидеятельное существо [4, с. 6].

Если в прежние исторические периоды человек мог за свою жизнь реализовать одну социальную роль или очень ограниченное их количество, то в настоящее время имеет место нескончаемая вереница рождений человека как личности в процессе его движения в системе социальных отношений, осуществляемого в деятельности и общении. Человек становится равновеликим историческому процессу, который ранее измерялся цивилизациями, династиями и т.д.

Основной формой существования личности является ее непрерывное обновление. Психика и психологические орудия выступают как конструктивный фактор эволюции. Для личностного уровня регуляции поведения характерно то, что эта регуляция выступает не просто как активное приспособление к будущему, а представляет собой особый культурный «инструмент» овладения будущим при помощи творческих действий, в том числе и воображения. В творческих действиях осуществляется будущее через создание той действительности, ради которой живёт человек [4, с. 112, 120, 143-144].

Интеграция различных источников информирования в единое информационное пространство усиливает самоорганизацию общества.

Так, Мануэль Кастельс, один из основателей теории новой социологии города, считает, что в общекультурном отношении не сам Интернет, а его развитие даёт человеку больше свободы. «Реализация потенциала сетевой организации всевозможными общественными сетями привела к образованию онлайн-сообществ, которые реконструировали общество, способствуя при этом резкому расширению сферы охвата и применения компьютерных сетей» [30, с. 80].

Людмила Борисовна Янгель, философ, исследователь проблем глобального информационного пространства убеждена: «Усилению роли самоорганизации способствует и то обстоятельство, что, будучи наддисциплинарным явлением, сеть Интернет не ориентирована на создание новой единственно верной интегральной картины мира. Интернет функционирует по законам нелинейной динамики. В отличие от обычного письменного языка, Интернет нелинеен и позволяет порождать новые смыслы. Используя различные методы, языки и модели, интернет не столько центрирует мир вокруг одной идеи, теории, концепции, сколько децентрирует видение мира. Таким образом, сеть Интернет, будучи сложной, самореферентной, целостной системой, тем не менее, даёт открытую, незавершённую, развивающуюся картину мира; общество начинает функционировать как сетевое общество» [98, с. 19].

Г.М. Маклюэн замечает, что современные учёные, подобно бесписьменным народам, мыслят каждую вещь как создающую собственное время и пространство. Более того, пространство и время тотально взаимопроникают друг в друга в пространственно-временном мире [47, с. 67]. Тем самым происходит преобразование реального мира в научный вымысел.

В информационном пространстве каждый может проявить себя, самореализоваться. Необычайную популярность приобрели интернет-дневники — блоги, сочетающие автономность, доступность информации о собственной жизни избранному кругу с определённой степенью открытости вообще. Они дают максимальную возможность самовыражению и поиску людей «своего круга», расширяют вербальную форму диалога, дополняя ее комментариями, ссылками, переговорами в режиме онлайн. Подобный диалог перспективен потенциальной возможностью перемещения идей, гипотез, теорий [26, с. 13]. Люди, коммуницирующие в Сети, объединяются в сообщества для обмена информацией, мыслями, чувствами — ведут непрерывную виртуальную дискуссию [45, с. 29, 92]. На сайте www.habrahabr.ru в режиме интернет-средств массовой информации пользователи сами пишут новости и заметки, сами выбрасывают неинтересные, обсуждают их. Подобный принцип используется на молодёжном портале www.unpress.com, но, учитывая юношескую аудиторию, организаторы пока не решаются формировать ленту новостей без редактора, подобное право получают проверенные корреспонденты. Новый подход к производству информации создаёт эффект Тома Сойера, красящего забор по заданию тётушки, когда «кисти и краску» передают в руки самих пользователей [26, с. 93].

В блогосфере видят становление нового пространства гражданской журналистики исследователи в России и Китае [26, с. 8], усиливающей, в том числе, возможности самодельных альтернативных средств информации и коммуникации. Особенность интерактивных средств коммуникации, в отличие от традиционных средств массовой информации, в том, что они — средство межличностной коммуникации, диалога. Благодаря численности, а их десятки миллионов, это ещё и массовая коммуникативная среда, модель уникального коллективного диалога, чуткого к событиям. Информационное интернет-пространство нового поколения становится все более неиерархичным, распорядителем содержания становится все сетевое сообщество, представляя собой модель коллективного разума.

Термин **коллективный интеллект** появился в середине 1980-х годов в социологии как способность группы находить решения задач более эффективные, чем лучшее индивидуальное решение в этой группе [26, с. 82]. Сегодня Интернет предоставляет такие возможности всем пользователям. В нем возникает особая гипертекстовая среда

«Вики», которая позволяет всем желающим принимать участие в сборе и редактировании информации. Изменения появляются сразу после их внесения, в то же время сохраняется возможность сравнения старого и нового текста. Она создаётся коллективным трудом добровольных авторов. «Википедия», со всеми достоинствами и недостатками такой системы, стала одной из испытательных площадок для идеи коллективного разума [19, с. 407].

Только скорость и масштаб интеграции этой мудрости по сравнению с историко-культурологическим процессом стремителен. Активная аудитория новых средств массовой информации участвует в создании единой коммуникативной виртуальной медиакультуры. Это важнейшая социальная задача, особенно в условиях, когда сложившаяся система средств массовой информации не способна удовлетворить все возрастающие и усложняющиеся информационные потребности и интересы человека. Данный характер коммуникации присущ не только интеллектуальным специалистам, но и самой широкой аудитории, в том числе детской. Партнёрские отношения, диалог на равных со всеми участниками информационного процесса — это сегодняшнее требование и ближайшее будущее средств коммуникации.

«Формируется новая глобальная информационно-коммуникационная среда жизни, общения и производства, которая получила название инфосфера... Приоритеты все более и более смещаются от собственности и капиталов к научным знаниям и информации» [23, с. 105]. Человек в этой системе предстаёт как частица интегральной социальной силы всей человеческой цивилизации (нынешних и прошлых поколений). На социальной преемственности по вертикали в огромной мере базируется прогресс человечества, а преемственность по горизонтали обеспечивает объединение человечества как бы в единый «сверхмозг» со все новыми и более эффективными каналами информации, преодолевающими временные, пространственные, национальные и языковые границы [96, с. 168].

Изучение эволюции средств информации и способов коммуникации позволяет обнаружить следующие **закономерности** развития информационно-психологического пространства.

Закономерность первая. Развитие происходит как поэтапное «очеловечивание» коммуникации общества с окружающей действительностью, психологизация мира.

Закономерность вторая. Новая форма коммуникации возникает в недрах старой, новое воздействие обеспечивается старым методом, усложнённым или модифицированным новой чертой. К примеру, идею кино можно проследить уже у Платона в его «образе теней в пещере» как отражению действительности. Почти за сто лет до изобретения киноаппарата в Европе развлекались вращением расположенных по кругу картинок, благодаря чему появлялся эффект движущейся картинки. Первые кинокадры Люмьеров тоже воспринимались как аттракцион, ещё не предвещавший эпоху нового вида искусства и коммуникации.

Закономерность третья. Новый вид интегрирует в себе возможности предыдущих. В печатной продукции, в частности, активно используется рисунок, то есть достижения предыдущего уровня. В эпоху печати была широко распространена практика семейного и публичного чтения популярных произведений. Прочитанное обсуждалось в кофейнях, пивных и других местах межличностного общения. Стихи, с развитием письменности ставшие самостоятельным жанром, сохраняют ритмику, мелодику ритуальных танцев и звуковой речи, тотемические образы, характерные для первобытного мышления. Содержанием письма или печати служит речь. Содержанием кино является роман, пьеса

или опера. Джаз сохраняет коммуникативную основу, похожую на ритуальные танцы. Специфический ритм, положенный в его основу, появился как тайный язык рабов на плантациях, которым они переговаривались друг с другом. Сегодня он стал импровизированным диалогом между музыкантами, а также музыкантами и публикой. На телевидении имеют место и чтение текста, и репортажи в стиле радио, и шоу наподобие рыночного балагана. Интернет вообще не создал принципиально новой формы выражения информации, а синтезировал уже имеющиеся.

Закономерность четвертая. Старые виды не исчезают, а продолжают сосуществовать с новыми в изменённом виде. Влияние новых видов связи мы можем обнаружить в эволюции привычных форм коммуникации. Телеграф изменил газету и повлиял на литературный стиль. Радио изменило форму новостей. Телевидение вызвало радикальную перемену в содержании радиопрограмм и в форме документального романа. Радио, граммофон и магнитофон вернули устное слово. Благодаря электронной почте и SMS-сообщениям произошло возрождение письма как послания, которое одно время почти вытеснил телефон. Электронные способы переписки заняли промежуточное место между письменным и устным общением. Многие молодые люди уже привыкли к электронным книжкам карманного формата.

Скрещивания, или гибридные соединения средств коммуникации, являются одной из важных причин прорывов в любой системе так же, как на пересечении радио и кино в 1922 году родился звуковой фильм. В «Дэвиде Копперфильде» Чарльз Диккенс сделал великое техническое открытие: впервые мир реалистически развёртывается за счёт использования глаз подрастающего ребёнка в качестве «кинокамеры» [47, с. 48, 337]. В 1983 году компания «Сони» представила на рынке гибридную видео- и фотокамеру, решив задачу мгновенного электронного фотоснимка. В результате, современные цифровые аппараты могут работать в режиме видеороликов, а в цифровых видеокамерах предусмотрен режим покадровой фотосъёмки. Не менее продуктивным оказался гибридный мобильный телефон с фото- и видеосъёмкой, в результате чего передача информации стала более универсальной и дополнительным средством общения. Каждый владелец телефона с ММС-функцией становится потенциальным корреспондентом информационного общества. Такое песенное самовыражение как рэп, например, представляет собой поток обыденных словесных выражений под простую ритмическую музыку.

Закономерность пятая. Отрезки времени между значительными вехами в истории развития технологий становятся короче, имеет место ускорение информационных процессов и внедрения нового, но радикальный потенциал подавляется из-за экономических интересов, инвестиций в более ранние конкурирующие средства коммуникации.

К тому моменту, как печатные станки Гуттенберга сделали книги общедоступными, письменность существовала 4,5 тысяч лет. Книгопечатание едва успело отпраздновать 500-летний юбилей, как у него появился соперник в виде электронного текста. Радио безраздельно владело вниманием слушателей несколько десятилетий до того, как телевидение оставило ему второстепенную роль. Прошло 5000 лет, прежде чем повозка, запряжённая лошадью, была заменена автомобилем с пневматическими шинами, и 20 лет от изобретения автомобиля до появления самолёта. До момента, когда радио стало доступно 50 миллионам человек, прошло 38 лет. Для телевидения этот срок составил 13 лет. «Всемирная паутина» уложилась в 4 года [95, с. 50, 118-119].

Элвин Тоффлер, один из авторов концепции постиндустриального общества, делает следующие цивилизационные выводы, характерные для наступления новой эпохи: «скорость перемен имеет значение совершенно отличное и иногда более важное, чем

направление перемен... Любая попытка определить «содержание» перемен должна включать последствия, вызываемые самим темпом, как часть этого содержания» [74, с. 17]. Убыстрение перемен — это «конкретная сила, которая глубоко проникает в нашу частную жизнь, заставляет нас играть новые роли и ставит нас перед лицом опасности новой и сильно подрывающей душевное равновесие психологической болезни. Эту новую болезнь можно назвать «шок будущего...» Он возникает в результате наложения новой культуры на старую» [74, с. 22-23].

Вместе с тем, исследователь средств массовой информации Брайан Уинстон обращает внимание, что новые средства коммуникации входят в массовое употребление медленнее ожидаемого, несмотря на энергичные заявления и прогнозы. Прототип телевидения существовал в 1936 году, но оно не стало массовым средством информации даже в конце 1950-х. Причина этого, по мнению Уинстона, устоявшиеся экономические интересы, инвестиции в более ранние конкурирующие средства коммуникации [21, с. 315-316]. Это и в настоящее время тормозит развитие видеointернета, как альтернативы дорогостоящему телевидению, в развитие которого вложены огромные инвестиции.

Закономерность шестая. Новый вид, его гибриды со старыми, глобально изменяют психологические и социальные системы, мировосприятие и деятельность человека и человечества.

Знание и учёт при принятии решений и в прогнозах закономерностей развития средств информации и коммуникации позволяет избежать многих мифов. Большинство средств массовой информации XX века считались способными «произвести революцию» в информировании и образовании. Ещё Томас Эдисон в 1922 году предсказывал, что кинематограф заменит по большей части, если не полностью, учебники.

Но время подтверждает закон Уинстона: радикальный потенциал подавляется, «традиции образования просто-напросто воспроизводятся в рамках новых технологических возможностей» [21, с. 317]. Это важно при определении судьбы печатных изданий, особенно книги. Медиаспециалисты, увлечённые современными интернет-технологиями, уверяют, что в скором времени электронные книги вытеснят печатные.

ВАЖНО. За многовековую историю ни один вид средств информации и коммуникации не исчез. Даже наскальные рисунки и надписи продолжают существовать, перекочевав на заборы, стены, хотя и на скалах тоже встречаются, появилась их новая распространённая форма — граффити. Последние исследования показывают, что среди детей и юношества возрождается интерес к печатной книге, который во многом подпитывается киноэкранизациями и Интернетом.

Часть вторая.

Развитие информационно-коммуникативных социумов (современные тенденции и противоречия).

Мир, общество, информационное пространство в их взаимодействии можно представить с помощью следующей схемы (рис. 7).

Рис. 7. Информационно-психологическое пространство в отношении с миром и обществом как информационными системами.

На современном этапе следует говорить о вступлении человеческой цивилизации в новую и решающую («знаниевую») фазу формирования информационно-коммуникативного общества. По этому поводу у специалистов различные мнения, что и порождает разногласия.

То, что информация — отличительный признак современного мира, не отрицает никто. Споры идут о том, что несут с собой эти перемены, какова роль информации в социальных трансформациях.

Представим наиболее значимые подходы.

Фрэнк Уэбстер, британский социолог, автор концепции современного общества, базирующегося на понятии «информация», выделяет пять основных определений информационного общества: технологическое, экономическое, связанное со сферой занятости, пространственное, культурное. [78, с. 14]. В них преобладает количественный подход: информации в той или иной сфере стало больше, шире ее распространение. Произошли и качественные изменения.

При использовании **пространственного критерия** главный акцент делается на степень распространения информационных сетей, которые связывают различные места, а потому могут оказать глубокое воздействие на организацию времени и пространства.

Критерий культуры обращает внимание на основные каналы информирования и коммуникации.

Технологические концепции исходят из того, что информационные инновации приводят к социальному переустройству. В Японии уже с шестидесятых годов прошлого века предпринимались попытки измерить рост информационного общества через объёмы телефонных разговоров и телекоммуникационных средств доставки информации. Недостаток таких подходов — технологический детерминизм — первостепенное положение технологий как чего-то самодостаточного.

Другие технологические концепции исходят из того, что информационные технологии имеют двоякое значение: сами по себе и как составляющая других сфер жизнедеятельности. Они глубинным, коренным образом меняют все сферы жизнедеятельности (труд и производство, досуг, образование, семья, быт, транспорт и др.) и, одновременно, сближают их, порождают новые синтетические формы.

Дэниел Белл, американский социолог и публицист, одним из первых обратил внимание на то, что при новой трансформации общества экономика принимает информационный характер. Он ввёл в конце 1950-х годов термин «постиндустриализм», в котором центральная роль отводится возрастанию количества и значения информации (знания). Исследователь предложил «концепцию постиндустриального общества как аналитическую конструкцию, а не описание конкретного общества» [95, с. 44]. Информация трактовалась им как базовый ресурс взаимодействия между людьми. Возрастает роль профессионалов, идёт экспансия новой интеллигенции, повышается роль общения. Возрастает и значимость предвидения, выработки стратегий и планирования взамен анархии свободного рынка [95, с. 55-57].

В прошлом изобретения делались главным образом талантливыми самоучками в связи с практической проблемой, методом проб и ошибок. Теперь предпосылки инноваций лежат в сфере теоретических принципов, причём не только в сфере производства, но и в социальной сфере, политике [95, с. 74]. Ориентированное на человека общество, в котором знания специалиста играют ведущую роль, становится обществом заботливым, индивид перестаёт быть «винтиком» [95, с. 57].

Ведутся разговоры о новой «электронной экономике», преимущества в которой за предпринимателями, способными быстро соображать благодаря знаниям и образованию. XXI век принёс с собой новую волну споров в связи с Интернет, информационной «супермагистралью» и киберобществом, информационными и коммуникационными технологиями ближайшего будущего. Тематами обсуждения становятся электронная

демократия и онлайн-сообщества. Растёт интерес к информационному труду, символическим аналитикам, способными быть лоцманами в будущем, где нормой станут адаптивность и постоянное переобучение.

По мнению Томаса Хилланда Эриксона, норвежского социального антрополога, информационное общество характеризуется интеграцией информационных технологий как ключевых факторов в любом виде производства. Все больше становится доля производимых ценностей, основанных на информации. Все больше становится доля производимых ценностей, основанных на информации. Сами товары приобретают во все большей степени характер информации. Например, в цене микропроцессора доля стоимости сырья составляет лишь 2-3%, остальную часть образует информация [95, с. 112]. Новое явление, характерное для XXI века, так называемый «китч»: внешняя необычность, оригинальность продукции, привлекающая внимание. «Символы проникли в производство товаров настолько, что во многих отраслях дизайн выходит на первое место» [95, 123].

При всей значимости современных технологий, в том числе информационных, технократические критерии, принятые в настоящее время, перестают быть определяющими в развитии общества и его информационно-психологического пространства. Элвин Тоффлер делает заключение, что в настоящее время нет ни критериев, ни набора сравнимых «социальных индикаторов» здоровья общества, «качества жизни», нет соответствующего «систематического показателя». Отсутствие такого показателя увековечивает вульгарную технократию. «Чувствительная система индикаторов, направленная к оценке достижения социальных и культурных целей и интегрированная с экономическими индикаторами» — это предварительное условие посттехнократического планирования и управления переменами [74, с. 498], гуманизация планирования.

Эрих Фромм, крупнейший мыслитель XX века, считал: «Техника (как и компьютеры) должна стать средством достижения целей, определённых разумом и волей человека. Ценности, определяющие отбор данных и влияющие на программирование, должны реализовываться на основе знания человеческой природы, различных ее проявлений, оптимальных путей ее развития и ее реальных потребностей, способствующих этому развитию. Следовательно, именно человек, а не техника, должен стать естественным источником ценностей; оптимальное развитие человека, а не максимальная производительность, должно стать критерием при всех видах планирования» [86, с. 115].

Исследователи информационной экономики также считают, что доминанта технократического подхода к информатизации общества завела эти процессы в глубокий кризис. Если мы хотим построить общество, ориентированное на востребование интеллектуального и духовного потенциала человечества, то необходимо посмотреть на процессы «информатизации» с позиций психосоциальных критериев. [38, с. 143-147].

Поиск таких критериев возвращает нас к марксистской линии научной мысли.

В качестве определяющего критерия исторического прогресса Карл Маркс предложил роль и место личности как внутреннего фактора, источника, движущей силы и цели социальных преобразований. Данный критерий используют Абрахам Гарольд Маслоу и Эрих Фромм, представители гуманистической философии и педагогики. На основании этого критерия можно определить и уровни развития информационных систем.

Согласно **гуманистическому критерию**, современное общество, как информационно-знаниевое, прогрессивно в той мере, в какой место и роль конкретного человека является центральным, обеспечиваются его информационные интересы и цели, реализуются и развиваются информационные способности. На его основании можно выделить два полюса:

1) человек как «винтик» социальной механистической системы со строгой иерархией и подчинением по вертикали;

2) человек как самоцель, источник и фактор саморазвития социума.

Показателем при этом является степень (спектр) коммуникативных возможностей и практик для самореализации личности. Чем богаче структура жизнедеятельности индивида, в том числе в информационной сфере, чем шире круг его социальных принадлежностей, тем более сложным и дифференцированным будет его самосознание, которое, в свою очередь, обогащает возможности жизнедеятельности.

Основные уровни социумов, в соответствии с данным критерием, могут быть следующие: тоталитарный (власть диктатуры), элитарный (власть правящих элит), демократический (гражданские сообщества), коммуникативный (сетевой).

Исследователи отмечают взаимосвязь возрастания роли народных масс с повышением значимости каждого индивида-варианта в обществе, что приводит к ускорению темпов истории [45, с. 30]. Во времена, когда будущее переживается как зависимое от действий и решений, ориентация на личность возрастает, личности служат такому обществу как осязаемые стволы неизвестного будущего [61, с. 96]. Автоматизация и информатизация труда порождают новые слои, с другой психологией отношения к социальным процессам. Люди этих слоев приспособлены к выживанию в быстро меняющемся и гибком мире информационного капитализма. Они не привязаны к месту, они жаждут перемен [78, с. 149, 152]. Подобные процессы меняют структуру общества, создают возможность передвижения из одного социального слоя к другому. На взгляд западных социологов, место классовых различий, конфликтов и неравенства занял в настоящее время выбор многообразных образов жизни [78, с. 109-110].

Гуманистический критерий не умаляет значимость развития производительных сил, их ядра — системы человека и техники, психологических орудий, но вызывает необходимость их человеческого измерения. Эволюция средств коммуникации и обработки информации, как было раскрыто ранее, связана, прежде всего, с усилением естественных органов человека искусственными устройствами, влияющими на способности коммуникации, возрастание субъективного фактора в системе «человек — техника-психологические орудия».

Определение гуманизации, как исходного и определяющего критерия, позволяет выделить стержневую линию информационно-технологического развития как процесс его «очеловечивания».

На этом основании можно выделить следующий основной генетико-структурный ряд видов **информации**:

жестовая — способ передачи информации с помощью человеческого тела, поз, мимики;

графическая — первый вид, для которой характерен способ хранения информации об окружающем мире в форме наскальных рисунков, а позднее в виде схем, чертежей на бумаге и других «застывших» изображений реального мира;

звуковая (аудиальная) — звуки, сопровождающие движения, речь, музыка и другие способы передачи информации;

текстовая — способ кодирования речи человека специальными символами — буквами, особенно большое значение этот способ приобрёл после изобретения книгопечатания;

визуальная — способ сохранения и передачи «живых» картин окружающего мира, появившийся с изобретением кино, а затем телевидения;

мультиимидийная — использование нескольких видов информации, наиболее характерна для компьютерных систем.

Существуют виды информации, для которых до сих пор не изобретено способов кодирования и хранения — это **тактильная** информация, передаваемая ощущениями, **органолептическая**, передаваемая запахами и вкусами и др.

Тенденция развития информационных систем предполагает интеграцию данных видов по мере их развития в комплексную целостность, что не отвергает параллельного сосуществования личностей, социумов, культур (цивилизаций) на разных уровнях.

Происходит усиление не только естественных органов человека, но и его чувств, восприятия, мышления, творческого процесса. Усиление деятельности нервной системы в целом, в том числе мозга, как рефлексивной и управляющей системы, благодаря компьютерной технике и другим цифровым технологиям, средствам связи, открывает новые возможности получения и переработки информации, моделирования реальности, самоорганизации и управления информационных систем — как на уровне индивидов, небольших социумов, так и общества в целом. Информационно-технический прогресс предполагает новые психологические качества личности, психологические средства и орудия.

Уровни, характеризующие **структуру** информационно-психологического пространства общества, в соответствии с развитием системы «человек — техника — психологические орудия», могут быть дополнены уровнями развития человека как субъекта этой системы.

Средства коммуникации, как продолжение, усиление органов восприятия и соответствующих функций, входят в структуру личности, определяют особенности ее мировосприятия и деятельности, что может служить критерием и показателем саморазвития личности и ее роли в информационно-психологическом пространстве.

Можно выделить человека (группу) с устно-речевой (может проявляться и как радиальная), письменной (книжной), телевизионной, компьютерно-интернетной, мультимедийной культурами.

Исторически выстроенный ряд в настоящее время представляет собой сосуществующие типы людей, в которых могут сочетаться элементы разных медийно-психологических культур по данному признаку. Показателями являются их полнота и комплексность.

При этом обнаруживаются соответствующие уровню комплексности картины мира:

а) мифологическая целостность при преобладании устно-речевого способа восприятия мира;

б) разложение целого на фрагменты и логическая выводимость одного из другого, стремление к созданию единственно верной механистической картины мира при базовости письменной культуры;

в) открытая, незавершённая, многообразная картина мира как отражение сетевой интернет-системы, где каждая вещь мыслится как создающая собственные время и пространство, а пространство и время тотально взаимопроникают друг в друга в пространственно-временном мире;

г) новый синтез, единство многообразного и вариативного в мультимедийной культуре.

Коммуникативный критерий раскрывает собственно коммуникативные особенности информационных систем, уровень их диалогичности. Широта возможностей для саморазвития и самореализации личности в информационно-психологическом пространстве социума, богатство ее коммуникативных взаимодействий, способы и формы коммуникации становятся механизмами функционирования общества и его прогрессивного развития.

Социогенетический и онтогенетический аспекты позволяют выделить виды и формы общения и коммуникации, их взаимосвязь. Первичным в истории и структуре общества, по К. Марксу, является практическое (материальное) общение людей в процессе коллективного труда. К. Маркс выделяет и духовное общение как межличностное взаимодействие. Философ и культуролог Моисей Самойлович Каган считает, что особое место также занимает практически-духовное общение, в частности, обряд и игра [28, с. 203, 206]. Исследуя мир общения, М. Каган обосновывает, что все эти виды общения переплетаются с другим рядом форм, входят в него: индивидуальным, представительским, групповым и диалогом культур [28, глава VI].

Их высшая форма — **равноправный диалог**, который является важным критерием, а показателем — широта и глубина коммуникативных отношений. Одновременно, это и показатель степени зрелости социума как информационной системы, **как информационно-коммуникативного социума**.

По этому показателю могут быть выделены **уровни коммуникации** субъектов (личность, социум):

интраперсональный (внутриличностный) — коммуникация с самим собой как ансамблем существ;

межличностный — в ней участвуют двое или более коммуникантов как партнеры

представительский — однонаправленная информация от одного к другому или многим;

групповой — коммуникация внутри группы, между группами, где каждый участник — равноправный партнёр;

массовый — происходит в том случае, если сообщение получает или использует большое количество людей, зачастую состоящее из различных по своим интересам и коммуникативному опыту групп, то есть включает в себя групповую и личностную индивидуализацию;

диалог культур — специфический способ коммуникации с цивилизациями как прошлых, так и нынешней эпох.

Данный ряд, по нашему мнению, должен быть дополнен таким специфическим способом и уровнем коммуникации, как **межпоколенческий диалог**, который будет анализироваться в следующих разделах. От широты и глубины включенности в межпоколенческий диалог зависит богатство личности, что может быть критерием и показателем ее саморазвития.

Личностный критерий дополняет и конкретизирует исходный — это развитость человека как диалогичной полидеятельностной личности (А. Асмолов), субъекта социальных преобразований. Показателями являются: а) уровень смыслов жизни и способов их формирования (степень интеграции и проецирования будущего как созидания той действительности, которая отвечает высоким целям, смыслам жизни); б) степень обобщённого, генерализованного Другого (Джордж Герберт Мид, американский философ, социолог, один из основоположников символического интеракционизма) как партнёра коммуникации и идеала (Я, группа, общество, цивилизация); в) многообразие социальных ролей и практик, в которые включён субъект. При этом измерять человека важно не просто по смыслам жизни, но и по тому, как он их ищет. При исследовании освоенного мира, личного жизненного пространства важно значение акмеологических методов и критериев развития личности — интегративных и проецирующих в будущее, к прогрессу. «Сверхиндустриальная революция... требует новой концепции свободы — признания, что свобода, дошедшая до пределов, отрицает сама себя. Скачок общества на новый уро-

вень дифференциации неизбежно приносит с собой новые возможности индивидуализации, и новая технология, новые временные организационные формы требуют новой породы человека», — заключает Э. Тоффлер [74, с. 346-347].

Экономико-финансовый кризис начала XXI века показал востребованность в человеке новой формации, способном оперативно осмысливать ситуацию и принимать решения, вооружившись необходимой информацией и знаниями.

Информационный критерий — способность к получению и переработке информации для оперативного осмысления проблем, ситуаций в различных сферах и принятия решений, вооружению новыми психологическими орудиями и коммуникативными практиками, позволяющими обеспечить прорыв на новый уровень преобразования действительности. Показатель — степень информационной культуры и эффективность средств, которые выбираются для решения социальных проблем, служат ли психологические орудия конструктивным фактором эволюции. По этому критерию могут быть выделены субъекты с низкой (потребительской), средней (исполнительской) и высокой (креативной) информационной культурой.

Ещё один **критерий** развития информационно-коммуникативного общества связан с основными механизмами, определяющими его прогрессивную направленность: **формированием спектра вариантов новообразований** (по показателю их многообразия) и целенаправленным отбором (по показателям степени осознанности, предвидения, психологической вооружённости, стратегий выбора).

Английский социолог Энтони Гидденс характеризует современный период следующим образом: происходит постепенное освобождение людей от уз природы и ограничительных форм сообществ, предопределённости, движение к тому, что люди и группы людей делают выбор своей индивидуальной или коллективной судьбы в обстоятельствах промышленной неопределённости. Мир зависит от решений людей, открытых к идеям, информации и теориям. Мир выбора, как индивидуального, так и коллективного, опирается на доступность и воспроизводство многообразной информации. Все это требует сложнейшей и развитой информационной окружающей среды [95, с. 77]. Она должна представлять собой «целесообразную целостно организованную систему открытого типа, функционирование и развитие которой осуществляется в соответствии с законами информации. В такой системе обмен знаниями, энергией, веществом с внешней средой не является абсолютно свободным и стихийным, а осуществляется в границах, обусловленных осознанными целями и интересами развития и детерминированных типом, уровнем, видом и формой ее конкретного существования» [23, 105].

Способ управления в информационно-коммуникативных системах (социумах) позволяет классифицировать их по **степени открытости-закрытости**, информационно-коммуникативной сложности развития информационно-психологического пространства социумов.

Показателями при этом являются:

- а) насколько человек реализует себя как самоцель, источник и фактор саморазвития информационной системы;
- б) потребность непрерывного пополнения информации, степень вариативности и многообразия информационных средств и коммуникативных практик.

В соответствие с этим показателем можно выделить два основных типа информационно-коммуникативного общества: открытое и закрытое.

Французский философ Анри Бергсон даёт следующее определение: «Закрытое общество — это такое общество, члены которого тесно связаны между собой, равно-

душны к остальным людям... Таково человеческое общество, когда оно выходит из рук природы. Неизменно направленная сила, которая для души есть то же, что сила тяжести для тела, обеспечивает сплочённость группы, склоняя в одну и ту же сторону индивидуальные воли. Эта сила — моральная обязанность», — пишет Анри Бергсон [7, с. 288]. — «Путём простого расширения мы никогда не перейдём от закрытого общества к открытому, от гражданской общины к человечеству. Они различны по своей сути. Открытое общество — это то, которое в принципе охватывает все человечество» [7, с. 289].

Открытость и закрытость психологических и социальных систем является их важнейшей характеристикой. Коммуникации, согласно концепции Н. Лумана, выполняют двойную функцию:

1) устанавливают историческое состояние системы, детерминируют систему в качестве таковой;

2) образуют структуры в виде схем отбора, делающих возможным новое распознавание и повторение. Замкнутость, самодетерминация и самоорганизация обеспечивают высокую степень совместимости системы коммуникаций общества с беспорядком в окружающем мире, или мирами, упорядоченными лишь фрагментарно [44, с. 100].

Стремящиеся к абсолютной закрытости социумы или личности, однако, выстраивают свой мир по строгим, незыблемым правилам. Попытки изменить этот мир, и даже повлиять на него, встречают решительный отпор (стабилизирующий отбор). Нередко эти социумы и личности пытаются изменить по своим меркам миры других, окружающее, хотя после книгопечатания, а тем более возникновения Интернета, изолироваться от влияния многообразной информации становится все труднее. Решить проблему можно только одним способом — запретив современные масс-медиа, приток внешней информации, что и происходит в закрытых сообществах путём самоизоляции или репрессивного ограничения.

В закрытом обществе, где моделируются строго определённые и дозированные содержание и формы информации, индивид предстаёт как «винтик» социального механизма. В новейшей истории, в наиболее выраженной форме, это проявляется в тоталитарном обществе.

Открытое сообщество строится на вариативности и многообразии. В одном цели определяет правящая группа, подавляющая отклоняющиеся от установленной нормы индивидуальные варианты (тоталитарные и элитарные социумы), в другом человек является самоцелью, главным источником и механизмом развития (гражданские и коммуникативные, сетевые социумы). Новая эпоха ставит человека в ситуацию, когда ему приходится пересматривать представление о себе чуть ли не каждый день, он свободен в своём выборе, но и обречён выбирать [95, с. 41-42].

Он оказывается в ситуации, как формулирует Э. Тоффлер, «сверхвыбора», когда имеет место не дефицит вариантов выбора, а их избыток [74]. Современная цивилизация объединяет, синхронизирует и координирует огромное количество человеческих движений и мыслей методами, невозможными в ранних цивилизациях. Овеществление времени, языка, экономики, памяти, морали и знаний приводит к тому, что закладываются основы для почти бесконечного социального многообразия [95, с. 65]. Этот процесс и характеризуют как содержательную глобализацию — «рост взаимозависимости и взаимопроникновения человеческих отношений наряду с ростом интеграции социально-экономической жизни» [95, с. 93].

Выделенные критерии, их совокупность, позволяют рассмотреть основные **составляющие, характерные черты и противоречия**, риски современного этапа развития

информационного общества как информационно-коммуникативного социума.

Процессы в информационно-психологическом пространстве общества, как системы самоуправляемых социумов, вызывают необходимость новой системы управления.

Связь коммуникации и управления заложена в сути информационных процессов: устанавливая связь с другим лицом, управляя им, передаётся сигнал, содержащий информацию, который возвращается — обратная связь присутствует даже при императивном общении [14, с. 12].

Управление с точки зрения теории информационных систем есть «процесс, при котором периодически совершаются переходы отдельных элементов системы в более вероятное состояние, а других элементов - в менее вероятное состояние. Если же взять управляемую систему в целом, то поддержание менее вероятного состояния за счёт использования полученной извне энергии является ведущей тенденцией процесса управления» [76, с. 197-198]. Активность является существенной характеристикой процессов управления в широком смысле слова, то есть включающих все виды самоуправления и самоорганизации как живых, так и искусственных самоуправляемых систем. Критерием активности выступает операция выбора самоуправляемой системой характера ее поведения, наиболее отвечающего задачам функционирования системы в данных условиях. Шагом по пути повышения активности самоуправляемых систем является обучение и самообучение отдельной системы, выражающееся в накоплении информации и опыта [76, с. 205]. Программа управления, исходящая из прошлого и настоящего, направлена в будущее, предусматривает будущие действия самоуправляемой системы [76, с. 213].

Иерархическая статичная система организации труда постепенно заменяется на сетевую модель, ориентированную на выполнение конкретных проектов [95, с. 156]. При иерархической структуре управления, до принятия решения информация должна пройти несколько ступеней, — отмечает Э. Тоффлер, — «одновременное требование большего количества информации и более быстрой ее передачи — вот что разрушает сейчас великие иерархические вертикали, столь типичные для бюрократии» [74, с. 160]. Это характеризуется и как интеллектуализация социального управления и обслуживания производства. Наблюдается появление и рост приоритетности профессий символических аналитиков, постоянно вовлечённых в оперирование идеями (Американский политэкономист Роберт Райх). Такой работник предпочитает переходить от проекта к проекту, свою карьеру он делает сам. Информационный работник обращает внимание не столько на компанию, сколько на проект, идентифицирует себя с коллегами, с которыми связан «паутиной» [78, с. 112-113, 125]. Художники и интеллектуалы, долгое время отлучённые от власти, находившиеся в оппозиции, теперь оказались призваны на службу в высшие эшелоны принятия решений [47, с. 46].

Управление обществом, вслед за новой сетевой системой экономического управления, также требует соответствующей технологической революции.

Г.М. Маклюэн считал, что с повышением скорости движения информации вследствие внедрения бумажных сообщений и дорожного транспорта происходит изменение в социальных группировках и образование новых сообществ. Это новый мир «глобальной деревни» [47, с. 101-102, 105], где все человечество принимает участие в свободном обсуждении общей судьбы. При электрической скорости политика все более отходит от представительства и делегирования полномочий избирателями к непосредственному вовлечению всего сообщества в центральные акты принятия решений [47, с. 230].

Значимость глобального информационного обмена и его возможности в связи с интернет-технологиями позволили М. Кастельсу представить модель современной цивили-

лизации как сетевое общество. Уходят в прошлое глобальные империи, действия которых планировались и направлялись из единого центра, большие корпорации превращаются в паутину разнонаправленных сетей. Они должны настолько вертикально дезинтегрироваться, чтобы превратиться в горизонтальные корпорации. Кастельс утверждает, что «логика сети имеет больше власти, чем власть в сети» [30].

В этом же направлении о необходимости демократизации общества ближайшего будущего рассуждает Э. Тоффлер: «Чтобы взять под контроль перемены... нам понадобится революция в самом способе, которым мы формулируем свои социальные цели... Ведь при сверхиндустриализме демократия становится не роскошью, а первой необходимостью... В сложных дифференцированных обществах огромные количества информации должны ещё быстрее течь между официальными организациями и субкультурами, которые образуют целое, и между слоями и подструктурами внутри них. Политическая демократия, вовлекая все больше и больше людей в принятие социальных решений, облегчает обратную связь... Чтобы взять на себя контроль над ускоренными переменами, нам понадобятся ещё более передовые — и более демократичные — механизмы обратной связи» [74, с. 513, 518].

Более быстрый темп перемен требует и создаёт новый вид информационной системы в обществе: скорее виток, чем лестницу. Информация должна пульсировать в этом витке со все большей скоростью, и выходной сигнал одной группы становится входным сигналом для многих других, так что ни одна группа не может устанавливать цели для целого. По словам Уильяма Росса Эшби, английского психиатра, специалиста по кибернетике, существует математически доказуемый закон такого эффекта: «когда вся система состоит из ряда подсистем, та, которая стремится доминировать, наименее стабильна»... Чтобы руководить переменами, нам, следовательно, понадобится прояснение важных долгосрочных социальных целей и демократизации способа, которым мы достигаем их — утверждение «народной демократии» [74, с. 519-520].

Норберт Винер, американский математик и философ, основоположник кибернетики и теории искусственного интеллекта, так прогнозировал будущее социального управления: «современные средства связи вынуждают регулировать радиовещательные потоки и авиационные линии, делают неизбежным «мировое государство» [14, с. 89]. В научно-технической революции, связанной с созданием общепланетарного автоматизированного производства, видел главную причину неизбежности коммунизма как общества без частной собственности, подчинённого интересам человека.

Э. Фром, развивая мысль К. Маркса, предлагает следующие действия, которые наиболее важны для гуманизации технологического общества:

- 1) планирование с учётом наличия системы «человек», основанное на нормах, направленных на оптимальное функционирование человеческого существа;
- 2) активизация индивида, его гражданской ответственности с одновременной заменой современных методов управления отчуждённым чиновничеством на гуманистические методы управления и менеджмента;
- 3) изменение модели потребления таким образом, чтобы потребление способствовало активизации человека;
- 4) рождение новых форм психодуховной ориентации, эквивалентных религиям прошлого [86, с. 113-114].

Как считает Э. Фромм, общая цель «гуманизации индустриального общества может быть определена следующим образом: социальная, экономическая и культурная жизнь нашего общества должна измениться таким образом, чтобы она стимули-

ровала человека, способствовала его дальнейшему духовному росту..., активизировала индивида...; чтобы наш технологический потенциал служил развитию человека. Для этого мы должны взять в свои руки контроль над экономическими и социальными системами...» [86, с. 115].

Эти изменения не происходят сейчас и не будут происходить в будущем сами собой. «Техника сама по себе не поведёт нас в нужном направлении, насколько я могу судить, ни в образовании, ни в социальной жизни», — отмечает Сеймур Пейперт, выдающийся математик, программист, психолог и педагог, один из основоположников теории искусственного интеллекта. «Я скорее сторонник революционных воззрений, чем реформист. Но революцию я предвижу в идеях, а не в технике. Она состоит в новом понимании конкретных предметных областей и в новом осмыслении процесса учения как такового» [59].

«Существо, способное к научению, движется вперёд от известного прошлого в неизвестное будущее, и это будущее не равнозначно прошлому», — утверждал Н. Винер [14, с. 45]. Необратимое проникновение в «вероятностное будущее» является действительным условием жизни, основой социальной демократии, несовместимой со строгой регламентацией социальных функций. Нормальное общество: человеческая личность, способная к приобретению знаний и обучению, вооружённая акмеологическими установками и технологиями. Решающее значение в борьбе с аналогом второго Закона термодинамики в информационном потоке имеет не количество посланной информации, а открытость коммуникативных и аккумулирующих аппаратов для пополнения необходимой информации [14, с. 47, 91].

Юрген Хабермас, немецкий философ и социолог, автор учения о совещательной демократии, вводит такую важную информационную характеристику демократического общества как **публичная сфера**, которая, по его мнению, возникла в эпоху зарождения капитализма (в Великобритании — с XVII века). Эта сфера была независимой не только от государства, хотя и финансировалась ей, но и от экономических сил. Она порождена возможностью участвовать в дискуссиях по социальным проблемам — формированием общественного мнения. «Искусство беседы превратилось в критику, а остро словие — в аргументы» [78, с. 221]. Отлаженная публичная сфера — идеальная модель роли информации в демократическом обществе. В XX столетии средства массовой информации превратились в монополистические организации и в меньшей мере стали выполнять свою функцию — доводить до общественности достоверную информацию. Они не столько распространяют информацию, сколько формируют общественное мнение. Теперь государство стало гарантом общественной сферы, поддерживая общественное вещание, публичные библиотеки, статистическую службу, музеи, систему школьного и высшего образования [78, с. 222-224].

Общественное вещание — основной источник политической, культурной и социальной информации, доступной любому члену общества. Это институт, который в своей повседневной деятельности внеположен влиянию политики, бизнеса и даже аудитории. Такое вещание должно оказывать высококачественные услуги всему обществу, которое оно рассматривает как собрание меньшинств. По таким принципам в начале XX века создавалась компания «BBC», которая стала орудием парламента и чем-то вроде посольства национальной культуры в собственной стране. Она финансировалась за счёт налога, который взимался при продаже радиоприёмников, а затем и телевизоров.

И это возлагает на государственное управление ответственность за развитие публичной сферы. «Потребности и сложности современной жизни предъявляют гораз-

до большие, чем когда-либо раньше, требования к процессу информации, и наша пресса, наши музеи, научные лаборатории, библиотеки и учебники должны удовлетворить потребности этого процесса, так как в противном случае они не выполнят своего предназначения. Действенно жить — это значит жить, располагая правильной информацией. Таким образом, коммуникация и управление точно также связаны с самой сущностью человеческого существования, как и с жизнью человека в обществе», — размышляет Н. Винер [14, с. 14].

В СССР формирование публичной сферы имело место и активно использовалось в период перестройки в 1980-е годы. До этого дебаты шли на кухнях, в компаниях приятелей. С дискуссий в средствах массовой информации, прежде всего, в «Учительской газете», началась новая волна в системе воспитания — педагогика сотрудничества, соответствующая демократическому обществу. Опора на дискуссию и общественное мнение позволили ещё в конце восьмидесятых годов прошлого века осуществить демократическую реформу детского движения в конце 1980-х годов.

По мнению Т.Х. Эриксона, ключевые слова, характеризующие новую эру — открытость и разнообразие. При этом новое время делает человека свободнее и одновременно создаёт новые формы уязвимости [95, с. 28-29].

Российские аналитики, в частности, Владимир Евгеньевич Лепский, настроены ещё более решительно, считая, что в XXI столетии нас поджидает информационная катастрофа. Бурные темпы информатизации общества все более обостряют эконсихологические проблемы установления гармонии отношений человека и общества с информационной средой (сферой). Развитие новых информационных технологий неразрывно связано с возникновением новых угроз безопасности пользователей — как субъектов различных видов деятельности; как индивидов, личностей, граждан; как социальных образований, групп, организаций, общностей [38, с. 47-51].

Психосоциальные критерии и показатели развития информационно-психологического пространства позволяют раскрыть те противоречия современных средств массовой коммуникации и информационных технологий, которые обуславливают психологические риски, или **опасности**, способные привести общество к информационной катастрофе.

Первая опасность заключается в том, что средства массовой информации с XX века принимают индустриальный характер, развиваются как транснациональное производство, подчиняются **рыночным законам**. Это, с одной стороны, способствует ускорению и масштабности их технического развития, проникновению во все сферы жизнедеятельности, однако превращение информации в товар приводит и к кризисным последствиям. Н. Винер отмечал, что в рыночных условиях информационная продукция становится потоком стандартизированных клише, сокращается объем информации даже при увеличении ее количества, затрудняется проникновение нового, талантливого. Существует сообщение без потребности сообщения, качество и коммуникативная ценность сообщения падает [14, с. 132, 134].

Особенностью XX века, связанной с рынком, стало распространение сознательно используемых средств убеждения людей, управление с помощью информации — как в политике, так и в потреблении. Основные черты этого управления: придание информации искусственного глянца, запугивание, цензура, режим секретности [78, с. 257, 268]. Как считает Э. Тоффлер, пресс спроектированных информационных сообщений на воспринимающие системы человека ставится все более психологически вооружённым. Специалисты по коммуникации сознательно прилагают усилия к тому, чтобы

каждое мгновение работы средств массовой информации несло возможно большую информационную и эмоциональную нагрузку. Для концентрации информации широко используются приёмы искусства, в частности образная символика [74, с. 190].

Механизмом подобного управления стала реклама во всех ее проявлениях как основная форма представительской (однаправленной) информации, функционирующая по рыночным правилам. С 1920-х годов она развивалась столь высокими темпами как в качественном, так и в количественном отношении, что вторглась практически во все формы коммерческой деятельности. Даже те, кто отрицательно относится к рекламе, находятся под ее влиянием. Это особый канал коммуникации, влияние которого невозможно игнорировать.

Из экономической сферы реклама шагнула в социальную жизнь, политику, влияет на быт, ценности людей. В начале 1990-х годов было опубликовано исследование о школьниках Калифорнии: на уроках они могли находиться в состоянии сосредоточенности около семи минут, ведь они привыкли к тому, что на телевидении каждые семь минут следовала рекламная пауза. Российские исследования 1993–1995 гг. показали, что именно дети стали одним из основных потребителей рекламной телепродукции. Каждый пятый подросток заявлял, что ему интересно смотреть все рекламные ролики. Рекламные клише формируют стиль в моде, музыкальные вкусы, оказывают серьезное влияние на язык и, соответственно, мировоззрение детей [88].

Вместе с тем, феномен рекламы, по мнению Г.М. Маклюэна, нельзя рассматривать как только негативную и случайную сторону жизни современного общества. Рекламная индустрия с ее сжатыми образами, соединяющими в единое целое производителя и потребителя, продавца и общество — это попытка распространить принципы автоматизации на все стороны общества. Применяя ремесленные методы, она стремится к конечной электронной цели утверждения коллективного сознания. Кроме того, за любой дорогостоящей рекламой стоят труд, внимание, тестирование, ум, мастерство и навыки многих людей, сознательно конструирующих полуосознанное — гораздо больше, чем написание статей. Рекламные продукты являют собой скопления материала об общих переживаниях и чувствах всего сообщества, есть энергичная драматизация в гротескной форме общего опыта. Когда все производство и потребление будут приведены в предустановленную гармонию со всеми желаниями и усилиями, тогда реклама ликвидирует саму себя, считает Г.М. Маклюэн [47, с. 258-260].

Аналитики, в том числе британский социолог Френк Уэбстер, считают, что в информационном обществе создание и распространение информации становится манипуляцией в политических, рекламных целях, или превращает ее в развлечение, чтобы выгоднее сбыть как товар [78, с. 217]. Те, кто размещает рекламу на телевидении, заинтересованы, чтобы ее увидело как можно больше людей, и они подталкивают телеканалы к рыночной продукции. Только тогда, когда аудитория сбита в стадо, предоставление информации становится выгодным [78, с. 201]. Эта тенденция проявляется не только на телевидении, но и в шоу-бизнесе. Оптимальной концертной площадкой становятся стадионы, многотысячные залы, превращающие зрительскую аудиторию в толпу. Информационный колпак используется, чтобы «внедрить во все стороны человеческой жизни рыночные категории», — ставит диагноз Ф. Уэбстер [78, с. 208].

Любопытно, что во время форсайта о будущем средств информации и коммуникации через двадцать лет, который проводился в октябре 2015 года в международном детском центре «Артек», юные журналисты также предположили наступление эпохи тотального контроля с помощью СМИ.

В области вещания, по мнению социологов, происходит движение в сторону «культурной пустыни», качественные передачи занимают на рынке узкую нишу [289, с. 236]. Рынок вывёртывает аксиому, что увеличение информации — это знания. Иногда за обилием информации скрывается регресс, возврат к менее информированному состоянию, к невежеству. Во многих программах телевидения мы видим не отражение действительности, а бегство от неё. Интернет открывает доступ к высококачественной информации, но она тонет в значительном количестве информации с сомнительной ценностью [78, с. 187].

Здесь заложена **вторая опасность**, способная не только насытить человечество **некачественной информацией**, но и сделать этот процесс **бессмысленным**, даже невозможным из-за обилия сведений, обрушивающихся на человека.

Телевидение переходит на круглосуточное вещание, многоканальность, усиливается кабельными и спутниковыми каналами, развиваются цифровые информационные услуги, персональные и карманные компьютеры, постоянно доступный Интернет. Радио присутствует повсюду — в доме, в машине, в офисе. Кино сегодня с нами не только (и не столько) в кинотеатрах, сколько на CD, DVD, в онлайн просмотре. Даже плееры с аудиокассетами и компакт-дисками уже уходят в прошлое. Сегодня становятся привычными атрибутами электронные афиши, рекламных панели, вывески, газеты и т.д. Одежда, причёски, лица — и те информационно значимы. Украшение тела, татуировки, грим, одежда всегда были знаками статуса, но в наше время их символическое значение возросло.

Таким образом, «современная культура явно более информативна, чем любая предшествующая. Мы существуем в медианасыщенной среде...» [78, с. 28]. Мы атакованы знаками со всех сторон, мы сами себя создаём из знаков — и все это в результате приводит к коллапсу смысла.

Ж. Бодрийяр пишет: «Информации становится все больше, а смысла все меньше»... [95, с. 29]. «В информационном обществе нет недостатка в информации, напротив, ее слишком много. Человек, не способный фильтровать ее, отбрасывая ненужную, растеряется и утонет», — бьёт тревогу Т.Х. Эриксен [95, с. 128–129].

Главным дефицитом становится внимание тех, кому предназначена информационная продукция. В отличие от материальных предметов, информации не становится меньше, когда человек делится ею. Возникает проблема контроля над собственным временем. Информация агрессивна, она повсюду, от неё трудно уклониться [95, с. 34].

Ещё более сложным психологическим фактором становится обилие информации в связи с закономерностью ускорения развития информационных технологий.

Обилие информации приводит к тому, что человек не способен ее переварить, осмыслить, особенно при отсутствии соответствующего интеллектуального воспитания, образования и мировоззренческих основ. Поток информации в обществе создаёт образ мысли, который больше похож на фрагментарное, ассоциативное и поэтическое мышление, характерное для дописьменных цивилизаций, чем на линейное логическое мышление, типичное для индустриального общества.

Вместо того, чтобы выстраивать знания в шеренгу, чёткую логическую последовательность, информационное общество предлагает каскады знаков, которые более-менее случайно связаны между собой [95, с. 133]. Это возрождает мифологическое восприятие действительности. Мгновенная скорость электричества сообщает мифическое даже самому простому промышленному и социальному действию, отмечает Г.М. Маклюэн. «Мы живём мифически, но продолжаем мыслить фрагментарно и однобоко» [47, с. 31].

Побочное следствие фрагментарного, мозаичного мышления — ослабление психологического механизма целеполагания. Г.М. Маклюэн пишет: «Обычно у ребёнка из трущоб

очень слабо развита визуальная ориентация. Он не видит себя как становящегося чем-то, не ставит перед собой отдалённых задач и целей. Благодаря телевизионному образу такое состояние ребёнка из трущоб все больше распространяется на все население» [47, с. 144].

Если исходить из прагматического взгляда на социодинамику культуры Абраама Моля, французского физика, философа и культуролога, то получается, что на «экран понятий культуры» человек проецирует совокупность освоенных восприятий внешнего мира, знаний [56, с. 47]. Экран традиционной культуры обладает сетчатой культурой и геометрической правильностью. Исходя из любого ее элемента, посредством логических построений, поэтапно, можно прийти к другому элементу. У современной культуры экран хаотичен, обрывки не образуют структуры, не обладают силой сцепления, а характеризуются вероятностью ассоциаций между элементами. Человек идёт от случайного к случайному, которое порой оказывается значимым, существенным.

Чтобы избежать фрагментированного восприятия сообщений, специалисты предлагают пользоваться источниками с более медленной скоростью подачи, затормаживать ее [95, с. 122-123], к чему многие, особенно молодёжь, уже не склонны. Скорость становится нормой жизни. Она проявляется и как закономерность современной журналистики.

Сегодняшняя газета — это и символ, и побочный эффект ускоренной современности. Ее принцип: ничто не ценно, если не актуально. Ещё более это проявляется в электронных средствах массовой информации. Чем чаще обновляют интернет-ресурсы, тем выше их репутация, популярней сайты. WAP-телефоны позволяют читать электронную почту, новости, получать другую информацию в любые паузы, которые возникают у человека, тем самым уничтожая их. Всякого рода распространители информации дерутся уже за свободные минуты, а то и секунды [95, с. 85-86, 90]. Новые информационные технологии сокращают расстояния, время и заполняют каждое мгновение информацией, приводят к ускорению и требованию ещё большего ускорения. На западном телевидении выпуски новостей сокращаются до двух минут, а рекламные — до пяти секунд [95, с. 104–105].

Т.Х. Эриксен делает следующие заключения в работе с характерным названием «Тирания момента». Когда огромное количество информации распространяется с растущей скоростью, становится сложнее создавать повествование, последовательность, направлять развитие. Фрагменты грозят полностью заполнить пространство. Предельная полезность приближается к нулю, и легче становится поймать крупинцы внимания, предоставляя информацию маленькими порциями, которые наслаиваются друг на друга, превращаясь в пирамиду, которая скоро достанет до Луны. Детали комбинируются с растущей степенью произвольности [95, с. 144]. По такому принципу построено многоканальное телевидение, Интернет. Журналистика, образование, работа, политика и частная жизнь сходным образом тяготеют к модели пирамиды. История отходит на второй план, и вместе с тем исчезает будущее как возможное направление развития. Единственное, что ожидает нас впереди, — это безумный, переполненный момент. Таков неутешительный прогноз Т.Х. Эриксена.

Другие специалисты более оптимистичны. Маргарет Мид, видный американский этнограф, в журнале «Тайм» ещё 4 сентября 1954 г. писала: «Отовсюду доносятся жалобы, что обществу приходится двигаться слишком быстро, чтобы угнаться за машиной. У быстрого движения есть великое преимущество, если вы движетесь целиком, всем своим существом, если социальные, образовательные и рекреационные изменения идут в ногу друг с другом. Вы должны изменить весь паттерн сразу и всю группу скопом; и люди сами должны принять решение идти вперёд» [47, с. 34].

Есть прогнозы, что современная фрагментарная и хаотичная стадия эволюции информации приведёт к новой форме языка и мышления, возвращающего нас к синтезу на новой основе текстовых и визуальных сообщений, образной информации. Тон в этом задаёт математика, которая смело оперирует хаосом, придавая ему закономерные формы.

В образовании противодействие фрагментарности предполагает утверждение взаимосвязи в сфере знания, где прежде отдельные предметы образовательной программы были обособлены друг от друга [47, с. 43-44]. Идеальное средство гражданской защиты от побочных последствий средств коммуникации — просвещение [47, с. 220]. Важным механизмом становится и межпоколенческий диалог, где люди с письменным, телевизионным, мультимедийным способами мышления взаимообогащают и сдерживают от односторонности друг друга.

Третья опасность связана с **виртуализацией** компьютеризированного мира. Виртуальная реальность в узком понимании означает «реальность, смоделированную компьютером», а в широком — «все технические (и в том числе символические) конструкции человека» [71, с. 25].

Сегодняшний мир, порождаемый массовыми коммуникациями, стирает грань между реальностью и виртуальностью. И этот процесс будет усиливаться благодаря развитию мультимедиа. Т.Х. Эриксен замечает: «реальность масс-медиа, как реальность второго порядка, замещает те ориентиры знания, которые в других общественных формациях формировались благодаря мудрецам, священникам, аристократам, религии или этически и политически выделяющимся формам жизни» [95, с. 28-29].

«Соединив средства связи, радио, телевидение и компьютер в целостную систему, человек стал жить в знаково-символическом мире, который во многом определяет правила его поведения. С этого времени не только человек создаёт знаки и символы, но в некотором смысле знаки и символы формируют человека. Такой процесс приводит к смещению реального и виртуального, важного и второстепенного, действительного и вымышленного, что ставит перед культурой сложные, неоднозначные по своим возможным последствиям проблемы», — считает Л.Б. Янгель [98, с. 18].

С одной стороны, это открывает дорогу новому уровню абстракции, моделирования, мысленного эксперимента. С другой стороны, отрыв от реального и непосредственного опыта при получении большей части информации делает возможными манипуляции людьми в невиданных масштабах, что активно используется в экономических и политических целях.

Американский писатель, журналист и политический обозреватель Уолтер Липпман в XX веке, в период первого проявления экспансии средств массовой информации, в работе «Общественное мнение» обратил внимание на психологическую основу подобной псевдореальности: «Случайное происшествие, творческое происшествие, желание верить — из этих трёх элементов складывается суррогатная реальность, которая вызывает сильнейшую инстинктивную реакцию. Достаточно очевидно, что при некоторых условиях люди реагируют на фикции столь же сильно, как на действительные события, а во многих случаях помогают создавать те самые фикции, на которые сами же и реагируют» [39, с. 37]. Между человеком и его средой «располагается некая псевдосреда. Поведение человека является реакцией именно на эту псевдосреду. Последствия этой реакции, собственно действия человека, происходят уже в реальной среде. Если поведение выражается не в практических действиях, а в том, что можно условно обозначить как мысли или эмоции, потребуется много времени, чтобы в структуре фиктивного мира образовалась серьёзная брешь...»

Российский социолог и исследователь Дмитрий Владиславович Иванов утверждает: «приоритетным с конца XX века стало развитие не информационных, а симуляционных технологий — технологий виртуальной реальности; достигается все большее сходство между работой на компьютере и управлением реальными объектами, а также сходство коммуникаций в режиме online с общением в реальном пространстве-времени» [25, с. 19].

Д.В. Иванов, анализируя особенности виртуализации реальности, предлагает в качестве универсальных свойств виртуальной реальности выделить три характеристики:

- нематериальность воздействия (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного);
- условность параметров (объекты искусственны и изменяемы);
- эфемерность (свобода входа/выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования).

«Виртуализация в таком случае — это любое замещение реальности ее симуляцией/образом — не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности» [25, с. 30].

Далее Д.В. Иванов заключает: «В эпоху постмодерн сущность человека отчуждается уже не в социальную, а в виртуальную реальность... Перспектива того, что отношения между людьми примут форму отношений между образами, и есть перспектива виртуализации общества» [25, с. 32].

Сплав виртуализации и интернет-технологий порождает новые социальные и психологические последствия. Общение через Интернет привлекательно обезличенностью, возможностью конструировать и трансформировать виртуальную личность. Конструируемость личности в интернет даёт свободу идентификации: виртуальное имя, виртуальное тело, виртуальный статус, виртуальная психика, виртуальные достоинства и пороки. А виртуальная идентичность, в свою очередь, даёт свободу коммуникации. Даже при существовании в режиме offline виртуальные сообщества не перестают быть социально виртуальными. Виртуальность личности неизбежно вызывает отчуждение реального тела, статуса и т.д. Реальное становится одним из возможных (наряду с другими) воплощений [25, с. 137-138].

Ф. Уэбстер считает: сам Интернет не является ни средством информации, ни коммуникативным сообществом. Но, связав воедино миллионы компьютеров по всему миру, сетевая инфраструктура способствует динамическому развитию информационного пространства с технологически и культурно присущими ему свойствами интерактивности и индивидуализации, может способствовать интенсивности и глобальности обменов информации, созданию электронных сообществ. Интерактивное общество имеет ограниченность, так как смысл сообщества как такового в том, что оно вовлекает всего человека, а не ограниченную коммуникацию, измеряемую в битах. Электронная почта, электронные доски создают возможности для этого, но это общение может быть прервано простым нажатием кнопки. Эти поверхностные, ни к чему не обязывающие эгоистические отношения не заслуживают названия «сообщества» [78, с. 141]. Возрастает роль домашнего образа жизни, ориентированного на развлечение и досуг. Это грозит потерей общей культуры, которую поддерживало общенациональное телевидение.

С другой стороны, немало серьёзных исследований конца XX века, в том числе и в России, свидетельствует, что воздействие современных технологий в принципе не отличается от воздействия радио, кино при их массовом вхождении в жизнь общества.

Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский, О.В. Смылова в статье «Интернет: воздействие на личность» выделяют три основных вида деятельности пользователей Интернет:

познавательная, игровая и коммуникативная. Соответственно глобальные изменения личности характеризует:

— увлечённость познанием в сфере программирования и телекоммуникаций, как крайний вариант — хакерство;

— увлечённость компьютерными играми, как крайний вариант — «игровая наркомания»;

— увлечение сетевой коммуникацией, как крайний вариант — наркозависимость от Интернета [21, с. 13].

Издержки вызваны не самой по себе техникой, а **личностью** человека и теми отношениями, которые у неё складываются со средствами коммуникации. Есть общее и у виртуальной реальности, генерированной с помощью компьютера, и у особой реальности кинофильма, захватывающей книги, телесериала, и трансовых состояний, сновидений, шаманских кампаний [21, с. 28]. В компьютерной виртуальной реальности в наибольшей степени реализуется принцип активного воздействия со стороны человека и получения им сигналов обратной связи [21, с. 28].

Взаимодействие субъекта с Интернетом выступает в качестве механизма обратной связи, опосредуя процесс самопознания и самореализации человека. Для пользователей Интернет — это прежде всего информация, а уж потом опосредованное общение. Информация перестаёт восприниматься в жёстко структурированной форме, активные пользователи Интернета не боятся хаоса, интуитивно понимают стохастические закономерности не только информационных, но и социальных процессов [13].

Различная степень анонимности компьютерного общения, согласно исследованиям, приносит большую пользу. Подростки, и не только они, высоко ценят возможность компенсировать и нейтрализовать в опосредованном Интернетом общении препятствия, личные недостатки, мешающие непосредственной коммуникации. Здесь возможно множество самопрезентаций у одного субъекта, возможность экспериментирования с собственной идентичностью, «проигрывание» разных ролей [21, с. 31]. Более того, происходит экспериментирование со своей идентичностью.

В работе исследователя проблемы виртуальных сообществ Элизабет Рейд «Идентичность и кибернетическое тело» фиксируется: там, где в играх выбор состоит только из мужской и женской самопрезентации, многие игроки выбирают противоположный пол, ради интереса. «Границы, очерченные культурными конструкциями тела, в виртуальном окружении лишаются чёткости, либо совсем исчезают... Это киборги, проявления личности за пределами физического мира, существующие в пространстве, где идентичность не задана заранее, а определяет сама себя» [64, с. 205]. Наблюдается преодоление коммуникативного дефицита и расширение сферы общения. Можно выбрать или самостоятельно сконструировать в качестве своего «представителя» визуальные изображения (аватары) и объекты (опоры), которые используются в опосредованном общении [21, с. 32].

Развитие **информационного** пространства идёт в направлении все большей переориентации на пользователя, оно из репрезентативного все более становится **коммуникативным**, а общество со встроенными в него социумами, соответственно, информационно-коммуникативным.

С психологическими рисками (опасностями), о которых шла речь выше, и которые вызваны современными информационными технологиями бесполезно бороться. Нужны средства и способы разрешения возникающих противоречий.

Сеймур Пейперт, один из самых авторитетных экспертов в области связи инфор-

мационных технологий и современного образования, в работе «Переворот в сознании» отмечает: «Необходимо преуспеть в искусстве вписывания компьютеров в культуру таким образом, чтобы на их основе могли удачно объединиться, но не слиться в однородную массу сосуществующие в современном обществе и противостоящие друг другу субкультуры. В моем понимании, компьютер действует как переходный объект по установлению связей, которые, в конечном счёте, оказываются связями между одной личностью и другой» [59].

При любом ускорении информации меняются все формы личной и политической взаимозависимости. Власть же над изменением заключается не в том, чтобы двигаться вровень с ним, а в том, чтобы быть впереди него, считает Г.М. Маклюэн [47, с. 226]. «Письменное сообщество всегда будет выступать за дискуссионное или точко-зренческое использование прессы, радио и кино... Коммерческая стратегия развлечения автоматически гарантирует любому средству коммуникации максимальную скорость и силу воздействия как на психическую, так и на социальную жизнь... Как сейчас мы пытаемся взять под контроль непредвиденные последствия атомной бомбы, так в один прекрасный день мы попытаемся взять под контроль и непредвиденные последствия средств коммуникации. В качестве гражданской защиты от побочных следствий средств коммуникации будет признано образование» [47, с. 348-349].

К подобным выводам приходит Э. Тоффлер, расширяя круг предстоящих задач: «Людям, которые должны жить в супериндустриальном обществе, понадобятся новые умения и навыки в трёх ключевых сферах: умении учиться, умении общаться и умении выбирать» [74, с. 450].

Интегративное, комплексное применение критериев позволяет определить степень целеуправляемости информационных систем. При этом можно выделить следующие **стадии** развития информационно-психологического пространства и диагностировать с их помощью конкретные социумы и современное общество в целом: неосознанно-стихийная, осознанно-стихийная, осознанно-управляемая.

Суть **позитивных** современных процессов в области коммуникации, **тенденций**, устремлённых в будущее (нормативный прогноз) можно кратко сформулировать следующим образом:

- сосуществование многообразных видов информационной деятельности и коммуникации, процессов, технических носителей и психологических орудий;
- тенденция к их комбинированию и интеграции, в частности с помощью компьютерных систем и сети Интернет; появление нового комплексного информационного средства и продукта — мультивидения (мультимедийности);
- многофункциональность информационных технологий: это и новые технологические орудия, возможности, и средства связи, общения, передачи, обработки, хранения информации, и часть автоматических систем управления, и форма досуга;
- доступность и персонификация информационной техники и деятельности для всех групп, слоёв населения наряду с существованием специальной информационной деятельности и класса специалистов;
- превращение человека из объекта в субъект, партнёра информационной деятельности, тенденция к развитию диалоговых информационных систем и продуктов;
- включение в информационную деятельность различных социумов (профессиональные группы, семья, школа, общественные организации, компании друзей и единомышленников);

— отсутствие пространственно-временных границ для общения и взаимообогащения.

Основные негативные тенденции, а значит **социальные проблемы** для решения в ходе моделирования, обнаружены следующие:

— превращение средств информации и коммуникации, информационной продукции в товар, функционирование в интересах промышленных и государственных корпораций (ключевая проблема);

— создание стандартной и некачественной продукции, манипулирование аудиторией в интересах бизнеса и политики;

— возникновение «информационного голода», отсутствие возможности удовлетворения многообразных информационных запросов и интересов у различных социальных групп, особенно малоимущих;

— хаотичное обилие информации как причина фрагментарности, мозаичности, мифологичности ее восприятия;

— виртуальность картины мира как замещение реальности и «живого» общения, опасность иллюзорного существования;

— опасность нового отчуждения с помощью информации и разрушения целостности личности, способности к саморазвитию.

Некоторые из проблем носят противоречивый характер, могут оборачиваться как положительной, так и отрицательной стороной. Функционирование по законам рынка стимулирует развитие информационной продукции, но при этом часто возникает несовпадение экономической, товарной значимости и общечеловеческой, культурной, личностной ценности. Виртуальность позволяет осуществить прорыв в моделировании явлений и процессов на новом уровне абстракции, но при этом вызывает опасность замещения подлинной реальности. Мозаичность, мифологичность информации некоторыми специалистами считается переходной стадией к новому способу языкового общения.

Выделение ключевой проблемы — функционирование по законам рынка в интересах промышленных и государственных корпораций — помогает наметить наиболее эффективные способы решения проблем. Они строятся на пути гуманизации, психологизации экономики и, в целом, социальной жизнедеятельности, приоритете потребностей, интересов и целей личности.

ВАЖНО. Опора на глубокий и всесторонний анализ информационных процессов позволяет выявить **ключевую тенденцию**, устремлённую в будущее — формирование единого информационно-психологического пространства (инфосферы) как составляющей ноосферы. Для этого системы должны включать в себя обратную связь, циркуляцию информационных потоков, а на психологическом уровне основываться на диалогических отношениях. Системы должны быть многовариантными и, благодаря коммуникативным связям субъектов, включать процессы новообразования и поиска, отбора как творчества взамен стихии рыночного отбора.

Часть третья.

Взгляд в будущее:

информационная целостность общества как движение к инфосфере и ноосфере.

Уважаемый Читатель, ранее мы уже отмечали, что человечество вступило в новую и решающую («знаниевую») фазу формирования общества, и что по этому поводу у специалистов имеются различные мнения.

Попробуем (с помощью авторитетных учёных и мыслителей, конечно) заглянуть в будущее такого — знаниевого — общества. Уверен, что при этом открывается много неожиданного.

Серьёзные опасения, как отмечалось, сегодня вызывает виртуализация реальности. Однако именно она позволила великому учёному Николе Тесле, изобретателю в области электротехники и радиотехники, инженеру и физика, добиться необычайных успехов в научной и промышленной деятельности. В 17 лет он обнаружил, что может визуализировать любые предметы. Ему при этом не нужны были чертежи, макеты или эксперименты — он все мог увидеть в своём воображении. «Таким образом я бессознательно создал то, что я полагаю новым методом материализации различных изобретательских идей и замыслов... Когда мне в голову приходит очередная идея, я сразу же пытаюсь воссоздать ее в своём воображении. Я мысленно изменяю конструкцию, вношу в неё совершенствования и испытываю ее на практике... Как только я мысленно довожу своё изобретение до такого состояния, когда я больше не вижу в нем ни единого недостатка, я придаю своему мысленному образу материальную форму... Едва ли можно найти механизм, чьё действие нельзя представить себе заранее на основе имеющихся у нас теоретической и практической информации» [72, с. 198-199].

Н. Тесла добивался успехов силой воображения, которая сейчас многократно усиливается с помощью компьютерных технологий.

Его воспоминания о детстве подсказывают направление возможных изменений в личности ребёнка будущего, воспитания и саморазвития (этому будет посвящён следующий очерк).

«Наши первые устремления зачастую продиктованы действием живого и непосредственного воображения. По мере того, как мы взрослеем, наш разум становится более методичным и прагматичным. Между тем, наши детские порывы обладают особенной важностью и могут, хотя и не сразу, оказать серьёзное влияние на наши судьбы. Теперь я знаю, что если бы я попытался разобраться в своих мечтах и осуществить свои желания вместо того, чтобы подавлять их, я бы смог сделать гораздо больший вклад в развитие человечества... Услышав какое-нибудь слово, я сразу же видел в своём воображении предмет, который оно обозначало, так, что мне порой трудно было понять, насколько материальны мои видения... Согласно сформулированной мною теории, эти образы представляли собой результат рефлекторного действия головного мозга на сетчатку глаз в моменты сильного волнения... Если моя догадка верна, это означает, что мы можем проецировать на экран изображение любого воспринимаемого нами предмета, делая его видимым для окружающих. Развитие данной способности могло бы навсегда изменить человеческие взаимоотношения... Я научился передавать изображение

предмета, увиденного мною в мыслях, другому человеку, который находился в другом помещении» [72, с. 196-197].

Н. Тесла стал совершать воображаемые путешествия для получения новых впечатлений. «Я заметил, что появлению образов всегда предшествовало то, что я становился свидетелем реального события, произошедшего при необычных или исключительных обстоятельствах, и в каждом случае был вынужден анализировать первоначальную причину случившегося... Со временем мне стало совершенно ясно, что я представляю собой некий способный к движению автомат, реагирующий на стимулы, воспринимаемые органами чувств, и мыслящий и действующий в соответствии с этими воздействиями. На практике эта идея воплотилась в виде концепции телемеханики..., и я уверен в том, что такие до известной степени разумные механизмы могут быть созданы человеком, что приведёт к настоящей революции в промышленной сфере и торговле» [72].

Таковы были научные предвидения этого человека, опередившего своё время более чем на век. Н. Тесла предполагал возможным объединение человечества силой саморазвития личности, не зная о возможностях технического усиления связей человека с человеком с помощью интернет-технологий. Он предсказал появление разумного искусственного человека, чем сейчас занимается робототехника. Учёный понимал новую гуманистическую задачу, которая стоит перед человечеством: «Только через упразднение расстояния во всех смыслах этого слова, включая передачу информации, перевозку пассажиров и поставку энергии, мы однажды сможем создать условия, необходимые для установления дружеских отношений. Сейчас нам больше всего нужно увеличение **контактов** и улучшение **понимания** между отдельными людьми и сообществами по всему миру...» [72, с. 256-257].

Физики Валентин Федорович Турчин и Клифф Джослин в своём «Кибернетическом манифесте» напрямую говорят об эволюции человечества к сверхмозгу: «Пытаясь заглянуть в будущее, мы предсказываем, что социальная интеграция будет продолжаться в двух направлениях, которые можно назвать шириной и глубиной. С одной стороны, интеграция мировых культур приведёт к образованию единого мирового сообщества и мирового правительства с ответственностью за экологию Земного шара... С другой стороны, мы предвидим продолжение интеграции “в глубину”, а именно: физическую интеграцию индивидуальных нервных систем с созданием потенциально бессмертных человеческих сверхсуществ. Опираясь на известный эволюционно-биологический принцип: онтогенез повторяет филогенез, мы можем предположить, что человеческие индивидуумы будут рождаться и жить в молодом и зрелом возрасте подобно тому, как они живут сейчас, а затем принимать или отвергать интеграцию в сверхсущество. Таким образом, физическая интеграция индивидуумов приходит не на смену индивидуальной жизни, как мы ее знаем сейчас, а в дополнение к ней» [102].

Это сложный процесс, который может и должен происходить на различных социальных уровнях и в различных сферах жизнедеятельности. В частности, через развитие гражданского общества как поискового коллективного сообщества. Коммуникативное действие, дискурс положены Ю. Хабермасом и его последователями в основу морального сознания, определения нравственных норм личностью и социальными группами [79].

Возникло особое направление дискурсивной психологии, которое исследует, то, что «наш способ общения играет активную роль в создании и изменении окружающего мира» [83, с. 18], субъективные психологические реальности конституируются посредством дискурса, определяемого как ситуативное использование языка.

Как утверждают некоторые исследователи, дискурс «конструирует» реальность, в которой мы живём, наделяя его значениями [83, с. 175]. Дискурс становится динамической формой социальной практики, которая конструирует социальный мир, «Я» и идентичности путём интернализации социальных диалогов.

Так из личностных и групповых миров в результате дискурсивных практик складывается общественное мнение, которое американский журналист Уолтер Липпман определяет следующим образом: «Характеристики внешнего мира, которые вытекают из поведения других человеческих существ постольку, поскольку это поведение касается нас самих, зависит от нас или интересно нам, мы можем в первом приближении назвать общественными делами. Картины в головах этих человеческих существ, образы их самих, других людей, их потребностей, целей, взаимоотношений — это общественные мнения. Картины, в соответствии с которыми действуют группы людей или индивиды, действующие от имени групп — это Общественное Мнение, с большой буквы» [39, с. 50].

Ж. Бодрияр, анализируя современное общество как потребительское, говорил о типичной ветви рыночного уклада. «Посредством предметов обретает свой голос стратифицированное общество, и если кажется, что предметы — подобно масс-медиа — говорят со всеми (ведь больше нет права на какое-то кастовое обладание предметами), то разговор этот они ведут лишь затем, чтобы поставить каждого на своё место» [10, с. 21-22]. И современные средства информации и коммуникации ограничивают, а не сближают людей: «... вся современная архитектура медиа основывается на следующем определении: они суть то, что всегда запрещает ответ, что делает невозможным любой процесс обмена (если только он не примет форму симуляции ответа, включённую в процесс передачи, что ни в коем случае не меняет односторонность коммуникации)... И именно в этой абстрактности находит своё основание система социального контроля и власти... Давать и делать так, что тебе невозможно отдать, — это разорвать обмен в свою пользу и установить монополию, при которой социальный процесс теряет равновесие [10, с. 210-211].

По мнению Ж. Бодрияра, новые коммуникации и обмен между людьми должны будут вернуться к тому, что было в первобытном обществе, когда люди чувствовали зависимость друг от друга и практиковался институт взаимного дарения: «...так, чтобы словом можно было обмениваться, давать его друг другу и возвращать — так же как взгляд или улыбку». [10, с. 211].

Э. Тоффлер в своих работах о психологическом ответе на «шок будущего», в результате ускорения социальных процессов, утверждает: «Предположение, размышление и фантастическая картина... становятся такой же холодно практичной необходимостью, какой в прежние времена был твёрдо стоящий на земле «реализм»... Органы местного управления, школы, добровольческие ассоциации и другие также нуждаются в образном изучении своего потенциального будущего. Чтобы помочь им, следовало бы создать в каждом сообществе «центры воображения», занимающиеся, при технической поддержке, мозговым штурмом... Применение воображения к будущему требует... среды, в которой безопасно заблуждаться». По мнению Э. Тоффлера, нас ждёт новая информационно-экономическая эпоха, основой экономики которой будет «психологизация всего производства, начиная с материального», индустрия ощущений [278, с. 246]. Будет возможна имитация окружающего мира, возможность жить в прошлом и будущем. Сутью грядущей экономики будет упор на внутренние потребности индивидов и групп людей [74, с. 253-259]. «Мы стремительно движемся к такому обществу, в котором вещи, предметы, материальные сооружения становятся все более недолговечными..., мы станем первой цивилизацией в истории, которая заставит высо-

кие технологии производить самый недолговечный, но и самый устойчивый продукт: человеческие ощущения» [74, с. 262].

Технологии завтрашнего дня оставят человеку только те функции, которые требуют решений, искусства общения и воображения. «Новое общество... станет поощрять пёстрые, как лоскутное одеяло, быстро меняющиеся стили жизни». Люди будущего «станут «потреблять» стили жизни примерно так, как люди прошлого, менее богатого выбором, потребляли обыкновенные продукты» [74, с. 328, 332].

По определению Н.Н. Моисеева, «информационное общество — это такой этап истории человечества, когда Коллективный Разум становится не только опорой развития вида Homo Sapiens, но и объектом целенаправленных усилий по его совершенствованию» [55, с. 82]. «Коллективный Разум (коллективный интеллект) — это системное свойство совокупности индивидуальных разумов людей, способных обмениваться информацией, формировать общее миропонимание, коллективную память и, может быть, самое главное — принимать коллективные решения... Но до последнего времени это развитие носило преимущественно стихийный характер... Сейчас пришло время его целенаправленной организации в масштабах планеты, необходимой для формирования информационного общества и сохранения цивилизации» [55, с. 76-77]. Это и есть объективно задаваемая самоорганизация в масштабах человечества и одновременно субъективная задача на уровне личности и социумов.

Предвидение и прогнозирование на любых уровнях — от обыденной жизнедеятельности до общесоциальных программ — должны рассматриваться и быть организованы как непрерывный процесс, включающий в себя вариантность возможных путей реализации тенденций и механизм корректировки с учётом изменяющихся факторов и условий.

Психологические характеристики (целенаправленность, потребности и интересы, мотивы, установки, смыслы жизни, предвидение) являются и характеристиками социальных информационных систем, в том числе информационные потребности, возможности, способности и цели. В ходе развития социумов и общества более комплексной становится личность как коммуникативная система. Тем более группы и объединения людей (подсистемы) предстают как информационно-коммуникативные социумы, сообщества и в целом общество все более явственно, рельефно проявляет коммуникативную форму и, соответственно, может быть охарактеризовано как коммуникативное (информационное) общество.

В России информационная революция происходит в значительной мере стихийно, неуправляемо, но, как и в западном мире, связана с изменением места человека в обществе и в системе социальных коммуникаций. Показателем революционной ситуации является то, что аудитория средств массовой коммуникации перестаёт быть пассивным объектом информирования, приоритетными становятся межличностные каналы информирования. Данная тенденция обнаруживается в исследованиях, проведённых нами совместно с другими учёными в конце прошлого и начале нового века (мы познакомим читателя с ними в следующем очерке): значимую для себя информацию юные граждане 12-17 лет получают, прежде всего, от друзей и подруг, от учителей, от родителей в равноправном поколенческом и межпоколенческом диалоге, лицом к лицу, как предсказывал Ж. Бодриар. Налицо преобладание информации в ходе непосредственного общения, особенно со сверстниками, она пользуется наибольшим доверием. Это клеточка, которая может вырасти в новый тип средств коммуникации. Юная аудитория стремится стать субъектом, активным творцом информационного пространства.

Сущностным основанием, несущим стержнем целостности коммуникативной системы является информационная связь, понимаемая во всей ее диалектической глубине, широте и многоаспектности. Данный вывод может быть назван **принципом информационной целостности человеческого общества** (С.А. Дятлов), посредством которого реализуется интегральное единство всех поколений людей и их общественных производительных сил, существующих в определённые общественно-исторические эпохи. Производство конкретного продукта обусловлено интегральной связью всех поколений людей, а его потребление и воспроизводство посредством живой человеческой личности или группы людей есть лишь момент в непрерывном потоке общественного обновления. Воспроизводства жизни всей человеческой цивилизации, протекающем во времени и пространстве от одного поколения к другому осознает не ум, а живая человеческая личность с помощью ума [23]. Мы подходим в исследовании к проблеме роли юного поколения в этом социальном процессе.

Детям в межпоколенческом диалоге цивилизаций присуща миссия, которую Г.М. Маклюэн обосновывает для людей искусства как экспертов, сознающих новые изменения в чувственном восприятии. Художник улавливает смысл культурного и технологического прорыва за десятилетия до того, как реально проявляется его трансформирующее влияние. Он строит модели для встречи грядущего изменения. В определении, анализе и понимании форм и структур, созданных электрической технологией, теперь никак не обойтись без художника — человека с интегральным сознанием. Искусство является точным заблаговременным знанием того, как можно справиться с психическими и социальными последствиями очередной технологии. Это точная информация о том, как следует перестроить свою душу, чтобы вовремя предупредить очередной удар со стороны собственных расширенных способностей [47, с. 77-78]. Художники в артистической игре открывают то, что на самом деле происходит и оказываются «впереди своего времени. «Нехудожники» всегда смотрят на настоящее через очки предшествующей эпохи. Генеральные штабы всегда великолепно подготовлены к победе в прошедшей войне» [47, с. 277].

Подобные характеристики мы встречаем и в отношении детей. В.В. Абраменкова исследуя детскую субкультуру, обращает внимание, что ее вариативность, инаковость, обеспечивает, с одной стороны, ориентацию на утраченные, забытые формы человеческой культуры, а с другой — прогнозирование новых путей ее развития. В единстве разнообразия, по мнению Михаила Юрьевича Лотмана, эстонского литературоведа и политического деятеля, обеспечение прогресса культуры, поэтому именно детская субкультура с ее зоной вариативного развития способна выработать поисковый механизм развития культуры, новых ее путей.

ВАЖНО. Воспроизводство (воспитание, образование, обучение) людей с развитыми информационными потребностями и развитой способностью информационной актуализации является не только главным и решающим фактором научно-технического и общественного прогресса, но и главной целью развития человеческой цивилизации как таковой [23].

ОЧЕРК ТРЕТИЙ.

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ, ИЛИ «О МЕДИА ПОКОЛЕНИИ, ИНТЕРНЕТЕ И «ГЛОБАЛЬНЫХ» ДЕТЯХ».

Часть первая.

Развитие личности

как отражение истории развития информационно-коммуникативных социумов

Часть вторая.

Коммуникативный субъект информационного пространства

как разновозрастная психологическая система

Часть третья.

Развитие подрастающего поколения

в информационно-коммуникативных взаимодействиях

Часть первая.

Развитие личности

как отражение истории развития

информационно-коммуникативных социумов

Ранее, Уважаемый Читатель, мы пришли к выводу, что с одной стороны, в контексте мирового развития, человек по своей сложности равновелик Вселенной, он по сути является микрокосмом (см. очерк первый). С другой (в контексте социального развития), человек есть не менее сложная и непрерывно развивающаяся информационная система (см. очерк второй), которую можно определить как «*информационная личность*».

Вся история мира, начиная с предполагаемого начала в результате Большого взрыва, запечатлена в структуре и генах человека. А развитие его как информационной личности есть своеобразное повторение средств обработки информации и способов коммуникации человечества.

Этнографические исследования привели учёных к выводу об ещё одной копилке информации: развитие каждого ребёнка воспроизводит историю человеческого рода. Многие исследователи, пользуясь этой формулой, считали и считают социогенез ключом к пониманию онтогенеза. Однако эти совпадения можно дополнить: в свою очередь, история человечества похожа на детский период человека, повторяет его особенности и закономерности.

Как описывает Л.С. Выготский, в моторике ребёнка в первые месяцы преобладают примитивные двигательные реакции (ползание, хождение на четвереньках и др.), которые у взрослых затормаживаются и выявляются лишь в патологических условиях. К концу первого года ещё имеют значение механизмы, свойственные четвероногим. В развитии мозга ребёнка наблюдаются как бы переходные стадии филогенеза: от рыб к амфибиям [17, с. 64]. Налицо строительство психической жизни человека, занимающее длительный период, а не врождённая «человечность». При этом используются те же биологические, психофизиологические, психологические механизмы, что и при становлении человечества. Выглядящее мистически повторение человеческой истории при развитии ребёнка получает своё психофизиологическое объяснение. Становление ребёнка как человека опирается на древние биологические и психические механизмы. Таким образом, исследуя прошлое, мы глубже проникаем в психологию и физиологию ребёнка, и наоборот — изучая особенности ребёнка, получаем возможность понимать далёкое прошлое человечества. Это взаимосвязанные встречные процессы.

Поведение культурного человека, по мнению Л.С. Выготского, является продуктом трёх основных линий в развитии поведения — эволюционной, исторической и онтогенетической [16, с. 19]. Соответственно, три основных момента этих эпох имеют место в эволюции: употребление и «изобретение» орудий у человекообразных обезьян завершают органическое развитие поведения в эволюционном ряду и подготавливают переход всего развития на новые пути, создавая основную психологическую предпосылку исторического поведения; труд и связанное с ним развитие человеческой речи и других психологических знаков, при помощи которых примитивный человек пытается овла-

деть поведением, означают начало культурного или исторического в собственном смысле развития поведения; в детском развитии наряду с процессами органического роста и созревания выделяется и вторая линия развития — культурный рост поведения, основанный на овладении приёмами и способами культурного поведения и мышления. Подобно тому, как в процессе исторического развития человек изменяет не свои естественные органы, а свои орудия, так и в процессе психологического развития человек совершенствует работу своего интеллекта главным образом за счёт развития особых технических «вспомогательных средств» мышления и поведения.

Антропосистема имеет свойство постоянно возрождаться, обновляться благодаря новым поколениям. Период детства оказывается решающим в этом процессе. Алексей Николаевич Леонтьев, психолог, философ, педагог и организатор науки, обращает внимание: «Ребёнок не приспособливается к окружающему его миру человеческих предметов и знаний, а делает его своим, то есть присваивает его» [37, с. 535]. Весь спектр отношений человека представлен в психологии детства, «первоначально отношения к миру вещей и к окружающим людям слиты для ребёнка между собой, но дальше происходит их раздвоение, и они образуют разные, хотя и взаимосвязанные линии развития, переходящие друг в друга» [36, с. 207].

Многолетние эксперименты и исследования генезиса общения у детей до семи лет под руководством М.И. Лисиной показали, что потребность в общении «возникает в ходе жизни и функционирует, формируется в жизненной практике взаимодействия индивида с окружающими людьми... Обобщая результаты нашей работы в указанном направлении, можно подвести следующий итог: общение является тем видом человеческой практики, в котором у маленького ребёнка а) впервые рождается внутренний мир; б) формируется его сознание и самосознание; в) строится его личность и г) происходит реальное развитие всех сторон его психики» [40, с. 51, 176-177].

Л.С. Выготский приводит данные экспериментального исследования физиолога Николая Матвеевича Щелованова [17, с. 57-59], который ещё в 1920-е годы выяснил: примерно на шестой неделе жизни ребёнок проявляет активность улыбкой, хаотическими движениями, звуками, стремясь привлечь к себе внимание взрослого — «комплекс оживления». Н. Щеловановым был выдвинут принцип отношения к ребёнку уже на этой стадии как к субъекту, как к личности, а не только ухода за младенцем. Сердцевина этого отношения — развивающееся непосредственно-эмоциональное общение ребёнка и матери. Об этом также свидетельствует исторический опыт. Африканские и юго-восточные матери привязывают к себе маленького ребёнка. Такой повседневный физический контакт позволяет детям на первых этапах своей жизни существенно опережать сверстников других культур [73, с. 70]. Недостаток адекватных коммуникаций у детей в первый период жизни (детские дома, конфликтные семьи) приводит к отставанию в двигательном, физическом и умственном развитии, в формировании отношений с другими [84, с. 164]. К таким же выводам приходит детский психолог Мая Ивановна Лисина, исследуя со своими сотрудниками общение детей в ранний период жизни: «Без постоянной поддержки взрослого, особенно в первые месяцы и годы жизни, развитие общения детей с окружающими замедляется или даже прекращается» [40, с. 93].

Л.С. Выготский, опираясь на исследования своего времени, объяснял изначальную социальность ребёнка биологической беспомощностью.

Его последовательница Лидия Ильинична Божович, детский психолог, психоневролог и педагог, считала недостаточным такое объяснение. Она обнаружила, что первичной потребностью человека является потребность в новых впечатлениях, наблюдаемая при-

близительно на третьей-пятой неделе жизни ребёнка [11, с. 158].

Физиологическую основу данной потребности раскрыл И.П. Павлов как безусловный ориентировочный рефлекс, переходящий затем в ориентировочно-исследовательскую деятельность.

Однако Л.И. Божович считает неправильным связывать ориентировочную деятельность, имеющуюся уже у младенца, как средство биологического приспособления: «... потребность ребёнка во внешних впечатлениях, выражая потребность развивающегося мозга, тем не менее не связана прямо с инстинктивно биологическими потребностями приспособления. У ребёнка, во всяком случае, она носит характер «бескорыстной» потребности сначала во внешних впечатлениях, а затем в познании действительности и овладении ею» [11, с. 180].

Возникновение потребности во внешних впечатлениях изменяет весь характер эмоциональной жизни ребёнка. Проявление радости впервые возникает у ребёнка при внешних воздействиях на его органы чувств, в особенности на глаз и ухо [11, с. 163]. Потребность во внешних впечатлениях внутренне по существу связана с общим психическим развитием человека, так как последнее осуществляется лишь в процессе усвоения ребёнком исторически накопленного человеческого опыта. «Таким образом, общение с внешним миром вызывает у младенца чувство радости и удовлетворения и является для него более эмоционально привлекательным, чем удовлетворение первичных биологических потребностей... Однако ребёнок не может сам, без помощи взрослых, овладевать усложняющимися формами познавательной деятельности и тем самым удовлетворять имеющуюся у него потребность в более новой и сложной информации... Как мы думаем, именно она является достаточно перспективной основой для развития социальных форм общения между ребёнком и взрослым и для его психического развития» [11, с. 166].

Таким образом, у истоков онтогенеза мы имеем коммуникативный механизм общения ребёнка и взрослого, **межпоколенческого взаимодействия**, который постепенно развёртывается в **диалог поколений**.

Исследования группы М.И. Лисиной показали: «Опыт общения со взрослыми начинает накапливаться очень рано — с первого месяца жизни. Опыт общения со сверстниками возникает гораздо позднее, по-видимому, со второго-третьего года жизни. В первый год жизни контакты детей со сверстниками побуждаются «не специфической потребностью в общении с равными партнёрами, а стремлением к активности и новым впечатлениям» [40, с. 160], то есть в основе общения тоже информационная связь. В начале второго года наблюдается становление потребности общения со сверстниками, которая к трём годам приобретает устойчивый и систематический характер, «дети начинают относиться друг к другу как к субъекту потенциального общения; они учитывают способность ровесника воспринимать их действия, реагировать на них и ведут себя в расчёте на неё» [40, с. 161].

В три-семь лет опыт **общения** со взрослыми выступает как:

- 1) источник оценочных воздействий для формирования отношения к себе и к миру;
- 2) источник организации индивидуального опыта ребёнка;
- 3) контекст для сравнения ребёнком себя с идеалом, с эталоном.

М.И. Лисина отмечает информационно-коммуникативную основу формирования потребности в общении — стремление ребёнка к новым впечатлениям (взрослый — самый богатый информацией объект в мире младенца) [40, с. 45], «чем сложнее и необычнее (то есть информативнее) объект, чем больше он привлекает внимание, тем

дольше к нему интерес ребёнка» [40, с. 54]. Потребность впечатлений рождает познавательные мотивы общения. Взрослый сам по себе выступает мотивом такого общения как источник впечатлений и как организатор новых впечатлений ребёнка.

Общение со сверстниками выполняет функции:

1. контекста для сравнения ребёнком себя с равными ему существами;
2. средства взаимного обмена оценочными воздействиями.

При этом, в первые семь лет жизни наиболее сильное влияние оказывают воздействия взрослых людей. Даже общение со сверстниками во многом определяется межпоколенческим общением.

Итак, у истоков онтогенеза мы имеем механизм информационно-коммуникативного взаимодействия в форме межпоколенческого и поколенческого взаимодействия, связанный с потребностью в информации о внешней среде.

В. Петерс выделяет ещё один важный для раннего детского возраста коммуникативный механизм — **подражание**. Ребёнок сливается в своей деятельности непосредственно с тем, кому он подражает. Он не подражает движениям неживых предметов. Подражание животного не может научить ничему новому. У ребёнка с помощью подражания возникает новое, никогда не бывшее прежде в его опыте поведение [17, с. 100-101].

Д.Г. Мид обращает внимание на интерактивный и циклический характер данного коммуникативного механизма: «Я возникает в поведении, когда индивид становится в опыте социальным объектом для самого себя. Это происходит, когда индивид принимает установку [другого], или использует жест, который использовал бы другой индивид, и сам реагирует на него или имеет тенденцию так реагировать. Это развитие, которое постепенно происходит в жизни младенца и, можно предположить, постепенно совершалось в жизни рода. Я развивается в жизни младенца посредством того, что было неудачно названо подражанием, и находит своё выражение в нормальной игровой жизни маленьких детей. В этом процессе ребёнок постепенно становится в своём опыте социальным существом и действует по отношению к себе подобно тому, как он действует по отношению к другим» [53, с. 47].

«Подражание — тот механизм, который делает человека человеком», — считает психолог Владимир Дмитриевич Шадриков [92, с. 277]. «Ребёнок раскрывает для себя мир через свою деятельность, а в деятельности он копирует взрослых и в первую очередь родителей. В этой деятельности развиваются его способности... Подражание взрослым, копирование их деятельности является основным фактором умственного развития ребёнка... В подражании взрослому не только развиваются способности, но и усваиваются нравственные нормы поведения... С возрастом подражание ослабевает... Но подражание не исчезает, оно приобретает качественно новые формы» [92, с. 278-279].

В.Д. Шадриков обращает внимание на особый характер деятельности младенца, связанной со взрослым: «в раннем возрасте действия ребёнка с предметами представляют собой бесцельные манипуляции. Ребёнок не знает ни свойств предметов, ни возможностей взаимодействия с ними. Ему нельзя задать цель, и он не владеет своим телом. Вот здесь-то и становится ведущей совместная деятельность ребёнка и взрослого. Взрослый должен осуществлять совместные действия с ребёнком, помогая ему выполнить то или иное движение. Глубокий смысл этой совместной деятельности должен заключаться в том, что взрослый повинуется желаниям ребёнка, его стремлениям к определённым предметам, его стремлениям что-то сделать... Взрослый повинуется желаниям ребёнка, но формирует для себя цель, соответствующую этому желанию. Мотив — ребёнка, а цель — взрослого... На первом этапе совместную деятельность можно уподобить разучиванию алфавита движений. Букв здесь гораздо больше, чем в языке»

[92, с. 264-266]. Таким образом, рукой ребёнка в совместной деятельности через взрослого движет цивилизация, опыт поколений.

Эта кооперация взрослого и ребёнка в деятельности предполагает, как отмечает В.Д. Шадриков, особый характер общения и своеобразный **предъязык**, повторяющий путь развития человечества.

Недостаточно предъязык младенца ограничивать только плачем. В его арсенале имеются и другие звуки, которые Д.Г. Мид называет «голосовой жестикуляцией», «вокальными жестами». «Когда эти жесты в других возвращают ему образы собственных реакций и их результатов, ребёнок получает материал, из которого он строит социальные объекты, образующие самую важную часть его среды» [53, с. 33].

Вот какие сложнейшие информационно-коммуникативные процессы происходят у младенца, закладывая основы жизни нового общества и развития цивилизации. И какую ответственность они налагают на тех, кто находится рядом с малышом.

Следующий этап развития речи и психологический механизм раннего периода, важный для понимания онтологии коммуникативных процессов, Л.С. Выготский называет **автономной детской речью**. Это напоминает обломки слов, искажённые слова. Общение с детьми в этот период возможно только в конкретной ситуации. Слово может быть употреблено в общении, когда предмет находится перед глазами. «Этот язык аграмматичен, не имеет предметного способа соединения отдельных слов и значений в связную речь — господствует объединение междометий, переходящих друг в друга, напоминающих ряд бессмысленных восклицаний, которые мы издаём иногда в сильном аффекте» [17, с. 126-127].

Дети в раннем возрасте не обладают ещё возможностью замещать отсутствующие предметы, но могут в наглядной ситуации указывать на отдельные стороны или части и давать этим частям название. При этом отсутствует отношение общности между отдельными значениями слов. Как показали исследования Ж. Пиаже, А. Валлона и других, ребёнок подчас и в школьном возрасте имеет тенденцию не понимать условности речи, а рассматривать имя вещи как ее свойство, некоторый атрибут. Не случайно ребёнок в своих первых вопросах никогда не спрашивает о названии, но о назначении или смысле вещей [17, с. 111].

Л.И. Божович обратила внимание, что «первоначально, когда у ребёнка ещё нет развёрнутой речи и развёрнутой системы представлений, он целиком зависит от тех внешних воздействий, которые идут от окружающей его среды. Избирательность реакции на тот или иной предмет зависит, во-первых, от наличия у ребёнка доминирующих в данный момент потребностей..., во-вторых, избирательная реакция зависит от той связи, которая в процессе личного опыта ребёнка установилась между его потребностями и предметами их удовлетворения. Наконец, она зависит и от структуры самой ситуации, то есть расположения в ней различных предметов и того места, которое занимает среди них ребёнок.

Соотношение всех этих сил и заключено в понятии «психическое поле», которому, согласно данным К. Левина, подчиняется поведение маленького ребёнка» [11, с. 184]. С появлением у ребёнка первых слов он начинает эмансипироваться от непосредственных влияний «поля». Влияние внешней непосредственной предметной ситуации опосредуется образами, представлениями и переживаниями. Психическое поле аффективно освоенных предметов становится основой для достраивания функционально освоенными предметами, становящимися продолжением, усилением органов и функций юного человека, а затем и преобразованными, произведёнными с этой целью предметами.

Так создается новый уровень «психического поля», включённого в информационно-психологическое пространство общества.

Сознавать для ребёнка раннего возраста ещё не означает воспринимать и перерабатывать воспринимаемое с помощью внимания, памяти, мышления. Все эти функции ещё не дифференцировались, они действуют в сознании целостно, подчиняясь восприятию постольку, поскольку они участвуют в восприятии. Для ребёнка дошкольного возраста мыслить — значит вспоминать, то есть опираться на прошлый опыт. В данном контексте рассматривается Л. Выготским и аффект как фундаментальная способность человека, которая открывает процесс психического развития ребёнка и построение его личности и замыкает собой этот процесс, завершая и увенчивая развитие личности в целом. В первой стадии младенческого возраста аффект принимает основную форму рецептивного интереса к внешнему миру, с тем, чтобы во второй стадии этого возраста уступить место активному интересу к окружающему. Завершение младенчества непосредственно сталкивает нас с кризисом одного года, который характеризуется бурным развитием аффективной жизни и знаменуется впервые появляющимся у ребёнка аффектом собственной личности — этой первой ступенью в развитии детской воли [17, с. 81-82].

Л.И. Божович, дополняя Выготского, обращает внимание, что за аффектами «лежит мир потребностей ребёнка — его стремлений, желаний, намерений в их сложном переплетении между собой и в их соотношении с возможностями их удовлетворения. И вся эта сложная система связей, весь этот мир потребностей и устремлений ребёнка должен быть расшифрован для того, чтобы мы могли понять характер влияния внешних обстоятельств на психическое развитие ребёнка... И, следовательно, сколько бы мы ни изучали уровень мышления ребёнка, мы не поймём из этого ни особенностей его переживаний, ни характера влияния на него тех или иных обстоятельств жизни» [11, с. 137]. Переживания, «...раз возникнув и образовав сложную систему чувств, аффектов, настроений, начинают приобретать значение для субъекта сами по себе... В этом случае переживание из средства ориентации превращается в самоцель и приводит к возникновению новых потребностей — потребностей в самом переживании» [11, с. 142], которые наполняют, обогащают жизнь человека.

Переход к речи М.И. Лисина на основе своих исследований характеризует следующим образом: она возникает у ребёнка, прежде всего, как средство общения, сроки ее появления и темпы усвоения определяются довербальными стадиями коммуникативного взаимодействия с окружающими людьми. «Язык есть практически существующее реальное сознание, способ формирования идеального плана. Из средства общения он тут же превращается в инструмент психической деятельности; из средств межличностной коммуникации — во внутрииндивидуальное орудие... Таким образом, общение со взрослыми и ровесниками обеспечивает обогащение содержания детского сознания, оно детерминирует его структуру, реальное развитие отдельных психических процессов, личности, сознания и самосознания» [40, с. 179].

Развитие речи как средства общения, понимания речи окружающих представляет собой, по мнению Л.С. Выготского, **центральную линию развития ребёнка раннего возраста** и существенно меняет его отношения к окружающей среде. Речь выступает в функции сообщения, выступает как деятельность, связанная с людьми, то есть внешняя и совместная — в форме диалога. Там, где речь выступает в коммуникативной функции, она связана с произнесением и говорением, проявляется в звучании [17, с. 160-161].

Вместе с речью для ребёнка возникает начало осмысления, осознания окружающей действительности, создаётся устойчивая **картина мира** — мира упорядоченного в

предметном отношении, впервые расчленённого с помощью речи. Лишь к трём годам восприятие ребёнка приближается к восприятию взрослого человека [17, с. 172, 178]. Системное строение сознания как своеобразное отношение отдельных функций друг к другу Л.С. Выготский называет **внешним сознанием**, тогда как смысловое строение, характер обобщения — его внутренней структурой. Ребёнок сначала мыслит преимущественно **обобщёнными восприятиями**, то есть общее восприятие является здесь первой формой структуры значения детского слова. В словаре ребёнка мало слов, которые не имели бы конкретного значения, внутриречевое мышление сковано вещами, которые представлены в словах. Ребёнок не осознает само слово и процесс говорения, слова, по образному выражению Л.С. Выготского, — стекло, сквозь которое он смотрит на мир, но не видит само стекло [17, с. 181].

Овладение речью приводит к перестройке детского мышления, памяти и других функций. Речь становится универсальным средством для воздействия на мир. Л.С. Выготский считает решающим моментом развития ребёнка в этом возрасте **осознание им своего «Я»**.

М.И. Лисина оспаривает мнение исследователей, которые отрицают наличие у младенца образа самого себя. С точки зрения концепции генезиса общения, уже самый первый коммуникативный акт свидетельствует об отделении младенцем себя от взрослого. «Общение начинается как раз с появления двух субъектов — «Я» и «Ты» — и без него немислимо» [40, с. 109]. Образ себя у младенца сводится к общей и абсолютной самооценке. В дошкольном возрасте представление ребёнка о себе складывается в соотношении с образами и взрослых, и сверстников [40, с. 110]. После трёх лет у детей все интенсивнее развивается относительная самооценка путём активного сопоставления себя с товарищем.

Выявление границ собственного «я», выделение позиций «Я» и «Другой» подводит ребёнка к осознанию своего «я», создавая новую позицию: «Я и Общество». Таким образом, считает Давид Иосифович Фельдштейн, академик, педагог и психолог, к трём годам ребёнок завершает первый цикл знакомства с человеческим миром, фиксируя своё новое социальное положение, выделяя своё «я», осознавая свою «самость», ставя себя в позицию субъекта. С этого узлового рубежа начинается новый уровень социального развития, когда не только общество определяет отношения с ребёнком, но и он, вычленив (но ещё не осознав) своё «я», начинает все более активно вступать в отношения с другими людьми — взрослыми и сверстниками» [81, с. 151].

Образ самого себя, по мнению М.И. Лисиной, имеет два источника:

1) индивидуальный опыт, приобретаемый детьми при столкновении с несоциальной средой, в системе «ребёнок — физический мир»;

2) опыт общения, приобретаемый детьми при контактах с социальной средой, в системе «ребёнок — социальный мир». Образ самого себя имеет сложную архитектуру.

Есть центральное, или ядерное образование, на которое конвергируются все новые впечатления, получаемые индивидом. В этом образовании представлено в наиболее переработанной форме знание о себе как о субъекте, о личности, в нем рождается общая самооценка, тут она постоянно существует и функционирует. Кроме центра у образа есть и периферия — ближе или дальше отстоящие участки, куда приходят самые новые и свежие сведения человека о себе. Они немедленно преломляются через призму центрального образования и обрастают аффективными компонентами. Периферия, в свою очередь, также влияет на центр, благодаря чему общая самооценка постоянно модифицируется. Развитие образа не сводится к накоплению новых деталей, а есть интегральный процесс перестройки, качественного преобразования всего образа в целом [40, с. 106-108].

Особую роль в развитии ребёнка имеет игровая форма деятельности. Некоторые психологи считают, что уже в первые месяцы ребёнок использует первые навыки игры — второй после общения стадии развития социальности [84, с. 209]. Данное расширительное понятие игры как всей деятельности ребёнка оспаривает Л.С. Выготский: «Мне кажется весьма плодотворным и отвечающим сути дела и положительное определение игры..., что игра — это своеобразное отношение к действительности, которое характеризуется созданием мнимых ситуаций или переносом свойств одних предметов на другие» [17, с. 158]. Исследования показывают, что игры с переносом значений, с мнимыми ситуациями появляются в зачаточной форме только к концу раннего возраста, на третьем году появляются игры, связанные с внесением элементов воображения в ситуацию [17, с. 158-159].

Д.Г. Мид, раскрывая игру как коммуникативный механизм обретения самосознания юного человека, выделяет следующие стадии данного процесса: стадию спонтанной игры и стадию организованной игры. В спонтанной игре ребёнок непрерывно действует как родитель, учитель, пират, индеец и другой взрослый. Фридрих Вильгельм Август Фрёбель, немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания и создатель понятия «детский сад», выяснил, что ребёнок осваивает роли тех, кто принадлежит к его обществу. Спонтанная игра предшествует организованной, где есть регулируемая процедура и правила. По его мнению, ребёнок должен не просто принять роль другого, как он это делает в случае спонтанной игры, но должен принять разные роли всех участников организованной игры и соответствующим образом управлять своим действием.

Изучением феномена игры занимался Даниил Борисович Эльконин, психолог, автор оригинального направления в детской и педагогической психологии, автор и разработчик системы развивающего обучения, которая была внедрена в российскую и мировую педагогику. К высшей точке ведущей деятельности — ролевой игре — по мнению Д.Б. Эльконина, ведут определённые ступени или этапы [94]. На первом из них центральное содержание включает действие с определённым предметом, направленным на соучастника игры. Это — действие матери или воспитателя: «кормление», «лечение», причём — чем именно и в каком порядке — в общем-то безразлично для играющих. Роли есть, но они не названы, и отношения между участниками в игровом поле не возникают. Нет и цепочки действий. На втором этапе основное содержание — по-прежнему действие с предметом, но игровое действие здесь уже соответствует реальному, существует разделение функций, причём логика действий определяется жизненной последовательностью и составляет цепь, в которой нарушение последовательности действий неприемлемо и оспаривается партнёром. На третьем этапе на первое место по значению выдвигается выполнение роли и вытекающих из неё действий, среди которых особенно выделяются действия, передающие отношения между действующими лицами. Роли определяют и направляют поведение играющих, действия их разнообразны. Появляется специфическая игровая речь, хотя прорывается и внеигровая. Нарушение логики действий опротестовывается: «Так не бывает!» Вычлняются правила поведения. Наконец, на высшем, четвёртом этапе основным содержанием игры становится выполнение действий, связанных с отношением к другим людям. Роли чётко очерчены и выдерживаются в течение всей игры, функции их взаимосвязаны. Действия чётко последовательны, строго воссоздают логику событий, они разнообразны и отражают реальность. Ясно выражены правила. Речь — явно ролевая. Нарушения логики действий опротестовываются указанием на рациональность правил игры. Эти этапы связаны не столько с возрастом, сколько с уровнем развития участников игры. Это обстоятельство

тем более существенно, что развитие игровой деятельности как ведущей (между тремя и шестью годами) во многом определяет развитие личности ребёнка.

Исследования показывают неоднозначное влияние средств массовой информации на игровую деятельность детей. Это подтверждают, в частности, материалы, полученные в дипломном исследовании В.А. Бондарцевой (2001). У старших дошкольников северного города Муравлянка в 66% случаев был выявлен низкий уровень восприятия социальных отношений. Анализ материала показал, что низкий уровень социализации и рост индивидуализма у этих детей связан с широким распространением технических игр, прежде всего — компьютерных, которые приводят к затормаживанию развития психики детей на уровне предметно-манипулятивных игр и слабой развитости сюжетно-ролевых. Выяснилось, что дети, предпочитающие игры, которые берут своё начало в стандартных зарубежных фильмах, оказались наименее восприимчивыми к социальным отношениям. Асоциальные и антисоциальные мотивы игр на основании материалов, почерпнутых из средств массовой информации, создают барьеры на пути формирования механизмов социального восприятия, фактически порождая их неполноценность. Автор делает вывод, что формированию социального восприятия более всего способствуют сюжетно-ролевые игры на жизненном, в том числе бытовом, материале (профессиональная тематика, «дочки-матери», «магазин» и др.); в то же время игры по мотивам «мыльных сериалов», криминальных сюжетов, технические и компьютерные игры тормозят и разрушают социализацию дошкольников [41].

Наши психологические наблюдения также свидетельствуют, что дети в шестилетнем возрасте, находящиеся под влиянием телесериалов, разыгрывают знакомые по телеэкрану ситуации и роли. Как только набор исчерпывается, они теряются в поиске новых, игра прекращается. Жизненные ситуации у «сериальных» детей не являются игровой средой.

В межличностном пространстве общения, заполненном игрой, развиваются коммуникативные механизмы. Представляя себя в разных ситуациях, дошкольники «репетируют» свою будущую жизнь, тренируются в исполнении определённых социальных ролей, легко путешествуют в пространстве и времени.

Если даже ребёнок играет один в три-четыре года, у него есть воображаемые партнёры. Ребёнок может фантазировать, придумывать себе друзей. Игра также помогает справиться со страхами, отрицательными эмоциями путём воспроизводства реальных ситуаций и овладения ими [84, с. 327-330].

По мере того, как малыши все больше времени проводят без родителей, у них появляется возможность более широкого общения со сверстниками. Контакты, возникающие между детьми по поводу каких-либо игрушек или предметов — это первая форма социального общения между ними. В результате происходит подражание друг другу, координация своих действий и стремление понять друг друга [84, с. 247]. Дети, воспитывающиеся без родителей в этот период, очень привязаны друг к другу, то есть первый социум выполняет компенсаторскую роль [84, с. 242]. Социально содержательное **общение со сверстниками** — неотъемлемое условие личностного становления уже в полтора-три года. Оно постоянно приобретает новые оттенки, делаясь все более интенсивным по мере физического и умственного развития ребёнка [84, с. 259]. К трём-четырёх годам частота и интенсивность общения детей с родителями и со сверстниками становятся примерно одинаковыми. Для многих детей первым значимым опытом общения со сверстниками являются отношения с братьями и сёстрами. Дети любят подражать старшим. При этом могут складываться различные формы и типы общения — от социально приемлемых до асоциальных, агрессивных [84, с. 322]. Эта модель социума подготавливает к общению детей вне дома.

Антон Кемпински, польский психиатр, психолог и философ, видит важную функцию общения со сверстниками в «освобождении от семейных связей генеалогического рода», без чего близкие отношения ребёнка с членами семьи покупаются ценой индивидуальной свободы, чувства к родным окрашиваются эгоизмом и подвергаются амбивалентному раздвоению («люблю-ненавижу»). Вторая, не менее важная функция — при общении со сверстниками для ребёнка создаются возможности наладить контакты с равными ему людьми. По образному сравнению А. Кемпински, плоскость контактов ребёнка со взрослыми — наклонная, он смотрит на родителей снизу-вверх, в результате чего их образ в его глазах всегда огромен. Общаясь же со сверстниками, ребёнок научается жить на «горизонтальной плоскости». «Вполне вероятно, что общение с другими детьми позволяет преодолеть замкнутость социального мира ребёнка и неизмеримо расширяет его рамки» [40, с. 139], «отношения человека с окружающими людьми служат основным источником самосознания и являются главным средством самопознания» [40, с. 141].

Происходит и оттачивание возможностей юного человека взаимодействовать с орудиями труда, тем самым идёт развитие своего тела как части системы «человек-техника». В возрасте от трёх до шести лет особенностью физического становления является развитие мелких мышц плеч и кистей рук, что способствует определённым видам деятельности — рисование, работа с ножницами, постепенное развитие тонкой моторики. Совершенствуется и грубая моторика — двигательные навыки и координация движений, сила, скорость движений [84, с. 271-272].

Переход от двигательной к **познавательной активности** Ж. Пиаже отмечает тем, что ребёнок начинает мыслить целостными образами — символами реальных предметов, явлений и действий. Прежде он пытался решать свои проблемы методом проб и ошибок, в основе которого лежит непосредственная практическая деятельность. Он не мог ещё прогнозировать ход последующих действий, а отталкивался от конкретного видения реальных предметов. Теперь чисто двигательные операции дополняются некоторой мыслительной работой, планированием своих действий. Раньше ему приходилось подключать к поисковой деятельности все части своего тела, сейчас достаточно задействовать руки. В методе проб и ошибок происходит замена некоторых бесполезных физических действий работой памяти, мышления, хотя остаются от прошлого произвольные движения других частей тела [84, с. 287].

Дети этого возраста ещё не понимают, что у других людей могут быть иные представления об окружающем. Ребёнок не сомневается в своей правоте, формулирует своё мнение на том, какими вещи представляются, а не какие они есть на самом деле. У них появляется способность к центрации, то есть умению сосредоточиться на частях предмета, игнорируя целое. Но они не способны пока уследить за изменениями объекта и его переходами в иное состояние [84, с. 288, 290]. Мышление также характеризуется необратимостью — неспособностью мысленно возвращаться к исходному пункту своих мразмышлений. Уровень умственного развития, по Ж. Пиаже, зависит от взаимодействия этих характеристик. **Дети мыслят ассоциативно, по аналогии** [84, с. 292, 293], что было свойственно для первобытного мышления. В ранний период с трудом отличают реальные явления от вымышленных, приписывают человеческие черты неодушевлённым предметам и животным (анимизм) [84, с. 296].

В качестве итога важности новообразований раннего детства стоит привести **правило Бенджамин Блума**, американского психолога и педагога. Б. Блум установил, что около половины общего интеллекта человека достигается к четырём годам и около

половины нормальных школьных знаний добывается к девяти годам. Правило Б. Блума гласит, что интеллект ребёнка можно в первые четыре года повысить оптимизацией внешних воздействий по контрасту с относительной скудностью их на 10 единиц IQ, в 4-8 лет — на 6 единиц, в 8-12 лет — на 4 единицы. Оказывается, что именно в младенческие и ранне-детские годы накапливается масса информации, сведений [96, с. 127].

На **первых этапах онтогенеза** возникают и развиваются **коммуникативные потребности и особенности**, формируется информационно-психологическое пространство юной личности как восприятие мира со своим «горизонтом». Коммуникативная деятельность и общение как межпоколенческий и поколенческий диалог проявляются как фундаментальные и системообразующие механизмы.

После становления основных структур и функций человека, как информационной системы, на начальной стадии становления происходит их дальнейшее усложнение. Самая существенная черта ребёнка **семи лет**, по мнению Л.С. Выготского — начало дифференциации внутренней и внешней стороны личности ребёнка. Утеря непосредственности означает привнесение в поступки интеллектуального момента.

Речь, как средство общения, приводит к тому, что приходится называть, связывать со словами внутренние состояния. Таким образом возникает обобщение внутреннего процесса. Ребёнок раннего возраста не знает собственных переживаний. Как ребёнок трёх лет открывает своё отношение с другими людьми, так семилетка открывает сам факт своих переживаний. Переживания приобретают смысл, и у ребёнка появляется новое отношение к себе, перестраивается весь характер переживаний. К кризису семи лет впервые возникает обобщение переживаний, или **аффективное обобщение**, логика чувств. Уровень запросов к самому себе, к успеху, к положению возникает именно в связи с кризисом семи лет. Такие новообразования, как самолюбие, самооценка остаются, а симптомы кризиса (манерничание, кривляние) преходящи. Возникает впервые и острая внутренняя борьба переживаний, противоречия переживаний и выбора собственных переживаний. Там, где возможно это внутреннее раздвоение переживаний, где возникает внутреннее отношение, там совершается и изменение переживаний [17, с. 200 — 203].

Л.С. Выготский выделяет **переживание как единицу единства личности и среды**, внутреннее отношение ребёнка как человека к тому или иному моменту действительности. Ребёнок «есть часть социальной ситуации, отношение ребёнка к среде и среды к ребёнку даётся через переживание и деятельность самого ребёнка; силы среды приобретают направляющее значение благодаря переживанию ребёнка» [17, с. 206-208]. Именно поэтому так велика роль детских переживаний даже во взрослом периоде жизни. Нобелевские лауреаты, этологи Конрад Лоренц, Карл фон Фриш, Николас Тинберген выяснили огромное значение для развития личности ранних впечатлений. Младенческие, детские и подростковые впечатления определяют не только уровень впоследствии достигаемого интеллекта, но и эмоциональную сущность индивида, его ценностные критерии, причём строго стадийно и нередко необратимо [96, с. 127]. В критические возрасты происходит переход от одного способа переживаний среды к другому.

Как считает Альфред Адлер, австрийский психолог, психиатр и мыслитель, «индивидуальность и неповторимость любого человека состоит в том, что он воспринимает и как он это воспринимает» [2, с. 45]. На основе впечатлений возникают мир воображения и мир памяти, «процесс воображения повторяет процесс восприятия и является ещё одним примером творческих возможностей нашей психики» [2, с. 47]. Творческой возможностью психики являются также фантазии и мечты. Фантазия связана с подвижностью человеческого организма и есть один из методов предвидения. «Фантазии детей и взрослых, которые ино-

гда называют мечтами, всегда связаны с будущим» [2, с. 54]. Большая часть детских фантазий начинается со слов «когда я вырасту».

Другие исследователи также выделяют у человека в индивидуальном развитии некоторые «критические» моменты, во время которых наиболее сильно, наиболее глубоко запечатлеваются впечатления, и приходится они на разные стадии младенческого, детского и даже подросткового возраста. Для различных людей импрессионами могут служить разные явления, определяемые конкретным содержанием врождённых свойств человека. Генетик и педагог Владимир Павлович Эфроимсон, сформулировавший принцип равновесия между скоростью мутационного процесса и отбора в популяциях человека, считает, что импрессионг запускает «цепную реакцию», по своему историческому, культурному или прямому материальному значению более мощную, чем взрыв атомной бомбы [84, с. 130-131]. Импрессионг является одним из основных путей воздействия макро- и микросоциума на индивидуальное развитие личности [84, с. 145]. В.П. Эфроимсон, как представитель генетической педагогики, предлагает формирование ценностных критериев, интересов, устремлений по механизму импрессионга (запечатлевания); детские впечатления надолго определяют вкусы, направленность, цели, ценностные критерия, идеалы человека [96, с. 20].

Д.Б. Эльконин так характеризует изменение социальной ситуации возраста ученичества: ведущей становится учебная деятельность, которая является «общественной по своему содержанию (в ней происходит усвоение всех богатств культуры и науки, накопленных человечеством), общественной по своему смыслу (она является общественно значимой и общественно оцениваемой), общественной по своему осуществлению (она осуществляется в соответствии с общественно выработанными нормами)» [94, с. 85]. Как говорил Гегель, ребёнок начинает жить согласно общему порядку, ценится не сам по себе, а по своему поведению и достижениям; школа образует собой переход из семьи в гражданское общество. Ученик — это первый общественно признанный, значимый статус ребёнка.

В возрасте от семи до **одиннадцати** лет происходит, по Ж. Пиаже, третий период умственного развития — **период конкретных мыслительных операций**. Вплоть до подросткового периода дети не могут логически рассуждать об абстрактных, отвлечённых проблемах. Но, благодаря социальному общению, совместным играм со сверстниками у ребёнка убывает прежний эгоцентризм. На смену монологу как стилю дошкольников приходит **взаимный обмен информацией** [84, с. 360]. Об этом говорит и Л.С. Выготский: «Только с годами, только постепенно ребёнок научается овладевать ходом своих мыслей, как раньше овладевал ходом своих действий..., и его регулирование мыслительных процессов есть такой же волевой акт, акт выбора, как и моральное действие. Только к 12 годам ребёнок преодолевает вполне эгоцентрическую логику и переходит к овладению своими мыслительными процессами» (18, с. 163).

В **период учебной деятельности**, как ведущей, важным бывает не только то, что учат дети, а, прежде всего, **инструментальная сторона деятельности, овладение способами действий**. В возрасте девяти лет дети уже способны к децентрации — учитывать одновременно несколько измерений состояния объекта или события, а также способны улавливать связь между отдельными моментами перехода предмета в новое состояние. Появляется и обратимость мышления — дети способны мысленно вернуться назад, к исходному состоянию того или иного объекта [84, с. 361-362]. Школьники среднего возраста любят коллекционировать и классифицировать различные объекты — людей, предметы, события и идеи [84, с. 363]. Учебная деятельность формирует умение учиться,

освоение форм учебного сотрудничества. Источники этих качеств — способность к рефлексии, анализу, планированию собственных действий. [87, с. 10-21].

Учебный процесс в широком смысле слова зависит от технических и психологических средств коммуникации и обработки информации, которые сдерживаются школой как социальным институтом. Только книга в полной мере нашла своё место в обучении и воспитании. Начиная с кино, школа имела возможность распахнуть стены классов, открыв широкий мир, но этого не произошло и медленно происходит сейчас, в эпоху интернет- и цифровых технологий.

Сложившаяся система обучения сдерживает не только овладение техническими и психологическими орудиями деятельности, но и характер социализации. Если основная особенность развития мотивов в младшем школьном возрасте — формирование умения действовать в соответствии с внешней поставленной целью, подчиняя ей другие, непосредственные желания (развитие волевого поведения в ситуации конфликта разнонаправленных мотивационных тенденций), то у подростков на первый план выдвигается проблема **самостоятельной постановки целей**. Однако формирование этого мотива сдерживается социализирующей средой, поэтому Л.С. Выготский считал, что многие трудности подросткового возраста объясняются не слабостью воли, а слабостью целей. Это по преимуществу самостоятельно поставленные и главным образом идеальные цели, вводящие подростка при помощи продуктивного воображения в мир общественных отношений. Они помогают подростку наметить определённую направленность развития своей личности [73, с. 103-104, 110-111].

Имеет место серьёзное противоречие во влиянии школы образца XX-XXI века как социализирующего института. Ж. Пиаже констатировал, что вся европейская система обучения и воспитания строится на более или менее жёстком разделении функции взрослого и ребёнка, в основе которого — передача целеполагания, контроля и оценки взрослому. Это препятствует возникновению такой интегративной личностной характеристики на границе школьного возраста, как переживание себя в качестве «социального индивида», ощущение своего социального «Я», потребность выйти за рамки детского образа жизни, занять новое место в системе отношений со взрослыми, осуществить серьёзную, общественно значимую и общественно оцениваемую деятельность» [87, с. 132].

На данное противоречие обратил внимание и Жан-Поль Сартр, французский философ, представитель атеистического экзистенциализма, писатель, драматург и педагог. В автобиографии «Слова» он писал: «Ребёнок лишён собственной опоры в реальном мире, искусственно отделен от действительности, прежде всего, такими институтами социализации, как воспитание, школьное обучение». [67].

Э. Эриксон подтверждает, что в школьные годы в сознании детей разрешается серьёзный конфликт. Они уже много умеют, хотят стать компетентными и полезными членами общества, но неудачи заставляют их переживать ощущение неполноценности и несостоятельности, поскольку их умения ограничены, особенно по сравнению со взрослыми. Детям важна поддержка и понимание со стороны взрослых и сверстников, успех. Тогда у детей возникает ощущение собственной значимости [84, с. 394]. Иначе формируются ощущения бесполезности любых усилий. Э. Эриксон характеризует данный критический период как кризис идентичности в сознании подростка — конфликт между тем, как он представляет своё будущее, и тем, какую социальную роль навязывают ему окружающие, общество в целом.

Кризис подросткового возраста настолько острый, что французский психолог и психоаналитик, педиатр, одна из ключевых фигур детского психоанализа Франсуаза

Дольто в работе с характерным названием «На стороне подростка» сравнивает его с переживанием смерти. И требуется большая воля к жизни, чтобы выдержать период умирания собственного детства [22, с. 7]. Это мутационная фаза. Она также важна для подростка, как рождение и первые две недели жизни для маленького ребёнка. Подросток идёт по пути преобразования, неведомому ему самому. Во время мутации к подростку возвращается хрупкость новорождённого, крайне чувствительного к тому, как на него смотрят и что о нем говорят. В этот период крайней ранимости они защищаются от всего мира либо депрессией, либо негативизмом, который ещё более усиливает их слабость [22, с. 11-14].

В этнических обществах данное противоречие снималось тем, что дети рано включались в общественное разделение труда. В некоторых районах Мексики, на Окинаве и в Индии дети с четырёх-пяти лет выполняют роль няни, в Кении и на Тайване — с пяти лет. На Самоа всю ответственность по выполнению домашней работы и уходу за младшими детьми матери возлагают на шести-семилетних нянек. Ответственность дисциплинирует детей и помогает их социализации, развитию отношений с окружающими. С шести-семи лет мексиканские девочки, кроме обязанности няньки, носят воду, убирают в доме, моют посуду, стирают белье, ухаживают за домашними животными. Мальчики поддерживают огонь в очаге, присматривают за домашними животными. В Китае заводы и фабрики тесно связаны со школами, где выполняются производственные задания. По желанию можно работать и в сельском хозяйстве [84, с. 429]. Подобные программы реализовывались и в России в 1920-е годы.

Г.А. Цукерман видит выход из противоречия идентичности в становлении детского сообщества — субъекта учебной деятельности в совместно-распределённом варианте: «...можно утверждать, что общество равных — это жизненное пространство для освоения детьми тех взрослых (прежде всего — рефлексивных) функций и способов действия, которые в непосредственном общении ребёнка со взрослым «перетекают» на полюс взрослого». [87, с. 105]. Л.И. Божович связывает этот этап развития с формированием общественной направленности школьника, «в среднем школьном возрасте коллектив учащихся становится той непосредственной средой, которая оказывает наибольшее влияние на формирование моральной сферы подростка, его взглядов, оценок, нравственных переживаний и важнейших качеств его личности» [11, с. 245].

Для **целенаправленной деятельности** складываются интеллектуальные условия и механизмы. В подростковом возрасте происходит окончательное перераспределение функций между полушариями, после чего утрачивается их пластичность, этот процесс заканчивается приблизительно с половым созреванием [65, с. 47]. Между одиннадцатым и пятнадцатым годами завершается формирование интеллектуальной основы человека как информационной системы — **переход к абстрактному и формальному мышлению** [84, с. 99-101]. На новой интеллектуальной основе формируются новые психологические орудия и механизмы, обеспечивающие самосознание, самооценку, целенаправленность, самореализацию, саморазвитие. У детей этого возраста складываются новые мыслительные схемы, позволяющие производить формально-логические операции, не опираясь на чувственное восприятие конкретных объектов. Они способны оперировать абстрактными понятиями, развиваются навыки научного мышления, благодаря которым подростки рассуждают о прошлом, настоящем и будущем, выдвигают гипотезы, строят прогнозы, могут решать сложные комплексные проблемы [84, с. 454, 458]. Подростки способны действовать не методом проб и ошибок, а логическим перебором вариантов. Они начинают задумываться над собственными мыслями и мыслями других людей, видеть себя глазами

других — входить в коммуникацию с «воображаемой аудиторией». Ещё одна психологическая форма — «сосредоточенность на себе», уверенность в собственной уникальности [84, с. 458, 459].

Д. Эльконин отмечает, что особенность отрочества — **деятельностное общение**, в ходе которого происходит опробование норм человеческих отношений. Для подросткового и юношеского возрастов характерны интерактивная (взаимное, сознательное и спланированное влияние людей друг на друга) и коммуникативная (достижение взаимопонимания) деятельность.

Это мнение отстаивал и Джордж Герберт Мид, американский философ и социолог, считавший, что деятельность, стимулирующая развитие, всегда носит социально-коммуникативный характер; новые виды компетентности открывают перед молодыми людьми новые сферы деятельности в обществе; сосуществование множества различных побуждений к деятельности и задач развития предполагает координацию новых и уже имевшихся видов действий, что возможно лишь при существовании определённой дистанции между индивидом и побуждением к деятельности, называемой «ролевой дистанцией» или «устойчивостью к неопределённости» [100].

Давид Иосифович Фельдштейн, автор концепции социально-нормативной периодизации формирования личности, заостряет эту особенность деятельности-общения: «Не общение как тяга к товарищу, а просоциальная деятельность, обеспечивающая развёртывание разнообразных форм общения, расширение общения в системе «я и многие (близкие и далёкие) люди», «я и общество» является ведущей деятельностью, обуславливающей главные изменения в психологических особенностях личности подростка. Основным противоречием подросткового периода является активное стремление ребёнка к признанию его роли и значения в обществе взрослых при отсутствии реальных возможностей утвердить свою социальную позицию...» [82, с. 86-87].

При анализе особенностей подросткового возраста большое внимание долгое время уделялось половому созреванию как ведущей перестройке, вызывающей все остальные изменения. Более глубокие психологические исследования последних десятилетий обнаруживают иную диалектику физиологического и психического в данный период развития, важную для характеристики становления человека как системы «человек — техника — психологические орудия».

Как считает Хельмут Ремшмидт, немецкий детский и подростковый психиатр, физиологические изменения закладывают основу для разнообразных психических и психосоциальных перестроек, но их не вызывают. Это соответствует всеобщему принципу развития, согласно которому сначала создаются предпосылки для функции и лишь затем возникает она сама. Происходит параллельное протекание соматических и психических процессов созревания. В соответствии с изменениями эндокринных желёз и половых органов появляются сексуальные интересы и потребности. Параллельно происходит перестройка когнитивных структур в сторону повышения способности к абстрактному мышлению, возникают особые формы общения, все большее значение приобретает молодёжная субкультура, рефератная группа и т.д. [65, с. 83].

Игорь Семенович Кон, социолог, антрополог, философ, сексолог, один из основателей современной российской социологической школы, обращает внимание, что в **период полового созревания**, изменение внешности влияет на рост самосознания, но не напрямую, как считают многие исследователи, а опосредовано: физиологические процессы активизируют у подростка интерес к самому себе. Они являются социальным символом, знаком взросления, на который обращают внимание другие, как взрослые, так и сверстники.

При всех индивидуальных и межкультурных различиях, тело обычно воспринимается как материальное воплощение «Я», как выразительное средство коммуникации, обращённое к другим [33, с. 271, 272].

Многие кризисы в период полового созревания и в юности связаны именно с содержанием и формой коммуникации, с неадекватным, неловким или оскорбительным отношением близких взрослых людей. Подобные кризисы отрицательно сказываются на сексуальном развитии, ощущении самоидентичности и авторитета [65, с. 94]. Из-за широкой изменчивости процессов роста и стремления молодых людей сравнивать себя со сверстниками у многих из них наблюдается значительное снижение самооценки и чувства собственной значимости — «комплекс Терсита». Около половины девушек и треть юношей в период взросления озабочены своими размерами тела, фигурой и весом [73, с. 95, 96]. Соматическое развитие зависит от социальных условий, которые могут стимулировать или замедлять генетически детерминированный процесс созревания. В большинстве случаев преждевременное созревание обнаруживает скорее отставание в формировании умственных способностей [65, с. 86].

Ф. Дольто обращает внимание ещё на одну форму опосредованного влияния полового созревания на психическую жизнь подростков, психологические орудия, которые появляются на этой основе. До того, как заговорит тело, мальчик или девочка психологически готовятся к этому периоду, будучи охвачены физической лихорадкой воображаемой любви к каким-нибудь образцам для подражания — идолам, которые пришли на смену вчерашним героям. «Герои и идолы выполняют роли партнёров по играм, где воображаемое подменяет реальность» [22, с. 18].

Это вторая воображаемая жизнь, считает Александр Валентинович Толстых, филолог, психолог, философ и социолог. «Первая начинается в три-четыре года и связана с людьми наиболее близкими — отцом, матерью, братьями и сёстрами, близким семейным окружением. Во второй воображаемой жизни объекты детского интереса, которые должны подготовить ребёнка к реальной жизни, лежат за пределами семьи. Конфликтные отношения, которые вторгаются из реальной в воображаемую жизнь ребёнка девяти-одиннадцати лет, проявляются только в одиннадцатилетнем возрасте как результат продолжительного воздействия несовпадения реального и воображаемого. Вся его энергия уходит на общение со школьными товарищами, с товарищами по секции или же на какое-нибудь занятие, а также на жизнь воображаемую, пищу для которой могут давать телевидение, чтение (сегодня — Интернет) или игры, которые он изобретает. Искусство может в этот период успешно использоваться как школа фантазии и мечты, идеального конструирования реальности. Оно позволяет видеть конкретное живое целое раньше своих частей. Другие каналы развития воображения — самостоятельное творчество во всех областях, общение [73, с. 110]. Подростку хочется войти в социальные группы из другого, внешнего мира. Он тянется к компаниям ребят старше себя, где стремится стать «своим». Выйдя из семьи и смешавшись с соответствующей социальной группой, которая в этот момент играет для него роль поддержки вне семьи, он входит в отрочество. Но все равно при этом родители продолжают быть точками отсчёта в коммуникации со средой». [22, с. 19].

Анкетирование 538 американских подростков от 9 до 16 лет показало: где-то до 10 лет обнаруживается существенное совпадение с ценностными представлениями родителей, которое в возрасте 11-14 лет уменьшается, но затем вновь заметно возрастает к 16 годам [65, с. 114-115]. Поэтому нельзя совершенно сбрасывать со счета в подростковом и юношеском возрастах модели семьи, если не оказывается никаких переходных моде-

лей, в качестве которых в первобытной цивилизации были “дома холостяков” или старшие родственники, инициационные ритуалы. Исследования российских подростков, о которых речь пойдёт ниже, также свидетельствуют о значимости родителей и учителей как непосредственного окружения, особенно когда необходима важная для жизни и принятия решений информация.

Осознание своего тела и озабоченность внешностью — только ничтожная часть **открытия «Я» и своих коммуникативных возможностей**. Значительно важнее осознание своей особенности, индивидуальности, непохожести на других.

Л.С. Выготский характеризует **открытие своего «Я»** в подростковом возрасте как оформление личности и мировоззрения, отношения к миру. Эдуард Шпрангер, немецкий философ-идеалист, психолог и педагог, назвал это «возрастом вхождения в культуру». Это период овладения внутренним миром, установления относительной независимости от внешней деятельности.

Некоторые зарубежные исследователи считают, что детское, преимущественно гетерономное (исходящее из последствий для других) представление о морали и несправедливости в возрасте около восьми лет начинает меняться в направлении, свойственной периоду взросления, интернализации (автономии) моральных принципов, то есть ориентации, при их оценке на намерения человека [84, с 115]. Идея отечества как ценностное понятие появляется лишь после двенадцатого года жизни. Это относится и к таким понятиям, как социальная справедливость, любовь, искренность, свобода и т.д. Благодаря сочетанию этих эмоционально окрашенных понятий с идеалами, а также с мысленными построениями и их проекциями в будущее, высвобождаются эмоциональные силы, которые могут стать двигателем индивидуальных и общественных преобразований.

Каждое новое отношение или социальная роль, усваиваемые в подростковый и юношеский период — это новый аспект «Я», который нужно интегрировать с прежним опытом и установками, то есть путём **самокоммуникации**.

На это обращает внимание И. С. Кон: «Развитие самостоятельности есть не что иное, как переход от системы внешнего управления к **самоуправлению**. Всякое управление требует сведений, информации об объекте управления. При самоуправлении это должна быть информация субъекта о самом себе» [33, с. 282-283]. Условно можно считать, что в подростковом возрасте (12-14 лет) формируются в первую очередь те компоненты «Я», которые связаны с осознанием своего сходства и отличия от других людей, а в юности (15-18 лет) на первый план выдвигается социальное самоопределение, выбор жизненного пути, мировоззрения и определения своего места в мире. Это находит выражение в характере самоописаний и дневников. У семилетних детей только четверть самоописаний имеет социальную природу, остальные же касаются более или менее случайных индивидуальных или ситуативных черт. С возрастом происходит рост числа групповых «Мы», с которыми ребёнок соотносит собственное «Я», они становятся все более обобщёнными и дифференцированными, а принадлежность к ним — более осмысленной. Те же тенденции прослеживаются в развитии личных идеалов. **«Идеальное Я»** ребёнка всегда персонифицировано, связано с образом какого-то конкретного человека. В ходе взросления расширяется круг выбора идеалов, идеал, даже оставаясь персонифицированным, становится все более обобщённым, а его отношение к собственным «Я» — более сложным и самостоятельным [33, с. 327-328, 330]. В основе формирования идеалов, таким образом, тоже прослеживается коммуникация, но незавершённая, идеальная.

Феномен популярности интернет-дневников, блогов, свидетельствует о том, что узнавание себя в книгах, фильмах и самовыражение в дневнике не заменяет человеческого общения, особенно реальной психологической интимности, которую даёт юношеская дружба, отмечает И.С. Кон. Симпатия оказывается в буквальном смысле слова средством познания, повышая когнитивную сложность соответствующих образов. Старшеклассники значительно откровеннее со своими друзьями, чем с родителями и приписывают им более высокую степень понимания [33, с. 316-317], то есть высвечивается проблема **взаимосвязи становления «Я» и с внутриличностной, и с межличностной коммуникацией**. Общество сверстников становится универсальным и жизненно важным каналом информации, занимая лидирующее положение. Это подтверждают наши исследования российских подростков в информационном пространстве [88, 90]. На Западе давно уже используется институт так называемых «сверстников-консультантов». Он существует и в школах, и в университетах, весьма эффективен как в профилактике наркомании и психических расстройств, так и в сексуальном просвещении.

Социальная ситуация развития старшего школьника, по мнению Л.И. Божович, связана с тем, что он стоит на пороге вступления в самостоятельную жизнь. «Принципиальное отличие внутренней позиции старшего школьника от внутренней позиции подростка заключается прежде всего в том, что школьники старших классов — это люди, обращённые в будущее, и все настоящее выступает для них в свете этой основной направленности личности» (11, с. 281).

Для старших школьников начала 1960-х годов «аффективным центром» жизненной ситуации становилось **самоопределение, выбор профессии**. Исследование Н. Толстых в 1980-е годы с помощью проективных методик показало: наибольшее число определённых высказываний о будущей профессии приходится на шестой-седьмой классы; ученики более старших классов значительно реже в своих ответах говорят о будущей профессии, так как выбор был сделан раньше, проблема перестала быть актуальной. Таким образом, в восьмидесятые годы выбор будущей профессии осуществлялся раньше, чем в шестидесятые [73, с. 113-115]. Социальная ситуация начала 1990-х годов, возобладание рыночных отношений, резко изменила профессиональные планы на будущее. Согласно нашим исследованиям, подростки 1990-х годов в будущем видели себя:

- владельцами, хозяевами предприятий — 74,5%;
- наемными работниками — 17,9%;
- безработными — 3,6%.

Таким образом, наблюдалась потеря реалистичности в жизненных планах учащихся.

В 2012 году лишь 16,9% изъявили желание в своей работе руководить людьми и группами. 69,5% после окончания намеревались продолжить обучение, 12,3 % готовы работать, 2,8% — какое-то время нигде не работать и не учиться.

Ж. Пиаже [60] утверждает, что подросток становится взрослым, когда начинает работать по-настоящему. Тогда из реформатора-идеалиста он превращается в человека дела.

Это даёт повод Д.И. Фельдштейну выделить в качестве ведущей деятельности старшеклассников — учебно-профессиональную. Он считает, что в подростковом возрасте формируется самосознание как осознание себя в обществе, усиливается социальная активность. Развиваясь в социально признаваемой и социально одобряемой деятельности, весь смысл которой заключается в реализации себя для другого, эта потребность перерастает в потребность старшего школьника в самореализации, вступая в противоречие с той ситуацией, которая организуется в деятельности взаимоотношений, ибо самореализация объективно может произойти только в предметно-практической деятельности, что и актуализирует учебную

деятельность старшеклассников, ориентированную на будущую профессию [82, с. 79].

Выстраивая закономерности прохождения личностью возрастных этапов, нужно осознавать относительную условность их применения к конкретной личности. Возраст не есть простая функция времени. Хронологический возраст измеряется количеством прожитых лет, что не совпадает с психологическим аспектом. Предмет возрастной психологии — **психическое развитие личности на разных возрастных этапах как целостный процесс** [73, с. 10-11].

Это даёт основания современным западным психологам сомневаться в продуктивности рассмотрения комплексных психологических характеристик по возрастам. Взамен выдвигаются **линии психологического развития**, которые имеют условное отношение к возрасту, так как могут проходить по-разному у конкретных индивидов [65, с. 147].

Американский психолог Лоуренс Колберг предложил следящую линию. У подростков формируется возможность постконвенционального уровня нравственного развития. Он развёртывается в двух стадиях: на одной человек ориентируется на общепринятые нормы, принципы и ценности, на другой преобладают сознательно принимаемые решения. Л. Колберг изучил 72 школьника от 10 до 16 лет. Дополнительно изучались старшие дошкольники и 16-летние правонарушители. На первом уровне, доморальном, дети ориентируются не на моральные принципы, а на возможность поощрения или наказания. Этот уровень обнаружился у более 70% в 7 лет, около 30% в 10 лет и около 10% в 13 и 16 лет. На втором уровне ребёнок принимает на себя роль «хорошего мальчика», одобряемого другими, или принимает мораль, которая позволяет ему поддерживать свой авторитет среди окружающих. Этот уровень значительно возрастает с 10 до 13 лет. Третий уровень — «мораль самостоятельно принятых моральных принципов» (автономная мораль). Он совсем отсутствует у детей 7 лет, почти отсутствует в 10 лет (1-2%), а затем начинает развиваться с 13 лет и возрастает к 16 годам. Однако даже к концу подросткового возраста он достигает лишь 10%. Абстрактное мышление оказывается лишь предпосылкой, а не гарантией нравственного развития [84, с. 461].

И.С. Кон внёс важный вклад в изучение стержневых линий развития ребёнка через процесс **формирования «образа Я»**, который сложен и противоречив. В среднем до двух лет, а то и старше, отлично узнавая других людей, ребёнок ещё не узнает себя ни в зеркале, ни в кино, ни на фотографиях. «Спонтанные самоощущения сами по себе не могут сложиться в сколько-нибудь цельный и последовательный образ «Я». Главным источником о себе, как и о других, являются для ребёнка взрослые, которые в буквальном смысле слова определяют, кто он такой» [33, с. 261]. В период между двумя и тремя годами ребёнок впервые научается узнавать себя в зеркале и на фотографии и овладевает местоимением «я» (до этого он обычно говорит о себе в третьем лице, повторяя грамматические формы, в которых к нему обращаются и говорят о нем окружающие), он совпадает с периодом первого детского негативизма, выражающегося в формуле «Я сам!» [33, с. 262-263]. Между 7 и 12 годами происходит быстрое обогащение психологического словаря, оценки дифференцируются. Но ребёнок ещё не может объяснить противоречивые особенности людей. Сдвиг в сторону интеграции происходит примерно в 13 лет, когда подросток начинает рассматривать поведение человека в разных контекстах. Эта множественность контекстов разрушает прежний черно-белый образ и делает возможным многозначные оценки. Те же тенденции характерны для самоописаний, которые у подростков становятся более личностными и психологическими. После 15 лет тенденция к психологизации описаний и самоописаний особенно усиливается; главное внимание сосредоточивается на выявлении скрытых детерминант поведения [33, с. 267,268]. Из этих данных следует, что цельность, внутренняя последовательность

«образа Я» растёт вместе с его когнитивной сложностью. И.С. Кон обращает внимание на **информационно-коммуникативную составляющую формирования «образа Я»**, коммуникацию и самокоммуникацию, что может быть рассмотрено как важная линия возрастного развития.

Рассматривая стержневые линии развития ребёнка, которые имеют отношение к его становлению как информационной системы, важное значение имеет выделение базовой, определяющей тенденции.

Если Ж. Пиаже считал, что интеллектуальная зрелость является стартом для социальной зрелости, то Д.И. Фельдштейн доказывает: «факты показывают, что как раз достижение определённого уровня социальной зрелости на конкретной стадии каждого периода онтогенеза опережает интеллектуальное развитие ребёнка, предшествует ему, отражаясь в стремлении занять новую социальную позицию» [82, с. 122-123]. По его мнению, выделение в онтогенетическом развитии линии социального развития позволяет проследить реальный уровень присвоения ребёнком общественной человеческой сущности. В процессе онтогенеза «растущий человек овладевает общественным опытом, присваивает его, делает своим индивидуальным достоянием, т.е. происходит социализация. В то же время человек приобретает все большую самостоятельность, относительную автономность, самообнаруживается в своей социальности, т.е. происходит его индивидуализация. Индивидуализация предполагает максимально глубокое раскрытие индивидуальных возможностей человека, что не может быть осуществлено без социализации личности, «индивидуализация и социализация являются необходимыми, неразрывно взаимосвязанными компонентами единого процесса личностного развития, определённый уровень которого порождает самодетерминацию, самоуправление личности, сознательно организующей свою собственную жизнь, а значит и определяющей в той или иной мере своё собственное развитие» [82, с. 15].

Различные стороны личности развиваются неравномерно — действует **закон гетерохронности**. Л.С. Выготский считал проблемой отрочества несопадение во времени трёх фаз (или сторон) развития личности: интеллектуального, полового и социального созревания. Дети-вундеркинды становятся успешными взрослыми, если у них развивается не одна, пусть даже и опережающими темпами, сфера личности, но вся совокупность личностных качеств. Выравнивание происходит в молодости, когда можно реализовать себя во всех сферах [73, с. 139, 141].

Длительность детства позволяет строить более сложные структуры и функции психической деятельности по отражению и преобразованию окружающей среды, вооружаться сложными, в том числе новыми в исторической практике, психологическими орудиями. Раннее взросление прерывает данные процессы, как это происходило в примитивных обществах (и, к сожалению, происходит до сих пор), затрудняя поступательный процесс психического развития.

Главное, в чём сходятся все психологи, что **готовность человека к коммуникации, включающей механизмы интеллектуальной и социальной деятельности, к целеполаганию складывается в течение длительного периода детства и отрочества, в среднем к 15-16 годам**.

Это сложный процесс формирования психологических орудий деятельности, похожий на путь развития человечества, но в ускоренном режиме. Дальнейшее развитие представляет собой достройку личностной информационной системы без революционных изменений. Самоопределение есть одновременно и самоограничение. При этом становление информационно-коммуникативных способностей человека хоть и имеет

общие закономерности, протекает сугубо индивидуально. Исследователь подросткового и юношеского периодов, психиатр Хельмут Ремшмидт даже считает, что формирование индивидуальности человека невозможно объяснить ни наследственными задатками, ни влиянием среды, его саморегуляция нередко идёт «в обход» унаследованных свойств и требований окружения, в соответствии с внутренней мотивацией и посредством свободного выбора, осуществляемого личностью [65, с. 257].

Для таких выводов есть серьёзные основания. К примеру, известно немало случаев, когда дети с повреждением основных органов чувств — зрения, слуха, голосового аппарата, и даже слепоглухонемые, добиваются своими усилиями при поддержке специалистов или родителей участия в коммуникативной деятельности, достигают успехов в интеллектуальной и творческой деятельности. Однако своеобразие психологических процессов зависит от различных условий и факторов. Как подмечает Л. Выготский, в мировосприятии ребёнка главенствующую роль играет какой-либо один орган или группа органов, будь то органы чувств или мускулатура. «Каждый ребёнок составляет себе картину мира... на основе впечатлений, полученных его наиболее чувствительным органом из окружающей действительности... Мы сможем истолковать его действия и реакции только в том случае, если сначала поймём, какое влияние оказали в детстве органические дефекты на его отношение к миру — его картину вселенной, а, следовательно, и на его дальнейшее развитие» [17, с. 44].

В целом необходим учёт всего сложного комплекса психологических механизмов, орудий, которые начинают участвовать в **коммуникативном мировосприятии**.

Содержание, скорость, уровень и своеобразие индивидуального становления конечно же определяются социальной ситуацией развития, зависят от богатства коммуникативных отношений, в которые включён ребёнок. Но это не пассивное влияние, оно зависит от активной включённости в них ребёнка, возможности ответственных решений, выбора, которые он может самостоятельно принимать.

По мнению Д.И. Фельдштейна «...только специальное построение этой деятельности, которая должна иметь определённый состав, структуру, содержание, обеспечивает формирование соответствующей мотивационно-потребности сферы личности подростка и ведёт к тому, что потребность в этой деятельности становится способом жизнедеятельности... Речь идёт о формировании личной ответственности подростка как формы проявления общественной сущности, осознания единственно возможного пути приобщения себя к обществу как его реального члена» [82, с. 88].

ВАЖНО. Освоение информационно-психологического пространства, активное взаимодействие в данной сфере, позволяет включить детей и подростков в ответственную коммуникативную деятельность, отвечающую перечисленным выше требованиям, и тем самым в социальное творчество. Именно об этом пойдёт наша речь в следующих частях очерка.

Часть вторая.

Коммуникативный субъект информационного пространства как разновозрастная психологическая система.

Детство при любом серьёзном анализе не может быть рассмотрено без своей противоположности — взрослости. Это внешнее взаимодействие и единство противоположностей имеет психологический аналог во внутренней структуре личности.

Субъект как личность, единичный субъект находится в коммуникационных отношениях (*коммуникативный субъект*) не только с окружающими людьми и миром вещей, природы, информации (*субъект информационного пространства*), но и с самим собой, что выражается в его сложной внутренней структуре.

У Георга Гегеля, немецкого философа, самосознание — часть проблемы деятельности, в которой индивидуальное сливается с общим, так что появляется «Я», которое есть «Мы», и «Мы», которое есть «Я». Людвиг Фейербах, полемизируя с Гегелем, вводит понятие «Я» и «Ты» как диалектическую двойственность личности. «Исходной позицией прежней философии являлось следующее положение: «Я» — абстрактное, только мыслящее существо, тело не имеет отношения к моей сущности; что касается новой философии, то оно исходит из положения: «Я» — подлинное, чувственное существо: тело входит в мою сущность; тело в полноте своего состава и есть моё «Я», составляет мою сущность» [80, с. 186], чувственно данное «Ты». К. Маркс так выразил эту связь «Я» с другими: «...человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь относясь к человеку Павлу, как к себе подобному, человек Пётр начинает относиться и к себе как к человеку» [50, с. 62]. В реальном процессе общения другой человек выступает не просто как отдельный индивид, а как форма «проявления рода «человек» [51, с. 116].

На индивидуальном уровне «Я» представляет собой ансамбль существ разного возраста, личность находится в генетической связи с предками в их былом взаимодействии с окружающим, в диалоге с опытом прошлого (архетипы, культура и др.), в активной связи с настоящим (субкультуры, картина мира, мировоззрение), в связи с будущим (смыслы жизни, цели). Эта связь предполагает как внутриличностную коммуникацию (М.С. Каган), или самокоммуникацию (И.С. Кон), так и различные уровни и способы межличностной коммуникации.

Михаил Михайлович Бахтин, философ и культуролог, считал, что внутреннее содержание личности может быть раскрыто только в диалоге с другим субъектом. В этот диалог включены все культурные достояния, вернее, их создатели со своими посланиями человечеству. Как писал классик психоанализа Альфред Адлер, человек «ведёт бесконечный диалог со всеми остальными существами, постигая их сущности и синтезируя их таким образом, что его со всем основанием можно назвать «микрокосмом». Изучать человека — значит в определённом смысле изучать все сущее» [4, с. 16]. В ходе коммуникации человек-человек появляется «генерализованный другой» (Д.Г. Мид), которым может быть не только семья или группа, но и общество в целом.

В какой бы точке линии развития индивида мы не сосредоточили анализ, данный возраст есть комплекс новообразований предшествующих периодов и основа для всех будущих возрастов. Это внутреннее единство требует своего структурного выражения.

В упрощённом виде данную структуру личности Эрик Берн Леннард, американский психолог и психиатр, разработчик трансакционного и сценарного анализа, описывает как внутреннее психологическое сосуществование ребёнка и взрослого [8]. В психике ребёнка обнаруживается родитель, а в психике взрослого продолжает существовать ребёнок разного возраста, подобно годовым кольцам у дерева. К.Г. Юнг так анализирует своё детство: «Оглядываясь назад, я вижу сколь сильно мой детский опыт повлиял на будущие события...» [97, с. 97]. 38-летний Юнг «стал вспоминать всю свою жизнь, все подробности, особенно детские годы... Первое, что я вспомнил, это свои собственные ощущения, когда мне было лет десять или одиннадцать. Я тогда увлечённо играл в кубики. Я отчётливо помню, как строил замки и домики с воротами и сводчатыми арками из бутылок... Маленький мальчик созидает нечто, он живёт творческой жизнью, и мне не достаёт сейчас именно этого... Мне казалось невозможным преодолеть расстояние между взрослым человеком и мальчиком одиннадцати лет. И все же, если я хотел восстановить эту связь, мне не оставалось ничего другого, как снова стать ребёнком и блаженно играть в свои детские годы... Всякий раз, когда передо мной возникало какое-нибудь затруднение, когда я оказывался в неразрешимой ситуации, я начинал рисовать или работать с камнями...» [97, с. 175-177].

По мнению Ю. Лотмана, «мир детского сознания — по преимуществу мифологического — не исчезает и не должен исчезать в ментальной структуре взрослого человека, а продолжает функционировать как генератор ассоциаций и один из актуальных моделирующих механизмов, игнорируя которые невозможно понять поведение взрослого человека» [42].

Вот одно из таких событий двенадцатилетнего Юнга: «Вдруг я почувствовал невероятную сумятицу от того, что во мне находились как бы два человека. Один из них школьник, который не успевает по математике и далеко не уверен в себе. Другой — чувствует себя важным человеком... Этот «другой» был пожилым человеком...» [97, с. 44], «во мне два «Я», два разных человека, живущих в разное время» [97, с. 45]. Эти разговоры с Другим «Я» были глубоким переживанием, возникало «внутреннее зрение», когда подросток-Юнг видел в людях и событиях такое, чего не мог знать [97, с. 59]. Психолог-Юнг ввёл для информационного поля понятие **архетипов**, «которые, предваряя сознание, определяют его, реально проявляются там, где они существенны, т.е. как априорные структурные формы, на инстинктивном уровне» [97, с. 341]. «Так же как детские воспоминания могут внезапно завладеть сознанием, возбуждая столь живое чувство, что мы вдруг ощущаем себя перенесёнными в тот мир, так и этот, иной и чуждый нам образ жизни будит архетипическую память о прошлом, которое мы, казалось, забыли совершенно. Это воспоминание о потенциальных возможностях, которые были вычеркнуты цивилизацией...» [97, с. 243]. «Коллективное бессознательное присуще всем, оно лежит в основе того, что древние называли «связь всего со всем» [97, с. 144]. «То, что я воспринимаю как наследие предков или как личную карму, приобретённую в прошлой жизни, вполне может быть неким безличным архетипом, который сегодня носится в воздухе...» [97, с. 314]. «Пространство человеческого сознания безгранично» [97, с. 138], внутренний мир — микрокосм бесконечного мира. «И филогенетически, и онтогенетический сознание вторично... Так же, как тело имеет свою анатомическую, миллионами лет складывающуюся, предысторию, так и психическая система, как всякая часть человеческого организма, представляет собою результат такой эволюции и повсюду обнаруживает следы более ранних стадий своего развития» [97, с. 343].

В теории Зигмунда Фрейда психика личности включает в себя три генетически и функционально различных компонента: «Оно» (резервуар подсознательных психических влечений и импульсов, источник психической энергии), «Я» (Эго — сознательное начало, которое формируется в процессе онтогенеза) и «Сверх-Я» (Супер-Эго как усвоенные индивидом в детстве моральные запреты и нормы, моральная цензура). В Эго Фрейд выделяет как особую часть «Эго-идеал» (положительные идентификации ребёнка с заботливыми родителями и другими людьми, кому он хочет подражать). Это тоже свёрнутая, интериоризованная социальная коммуникация, включённая в структуру личности.

Д.Г. Мид обращает внимание на ещё один аспект формирования «роли взрослого» в ходе спонтанной игры, когда ребёнок непрерывно действует как родитель, учитель, пират, индеец и т.д. При младенческой зависимости от реакций других на его социальные стимулы он особенно восприимчив к этой связи. Имея в собственной природе зачатки родительской реакции, ребёнок вызывает ее своими призывами [53, с. 68]. С возрастом диалог с другими внутри формирующегося «Я» усложняется. «Ребёнок должен не просто принять роль другого, как он это делает в случае спонтанной игры, но должен принять разные роли всех участников организованной игры и соответствующим образом управлять своим действием... Их организованные реакции на него встраиваются им в собственное разыгрывание разных позиций; эта организованная реакция становится тем, что я назвал «генерализованным другим». И сопровождает, и контролирует его поведение. Именно этот генерализованный другой, присутствующий в его опыте, даёт ему «Я» [53, с. 68]. Внутриличностная коммуникация как интериоризация межличностной коммуникации составляет структурно-функциональную основу многих психологических орудий и механизмов, в том числе мышления. «Наше мышление есть внутренний разговор, в котором мы можем принимать в отношении себя роли конкретных знакомых, но обычно мы беседуем с тем, что я назвал «генерализованным другим», выходя тем самым на уровень абстрактного мышления и той безличности, так называемой объективности...» [53, с. 71].

Владимир Соломонович Библер, советский и российский философ, культуролог и историк культуры, раскрывая диалогическую природу личности, выдвигает «психологическое предположение о диалогическом сопряжении в сознании и мышлении взрослого индивида различных самостоятельных голосов: детского, подросткового, юношеского и взрослого (учитель) типов (форм) сознания и мышления. В таком сопряжении важнейшим психологическим феноменом оказывается не снятие предшествующих ступеней психического развития..., но именно одновременность и разведенность этих самостоятельных голосов (ипостасей человеческого Я), некий внутренний микросоциум как условие нормального, продуктивного, нравственного внешнего общения. В диалоге и контрапункте этих голосов осуществляется реальное творческое мышление и вообще целостная духовная деятельность взрослого индивида» [9, с. 85].

Таким образом, информационная составляющая, внутрисистемная коммуникация с собой как ансамблем существ, которая связана с коммуникативным взаимодействием с другими, является психологическим механизмом существования и развития личности. Это непрерывный поток, циркулирование информации. Уже на индивидуальном уровне «Я» представляет собой ансамбль существ разного возраста, личность находится также в генетической связи с предками в их былом взаимодействии с окружающим, в диалоге с опытом прошлого (архетипы, культура и др.), в активной связи с настоящим (субкультуры, картина мира, мировоззрение), в связи с будущим (смыслы жизни, цели). «Я» как ансамбль существ проявляет себя в многообразной коммуникации как социальные роли, которые несколько

ограничивают внутреннее богатство личности, вернее спектр внутрличностных отношений становится более определённым.

На уровне социальной группы личность предстаёт как личностное многообразие (спектр ролей, корректировка целей в социуме и др.). Как отмечает И. Кон, хотя «образ Я» включает в себя определённый набор компонентов (представление о своём теле, психических свойствах, моральных качествах и т.д.), их конкретное содержание и значимость варьируются в зависимости от социальных и психологических условий и состояний. Кроме того, человек не просто открывает себя в социуме, но и формирует [33, с. 33].

Соответственно более комплексной становится личность как информационная система, богатство ее коммуникативных взаимодействий.

Ребёнок с первых мгновений своего существования — член общества, участник развития «очеловеченного» пространства и времени, он получает идеальную представленность в жизни других людей, меняет их судьбы и отношение к миру [4, с. 135].

Коммуникация со взрослыми и сверстниками является основным социальным процессом. Это меняет представление о социализации как воздействию общества на пассивного индивида. Коммуникация в группе — цикл интеракций, имеющих отражение в структуре личности ребёнка. Д.Г. Мид пишет: «мы играем роли всей нашей группы, и лишь поскольку мы это делаем, они становятся частью нашего социального окружения... Пока этот процесс не разовьётся в абстрактный процесс мышления, самосознание остаётся драматическим... В дальнейшем внутренняя сцена превращается в форум и цех мысли» [53, с. 41].

Как отмечает А.Г. Асмолов, ребёнок с самого начала его индивидуальной жизни вплетается в присущий только человеку мир общественно-исторического опыта, в сложную систему социальных связей, и он сам изменяет эти связи [4, с. 135]. В центре развития оказывается не индивид сам по себе, вбирающей воздействие окружающей среды, а первые изначально совместные акты коммуникации и поведения, преобразующие микросоциальную ситуацию развития личности. Сам ребёнок есть часть своей социальной среды. Л.С. Выготский считал, что необходим переход от абсолютных показателей среды к относительным, надо изучать среду ребёнка, что она означает для ребёнка, каково отношение ребёнка к отдельным сторонам этой среды [17, с. 204-206]. Применительно к коммуникации, это означает изучение среды ребёнка как информационно-психологического пространства.

Тем более это относится к жизнедеятельности разновозрастных социальных групп, в которые включён ребёнок, и общества в целом — они пронизаны информационно-коммуникативными отношениями.

ВАЖНО. На уровне общества развитие идеи об информационно-коммуникативном обществе высвечивает предназначение юного поколения в социальном прогрессе, его миссию. Раскрыть данный аспект позволяет **межпоколенческий подход**. Дети, молодёжь при этом рассматриваются в качестве генетически и исторически необходимого социального звена в преемственности поколений как формы существования в обществе.

Часть третья.

Развитие подрастающего поколения в информационно-коммуникативных взаимодействиях.

Межпоколенческий диалог как равноправный диалог поколений.

Начало анализа поколений можно отнести к XIX веку. В современном анализе общественных явлений понятие «поколение» упоминается в основном как:

- 1) звено генеалогической цепи;
- 2) жизненный этап и/или подразделение возрастной организации общества;
- 3) исторический период и/или современники;
- 4) социально-возрастная когорта, то есть те, кто в результате близости дат рождения следует параллельно схожими этапами биологического развития и социально очерченного жизненного пути.

Для комплексного описания «паттерна поколений», его эмпирического изучения широко распространёнными стали следующие критерии, предложенные Ховардом Беккером:

- 1) наиболее важные события, падающие на формативный период,
- 2) состояние средств массовой информации в формативный период,
- 3) система социализации в формативный период,
- 4) социальные возможности в формативный период,
- 5) биографические характеристики поколения:
  - жизненный путь
  - ценностные ориентации
  - поведенческие образцы
- 6) системные характеристики:
  - размер и состав поколения
  - поколенческая культура
  - поколенческие союзы [99, p. 230].

Ключевым понятием, характеризующим современные межпоколенческие отношения, является **межпоколенческий диалог**, который П.С. Макеев определяет как процесс равноправного взаимодействия между представителями двух и более поколенческих групп, направленный на передачу, критическое осмысление и воспроизводство социального опыта, на его развитие, модернизацию. При этом подрастающее поколение является ускорителем вхождения в жизнь новых информационных технологий, а потому и в целом новых технологических и культурологических процессов, так как меньше испытывает влияние инертности прежних форм [46].

Глубинный анализ взаимодействия поколений предполагает рассмотрение его социогенетической и онтогенетической основ.

Богатый этнографический и исторический материал позволяет прояснить многие вопросы, связанные с эволюцией взаимодействия «ребёнок-взрослый» (межпоколенческие отношения), «ребёнок-ребёнок» (внутрипоколенческие отношения).

Связи, предполагающие межпоколенческое взаимодействие, всегда являлись фундаментальными, цементирующими. По этнографическим материалам можно выделить определённые **модели** отношения взрослой части общества к детям, и, соответственно, информационно-коммуникативного взаимодействия поколений.

Модель первая — социального отчуждения. Как изучила М. Мид, взрослые племени кафров в Южной Африке относились к детям как к досадной помехе. Дети сплывались в самозащите, организуя настоящую детскую республику со своими лазутчиками и стражей, тайным языком, республику, напоминающую уличные банды подростков в городах [54, с. 211]. Информационное взаимодействие взрослых и детей при такой системе приобретает характер межпоколенческого отчуждения. Социализация юных членов племени происходит через свою ярко выраженную субкультуру, взаимообогащение в интенсивной коммуникации сверстников.

Модель вторая — социальной взаимозависимости: отношение к детям как к ценности, обусловлено социальным функционированием и будущей социальной ролью в реальной жизни. Ценность детей определяется: взаимной помощью и обеспечением в старости, преемственностью в семье. При такой модели имеет место полноценная коммуникация с юным поколением в направлении от старших к младшим, передача опыта.

Модель третья — социального предназначения: ребёнок как связующая нить поколений в потоке жизни и хранитель благополучия семьи. Основа этой связи кроется в прошлом. Широко распространённое представление о влиянии умерших и погибших предков на жизнь живых отразилось на отношении к детям. Часто детей считали «мостами», соединяющими или укрепляющими отношения между миром духов предков и племенем. В данной модели мы имеем в зародыше информационное взаимодействие как диалог поколений, который включает в себя не только существующих взрослых и детей, но и прошлые и будущие поколения.

Модель четвертая — социального обогащения: ребёнок как цель жизни взрослых. У горных арапешей дело воспитания является стержнем, объединяющим мужчин и женщин занятием. «Их основные ценностные ориентации направлены не на себя, а на нужды подрастающего поколения» [54, с. 241]. В данной модели уже имеет место целенаправленная взаимокоммуникация, социализация и воспитание.

Первичные модели межпоколенческих взаимоотношений, как инварианты в ходе исторического развития, развёртываются, видоизменяются, все более усложняются и варьируются, дополняются внутривоколенческими связями детей между собой.

В частности, модель самоорганизации детей кафров в защите от взрослых имеет место и в Древней Спарте, и в детско-молодёжных уличных бандах, других группировках различных эпох (например, школяры в Средние Века), и в современных детских исправительных колониях, детских домах. В любых изолированных детских сообществах, независимо от исходной культуры и воспитания, даже в привилегированных английских школах для мальчиков, в отсутствии взрослых как бы слетает налёт цивилизации и взаимоотношения переходят на более низкий уровень, к «первобытной сущности».

В структуре современного общества, как социальной системы, сосуществуют все модели отношения к ребёнку, характерные для прошлого, причём не только на периферии цивилизации, но и в развитых сообществах, особенно в масштабах семьи, других социумов, объединяющих детей и взрослых. Поэтому информационное пространство, как система коммуникаций, представляет собой непрерывный ряд исторических ступеней, которые сохраняются на современном этапе в виде структурных пластов.

Обращение к этнографии открывает истоки взаимосвязи двух цивилизаций: взрослого и детского миров. М. Мид пришла к выводу, что процесс социализации личности в диалоге с культурой, в которой растёт человек, является механизмом формирования первичных поколенческих особенностей как основы общепокolenческой культуры. Этнограф выдвигает отношение к детству в качестве критерия социального прогресса и выделяет три типа культур (три типа социализации):

— **постфигуративную**, где дети, прежде всего, учатся у своих предшественников (примитивные общества, маленькие религиозные или идеологические анклавы, касты, вообще информационно закрытые социумы); здесь преобладают механизмы стабилизации, вариативной скудности;

— **кофигуративную**, где дети и взрослые учатся у своих ровесников, преобладающей моделью поведения оказывается поведение современников; здесь ведущими становятся динамические механизмы, приобретает ценность индивидуальное своеобразие;

— **префигуративную**, где взрослые также учатся у своих детей [54, с. 322, 342], имеет место межпоколенческий диалог, который соответствует сущности системы «ребёнок-взрослый».

Этот критерий может быть положен в основу анализа взаимодействия поколений как этапов становления диалоговой цивилизации, основанной на равноправной межпоколенческой коммуникации.

Межпоколенческое взаимодействие проходит стадии, которые раскрываются видами общения: от неравенства, представительской формы (вертикаль поколений) — к равноправному диалогу как высшей форме (Библер, Каган, Левада). Значение общения в ходе развития человечества возрастает, из вспомогательной и утилитарной стороны деятельности оно становится самостоятельной и высшей ценностью. Взаимосвязь коммуникации и общения позволяет раскрыть уникальность межпоколенческого диалога, поскольку информация рождается в процессе коммуникации и общения и не существует вне их даже в вертикальной, исторической оси. Напомним замечание Н. Лумана, что книги, газеты, журналы, библиотеки, компьютерные ресурсы — это не хранилища информации, которую нужно извлечь, а возможность информации [44, с. 45]. Носители — это функциональные эквиваленты сообщения, которое актуализируется в информации в ходе общения. В.С. Библер выражает это следующим образом: «Культура есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей различных — настоящих, прошлых и будущих — культур, каждая из которых есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей» [9, с. 24].

Этнограф К. Леви-Строс делает следующий вывод из своих этнографических исследований: «Сегодня более нет такого народа, каким бы далёким и отсталым он ни казался, который прямо или косвенно не был бы в контакте с другими народами... Ведь даже общества с самой различной идеологией, обычаи и нравы которых в течение тысячелетий развивались различными путями, неизменно оказывают взаимное влияние, вступая в контакт друг с другом», [35, с. 30-31]. Цивилизация при этом приобретает универсальный характер.

Равноправный диалог культур является ключом к решению многих современных проблем, требуя определённой системы воспитания, социализации, политики по отношению к мигрантам и др. Огромное значение при этом играют средства информации и коммуникации, т.е. взаимопроникновение общения и коммуникации.

Поколенческий и межпоколенческий диалог становится ведущим способом общественных отношений в информационном обществе XXI века, пробиваясь, говоря

терминами Жана Бодрияра, сквозь «симулятивные модели» коммуникации к диалогическим, «чтобы словом можно было обмениваться, давать его друг другу и возвращать — так же как взгляд или улыбку...» [10, с. 211]. Межличностное общение среди сверстников и равноправный межпоколенческий диалог — это клеточка, которая призвана вырасти в новый тип способов и средств коммуникации.

Диалог культур, как диалог поколений, меняет жизненные ориентиры и смысл жизни личности, группы, общества. На глобальность общения, коммуникации обращал внимание М. Бахтин: «Само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть — значит общаться... Быть — значит быть для другого и через него — для себя... Диалогическая природа сознания, диалогическая природа самой человеческой жизни... Жить — значит участвовать в диалоге» [6, с. 312, 318]. Главным критерием адаптации становится не только и не столько фактическое выживание индивида в данной конкретной среде, сколько обеспечение преемственности существования индивида — его жизни в ряду будущих поколений (И.И. Шмальгаузен).

Общение с природой и космосом, потребность ощутить и реализовать себя в ряду прошлых и будущих поколений, которое когда-то было особенностью небольшой группы передовых людей, сегодня востребовано как норма. Абрахам Гарольд Маслоу, видный американский психолог, основатель гуманистической психологии, отмечает, что «самость» — это не просто внутренняя, уникальная сущность человека, а ее связь с безграничными возможностями развития, устремлёнными к высшим ценностям» [38, с. 151].

Важнейшей характеристикой становится категория «**ответственность**». А. Маслоу считает: «Каждый раз, принимая на себя ответственность, человек самоактуализируется...» [52, с. 58, 59]».

Влияние предшествующих поколений имеет место и на генетическом уровне, начиная с оплодотворения, при этом ребёнку передаётся информация не просто двух родителей, а через них — многих поколений. Она актуализируется в межпоколенческом взаимодействии в ходе онтогенеза.

Вопрос о **возрастных границах подрастающего поколения** приобретает важное концептуальное и методологическое значение.

Карл Манхейм, философ и один из создателей социологии знания, считал, что период формирования «характера» поколения начинается в 16-17 лет и заканчивается к 24-26 годам, когда окончательно кристаллизуются общественно-политические взгляды. [48] Однако спорным является игнорирование как поколения детей до 15 лет. Как было раскрыто выше, межпоколенческое и поколенческое взаимодействие изначально присутствует в развитии ребёнка. Да, к 15-16 годам формируются определённые поколенческие особенности: собственные ценностные установки, нормы и цели. Поколение вступает в новую фазу своей жизненной истории, когда задумывается, как действовать, начинает формулировать и пересматривать целевые установки, переосмысливать опыт. Но именно в младенческие и детские годы накапливаются впечатления, информация, значимые во взрослой жизни.

Найти выход из этого «**поколенческого парадокса**» позволяет анализ динамики возрастов внутри поколения с определением критических периодов и кризисных точек (Выготский). Если рассматривать поколенческий шаг в 30 лет, то первые 15 лет являются в жизни человека формирующим субэтапом, становлением подрастающего поколения с кризисной и поворотной точкой в 15 лет. Следующий период (15-30 лет) относится к субэтапу утверждения и экспансии в обществе нового поколения, когда для этого появляются психологические и социальные возможности

Дальнейший шаг поколенческого анализа связан с **диалектикой взаимодействия поколений** и ролью в нем подрастающего поколения. Коммуникативный подход, обогащенный психологическими концепциями и данными, позволяет структурировать развитие общества как внутр поколенческое и межпоколенческое информационно-коммуникативное взаимодействие, преемственность и смену поколений как механизм аккумуляции и обогащения человеческого опыта.

Различия между поколениями и преемственность поколений, считает И.С. Кон, — реальные механизмы взаимосвязи между индивидуальным временем развития личности и социально-историческим контекстом этого развития. Преемственность поколений селективна, одни знания, нормы, ценности усваиваются, другие отвергаются и трансформируются. Это ещё и единство, и борьба различных возрастных слоёв, в том числе детей и родителей, внутри исторической общности [33, с. 149, 153].

Конечно, поколенческая причинность переплетается с другими социальными факторами.

В переворотах прошлого молодые выступали носителями новых социальных ожиданий и иллюзий, самоотверженными ниспровергателями старых порядков. Они становились и первыми жертвами разочарований и «стабилизирующих» акций. Но иногда и инструментами таковых. Так, «культурная революция» в Китае середины 1960-х годов явилась своего рода бунтом «дедушек» (ортодоксов) против «отцов» руками «внуков». Молодые хунвейбины выполнили роль «варваров» в разрушении культурных цивилизаций. Молодёжь использовалась для подобных акций и в советское время. В первые годы строительства социалистического строя дети приносили в семью новую идеологию и привычки, нередко конфликтуя со старшими. Для этого использовалась поколенческая вертикаль «партия-комсомол-пионерия». Даже от руководителей пионерской организации времён перестройки можно было услышать: «Мы — штыки партии». Сейчас подобными «штыками» служит некоторые молодёжные движения и группировки, где делается ставка на разрушительную активность юного поколения.

Все это делает актуальным социально-психологический анализ современных механизмов межпоколенческого взаимодействия.

С 1990-х годов, считает Юрий Александрович Левада, российский социолог и политолог, что замкнутая «вертикальная» структура общества необратимо разрушена, появились контуры общества, которое вынуждено обращаться не к традиционным, а к современным референтам. В современном обществе поколения сопряжены друг с другом, довольно долго сосуществуют, влияют друг на друга [103].

Замена властной вертикали межпоколенческих отношений на горизонтальное взаимодействие сосуществующих поколений — более точная и существенная характеристика информационно-коммуникативного общества XXI века, чем развитие современных информационных технологий, которые выполняют служебную роль в этом историческом процессе.

Сосуществование имеет место и в вертикали диалога поколений. Смена поколений — это всегда обмен опытом, передача информации, необходимой для дальнейшего использования и усовершенствования имеющихся социальных реалий. И нет иного способа связи с прошлым, кроме информационной. Вне информационного контекста, передачи и принятия информационных кодов в межпоколенческой коммуникации, даже материализованная часть опыта в виде предметов труда и культуры остаётся просто грудой вещей и скоплением непонятных знаков. В принципе **информационной целостности** человеческого общества реализуется интегральное единство всех поколений людей и

их общественных производительных сил, существующих в определённые общественно-исторические эпохи. Информационная целостность находит своё выражение в концепциях коллективного разума (Моисеев, Турчин), ноосферы (Вернадский, Тейяр де Шарден), коммуникативного общества (Луман, Хабермас).

Учитывая определяющее значение информационно-коммуникативных процессов в модернизации современного общества, уровень и стадию социального прогресса можно «замерить», определив **место и роль подрастающего поколения** в информационно-психологическом пространстве, и ответить тем самым на следующий вопрос.

«Кто они, дети 2010-х годов?»

«Правда ли, что мы — дебильное поколение?» — задал мне вопрос старшеклассник во время одной из наших журналистских встреч.

И его тревога не случайна. Именно такие характеристики современные подростки часто слышат от учителей и родителей.

Поверхностное наблюдение за современными школьниками вызывает неоднозначные реакции из-за увлечения цифровыми технологиями и Интернетом. Они — знакомые незнакомцы. Отсюда возникает много мифов об их уходе в виртуальную реальность, отказе от книг и чтения и др.

Как показывают исследования, это просто иное поколение, которое отличается от других своим построением отношений с людьми и миром, своим способом общения и получения информации.

Наше исследование 2012-2013 гг. обнаруживает, что к 2010-м годам сложилось новое, **«цифровое поколение»** («медиа поколение») с иным входом в мир знаний и человеческих отношений.

По данным массового опроса (2015 человек 10-17 лет из всех федеральных округов, село, небольшой город, большой город), 93,1% респондентов пользуются Интернетом практически ежедневно, независимо от места проживания (рис. 8).

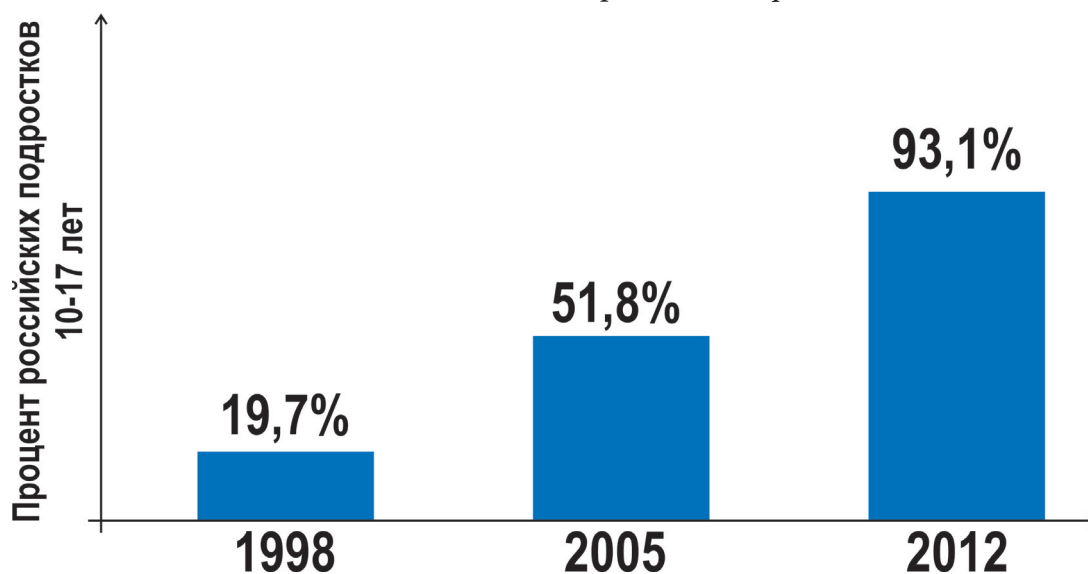

Рис. 8. Динамика роста количества российских подростков, пользующихся Интернетом

Для сравнения: по данным исследовательской группы ЦИРКОН, в 2012 году каждый день или почти каждый день выходили в Интернет 71% взрослых с 18 лет до 24 лет, чуть более 40% в поколении родителей и 13% в поколении бабушек и дедушек.

К настоящему времени уже 96% юных пользователей повседневно используют Интернет.

Дело не только в количественных изменениях. Современные дети **рождаются и живут** в условиях интернет-коммуникации. Освоение информации с помощью цифровых технологий происходит раньше, чем дети начинают читать и писать — в три-четыре года, часто стихийно, без контроля взрослых. Для современного ребёнка это главное, а иногда и единственное средство входа в мир знаний и общения. Образная и виртуальная картина мира преобладает над интеллектуальной. Но образ может быть примитивным комиксом, анимэ, а может вести к глубокому постижению того, что есть мир и общество. Ребёнок в своём развитии проходит все исторические этапы информационно-коммуникативных культур, начиная с жеста и аффектированных звуков, но в ускоренном темпе. При этом он может сформироваться мультикультурным, а может остановиться на одной из форм или деградировать к ним. Дети испытывают влияния неоднородного социального окружения, которое сохраняет разнообразные поколенческие медиакультуры (письменную, аудиальную, визуальную, компьютерную, мультимедийную). У ребёнка может возникнуть потребность в диалоге с носителями других культур, а может — их отторжение. То или иное развитие зависит от образовательных технологий. В этом широком диапазоне происходит развитие юного человека, и это та планка, которая необходима в медиаобразовании.

Существенная особенность цифрового поколения: дети и подростки не просто пользуются, они **живут посредством Интернета** (табл. 1).

**Таблица 1. Распределение ответов на вопрос
«Чем ты чаще всего занимаешься в свободное время?»
(в % от числа опрошенных, возможно более одного ответа).
Ранжировано по колонке «2012».**

	Формы досуга	1998	2005	2012
1	Проводят время с друзьями	67,4	71,1	68,5
2	Смотрят телевизор	76,7	74,2	56,2
3	Играют в компьютерные игры	29,3	44,9	47,3
4	Обмениваются информацией по компьютерной сети	5,3	12,2	46,7
5	Слушают магнитофон, проигрыватель, плеер	69,6	55,4	34,9
6	Общаются по телефону	33,1	43,7	34,3
7	Читают книги	49,1	18,1	34,1
8	Путешествуют по компьютерной сети	4,6	12,8	33,7
9	Общаются в кружке, секции, клубе, другом объединении	36,6	30,1	33,6
10	Ходят в кино	6,0	21,1	30,2
11	Проводят время с родителями или другими взрослыми	27,6	25,4	29,1
12	Смотрят видеозаписи	51,7	40,8	26,1
13	Встречаются со своей девочкой, своим мальчиком	32,1	28,8	23,9
14	Читают газеты, журналы	36,2	52,8	20,3
15	Слушают радио	51,7	40,8	15,2
16	Ходят в театры, на концерты, в музеи	15,6	15,0	13,2

Это устойчивая тенденция развития подрастающего поколения для жизнедеятельности в коллективном диалоге как начальной стадии формирования общества коллективного разума (ноосферы). Интернет и в целом информационное пространство являются продолжением, **усилением** личностного и группового социального пространства.

Несостоятельным оказывается миф о том, что Интернет уменьшает реальное жизненное пространство. Об этом свидетельствует изучение каналов информации в структуре досуга.

Если ранее первую строчку в таблице безоговорочно занимало телевидение (в 1998 году 76,7%, в 2005 году 74,2%), то в 2012 году телевидение уходит на вторую строчку (56,2%), уступая место общению с друзьями (68,5%). Компьютерные игры (47,3%) и обмен информацией по Интернету (46,7%) на третьем и четвертом месте, значительно уступая реальному общению. Растёт значимость совместных форм досуга, при этом значимость индивидуальных форм досуга уменьшается. Происходит, вопреки социальным условиям, **возрождение коллективистского сознания и установок**. Это также один сигнал движения подрастающего поколения в направлении коллективного разума.

Ещё одна особенность связана с постоянным расширением информационного и жизненного пространства юных россиян. Цифровое поколение можно охарактеризовать как «**глобальные дети**», у которых неограниченные возможности получения и переработки информации, знаний. Глобальность и свобода выбора предоставляют возможность для бесконечного расширения знаний и контактов, но требуют для этого новых качеств и механизмов самоорганизации, самообразования. В новом образовательно-информационном пространстве мы сталкиваемся с **информационным парадоксом**. Благодаря открытой и всеобъемлющей информации с помощью интернета, дети имеют возможность быть независимыми от взрослых в получении интересующих их сведений. Однако они испытывают потребность в диалоге с авторитетными взрослыми по важным для жизни сведениям и вопросам (родители и учителя занимают третью и четвертую позицию после интернета и сверстников, опережая средства массовой информации). Достижения выдающихся людей, цивилизаций и человечества, благодаря качественным каналам коммуникации, становятся доступны конкретной личности как психологические орудия и механизмы (Держак).

Интернет выходит на первое место как **источник значимой информации**, постижения реальности, а не ухода от неё (табл. 2).

Таблица 2.

Откуда подростки получают значимую для себя информацию?

	Источники важной информации	1998	2005	2012
1	Из компьютерных источников, Интернета	14,6	30,9	71,0
2	От друзей и подруг	66,8	58,8	57,5
3	От родителей	62,1	54,4	55,7
4	На уроках в школе, от учителей	65,1	51,8	52,3
5	По телевидению	54,1	45,7	40,7
6	Из книг	50,0	39,1	32,0
7	Из газет, журналов	34,9	48,4	26,7
8	Просматривая видеозаписи	26,5	18,2	25,7
9	В кружке, секции, клубе	28,6	20,6	24,6
10	Из радиопередач	23,3	18,2	13,3
11	Прослушивая аудиозаписи	28,0	13,9	12,3

Компьютерные источники, Интернет лидируют со значительным опережением — 71%. По-прежнему, существенен приоритет межличностных каналов, которые, начиная с 1990-х годов, потеснили средства массовой информации. Живое общение, **межличностное взаимодействие** с ровесниками и взрослыми, наряду с виртуальным, доминирует, когда подростку нужно что-то понять или принять важное для него решение. Данные подтверждают, что вектор цивилизационного развития с вертикали поколений переходит на равноправное горизонтальное взаимодействие. Межличностное общение у современных подростков является своеобразным «котлом», где переваривается поступающая из разных источников информация: основным фильтром для отбора значимой информации, способом экспертных оценок, придания определённых смыслов информации, порождения новой информации, на основе усвоенной индивидуально.

Итак, подрастающее поколение сделало решающий шаг к **информационно-коммуникативной цивилизации**, где основным фактором и формой прогресса становится межпоколенческое взаимодействие. Подростки с опережением, стихийно, уже живут по модели коллективного интеллекта, используя для принятия решений коммуникацию со сверстниками и взрослыми.

Новая задача медиаобразования: формирование культуры общества и юного поколения как готовности и способности жить и действовать в **межпоколенческом диалоге**, коллективном дискурсе и при этом принимать на себя индивидуальную ответственность за те или иные решения, быть субъектом информационного и социального творчества, сотрудничества.

Информационный хаос и фрагментарность, с которыми сегодня сталкивается подрастающее поколение, особенно в Интернете, определяет перенос акцентов формирования медиакультуры на обучение грамотному поиску информации, ее систематизации, освоение этических правил существования в информационном пространстве.

Вызовы времени предполагают включение в медиаобразование не только знаний и навыков поиска и переработки информации, но и обучение медиатворчеству. Можно констатировать повышение информационной и социальной активности подрастающего поколения в связи с новыми информационными возможностями. Самодеятельные информационные ресурсы по инициативе и с участием детей и подростков бурно развиваются, принимая форму движения национального масштаба по созданию своего сегмента информационном пространстве, который способствуют включению подростков во взрослую жизнь с сохранением своей автономной территории, помогает им найти своё место в ней, служат диалогу между поколениями. Человек, уже в юном возрасте проявляющий активность в информационном пространстве, решает проблемы не только в личном психологическом поле, но и становится медиалидером в межличностной коммуникации со сверстниками и даже взрослыми, определяет групповое мнение.

Информационно-коммуникативные сообщества учащихся как новая социальная реальность

Социальные сети разрешили серьёзную проблему подрастающего поколения России. После роспуска массовой пионерской организации значительное число детей и подростков лишилось коллективной жизни и оказалось в социальном вакууме.

У подавляющего большинства школьников есть формальный коллектив — учебный класс. Но далеко не всегда отношения в нем отвечают основным признакам

коллектива: связывающая всех единая цель, товарищество, коллективная деятельность, принятые всеми законы, традиции.

Есть кружки, секции. В них, по данным исследования, ходит 36% подростков, а в интернет-сетях находится более 90%. Сетевые сообщества восполнили недостающее звено коллективной организации жизни.

В исследовании 2013 года «Цифровая компетентность подростков и родителей» под руководством Галины Уртанбековны Солдатовой выяснено, что среди подростков наиболее популярна сеть «ВКонтакте», в то время как взрослых там в два раза меньше (91% и 46% соответственно). Предпочтения интернет-пользователей формируются не только в виртуальной среде, свободной от физических границ. Круг личных знакомств и окружающие подростка сообщества (одноклассники, соседи, объединения по интересам и т.п.) так же влияют на выбор интернет-сервисов и обсуждаемый сетевой контент.

Реальные и виртуальные сообщества перетекают друг в друга подобно сообщающимся сосудам и могут привести к формированию коммуникативных сообществ, что может в ближайшее время стать новой тенденцией.

Юрген Хабермас обратил внимание на коммуникативные сообщества как перспективную модель развития общества: «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий», что значимей и результативней однонаправленного воздействия на другого и действий из-за наказания или поощрения [79, с. 91-92]. Действия, опосредованные этикой дискурса, становятся источником формирования нравственных норм жизненного мира [79, с. 187-188]. Дискурс становится динамической формой социальной практики, которая конструирует личностные и групповые миры путём интернализации социальных диалогов, дискурсивными практиками.

На другом полюсе — стихийная самоорганизация в группы для защиты и выживания в условиях хаоса. Информационное взаимодействие взрослых и детей при такой системе приобретает характер межпоколенческого отчуждения. Подобная самоадаптация и самоорганизация происходят в условиях информационного хаоса и изоляции от старшего поколения в интернет-пространстве, где образуется большое количество виртуальных подростковых и молодёжных сообществ. Стадии и закономерности этого освоения Интернета похожи на космические процессы. Первая — это стремление к максимальному числу контактов. Когда «расширение» достигает размеров, не поддающихся управлению, начинается стадия «планетных сгущений» — образование небольших подгрупп по интересам или для решения локальных задач. Эти ассоциации в основном носят «текущий» (по мнению британского социолога Зигмунта Баумана), временный характер. Высшая стадия (если достигается) — это группы с дискурсивным механизмом общения и принятия решений. Все формы интернет-сообществ, стихийные и организованные, способны переходить в реальные сообщества, самоорганизация которых стимулируется информационными технологиями, как это произошло в декабре 2010 года в Москве, когда в течение нескольких часов на улицу вышли сотни подростков с заданным алгоритмом действий.

З. Бауман видит в направлении развития коммуникативных сообществ ответ на вызовы «текущей современности»: «Мы можем сказать, что в резком контрасте с патристической или националистической верой самым многообещающим видом единства является тот, что достигается, — и достигается ежедневно заново, путём противоборства, спора, переговоров и соглашений о ценностях, предпочтениях, выбранном образе жизни и идентичности множества разных, но всегда самоопределяющихся членов полиса..., — единства, которое является результатом, а не априорным условием совместной жизни,

единства, завоёванного через переговоры и согласование, а не отрицание, подавление или удушение различий» [5, с. 191].

«Самосознательное сообщество», которое существует и развивается благодаря обогащающей друг друга коммуникации, можно назвать «коммуникативным сообществом», которое имеет тенденцию к расширению пространственно-временных границ.

Учитывая сказанное выше, определяющую роль в таких сообществах процессов коммуникации и обмена информацией, с целью уточнения (в какой-то мере усиления) понятия, мы обозначили их как информационно-коммуникативные, где всеобщий диалог на принципах равноправной коммуникация субъектов обеспечивает целостность как отдельного субъекта, так и социумов, общества в целом.

Опытное изучение информационно-коммуникативных сообществ позволяет выделить следующие характерные для них особенности и технологии:

1. Гражданская направленность, ответственность за окружающий мир, изменение социальной среды (информационная открытость).

2. Своя созданная и развивающаяся в результате дискурса этика и идеология (автономность от внешней среды), накопление и обогащение самостоятельного опыта решения социальных проблем.

3. Товарищество, взаимное уважение, доверие и ответственность.

4. Разновозрастность как модель общества, межпоколенческого взаимодействия, ответственности друг за друга и за младших, сотрудничества.

5. Открытие мира как программа социализации и интеллектуальная задача индивидуализации.

6. Многообразие деятельности, соответствующей потребностям и интересам членов сообщества.

7. Взрослые и старшие в роли проводников в мир знаний и деятельности, разработчики технологий накопления, передачи и обогащения информации, культурно-исторического опыта.

8. Яркая жизнь, насыщенная событиями, богатство детских впечатлений, которые существенно влияют на всю последующую судьбу, отношение к своим детям, вырабатывают оптимистический и конструктивный взгляд на действительность.

9. Средства коммуникации и информации выступают не только способом реализации целей и решения проблем коллектива, но и служат самовыражению, самореализации его членов, являются самооценностью. Создаётся уникальное социально-лингвистическое поле, самостоятельная реальность, параллельная действительности и влияющая на неё как проектирующий идеал [89].

10. Современные средства обработки информации и способов коммуникации меняют среду обитания подрастающего поколения.

Медийный портрет современного подростка

Данные, полученные в результате социологического опроса учащихся Москвы (520 человек), проведённого в 2014 г., обнаруживают формирование нового типа подрастающего человека.

Вызывающее беспокойство пребывание в Интернете для большинства подростков на самом деле вполне разумно и целесообразно. Чаще всего, это поиск и скачивание разнообразной интересной информации, фото, видео, музыки, новостей, а также

сведений, необходимых для учёбы. Значительное время уходит на общение, чтение новостных лент. Творчество (создание и размещение видео, фото, аудио, создание своего блога) также присутствует, хотя занимает более скромное место, чем заказ и покупки разных товаров. Компьютерные игры, увлечение которыми, судя по всему, сильно преувеличено взрослыми, занимает такое же время, как творчество (табл. 3).

Таблица 3.
Что ты делаешь в Интернете?

ищу и скачиваю интересную информацию, фото, видео, музыку, новости	84,2%
ищу информацию для учёбы (работы)	75,2%
общаюсь в Интернете всеми возможными способами	60,9%
читаю новостные ленты (в том числе в социальных сетях)	51,9%
заказываю и покупаю разные товары	35,2%
играю в онлайн- и мобильные игры	30,1%
создаю и размещаю свой контент (видео, фото, аудио, свой блог)	30,1%
ищу новых друзей в социальных сетях	27,2%
пользуюсь образовательными порталами, онлайн-курсами	26,6%
ищу информацию о новинках в интернет-магазинах, выгодные предложения, акции	23,6%
общаюсь с другими людьми в онлайн-играх и виртуальных мирах	21,5%
скачиваю бесплатно все, что можно скачать, в том числе и без разрешения	19,1%
навожу критику, спорю, издеваюсь в комментариях	14,3%
ищу возможность заработать	13,1%
создаю сам сайты, программы, приложения	11,6%
другое	2%

Это реальность. А привлекателен Интернет, прежде всего, обилием интересной и развивающей информации, затем - доступностью развлечений, игр, фильмов, книг, различных ресурсов, причём быстрой и бесплатной, а также возможностями для знакомства и общения с друзьями. И только после этих возможностей следует как необходимость подготовка к занятиям в школе (табл. 4).

Таблица 4.
Что тебя привлекает в интернете?

обилие интересной и развивающей информации	73,2%
доступ к развлечениям, играм, фильмам и книгам	67,3%
возможности для знакомства и общения с друзьями	64,1%
возможности готовиться к занятиям в школе	60,1%
быстрый и бесплатный доступ к разнообразным ресурсам	55,6%

Юный москвич открыт для прогресса, считает, что новые технологии стремительно меняют мир, способствуют успеху, а также облегчают и улучшают жизнь, делают человека свободней (табл. 5).

Таблица 5.
Как новые технологии влияют на тебя и общество?

технологии стремительно меняют мир, кто успевает ими овладеть — на вершине успеха	33,1%
технологии облегчают и улучшают жизнь, делают человека свободней	27,2%
к техническим новшествам надо относиться осторожно и уметь их правильно использовать	21,0%
новые технологии ведут к непредсказуемым и часто негативным последствиям для человечества	5,9%
развитие новых технологий не несёт ни угрозы, ни особой пользы человечеству	4,4%
технологические изменения плохо влияют на здоровье и жизнь, они опасны	1,5%
затрудняюсь ответить	6,8%

Вместе с тем, юный москвич проявляет осмотрительность: к техническим новшествам надо относиться осторожно и уметь их правильно использовать. Его раздражает ложная, ненужная или негативная информация, возможность зависимости от Интернета, а также риск заражения компьютера вирусами и вредоносными программами. Он осознает, что с Интернетом связана потеря времени, а это мешает живому общению (табл. 6).

Таблица 6.
Что тебя раздражает в Интернете?

риск заражения компьютера вирусами и вредоносными программами	30,4%
ложная, ненужная или негативная информация	30,1%
зависимость, усталость и вред здоровью от постоянного нахождения в интернете	30,1%
потеря времени, мешает живому общению	29,7%

Время пребывания в Интернете является одним из показателей активности пользователя медиа и интенсивности использования им Интернета. По нашим данным имеет место следующая картина (табл. 7).

Таблица 7.
Как часто ты пользуешься интернетом?

каждый день	88,8%
один-два раза в неделю	7,4%
несколько раз в месяц	2,7%
не пользуюсь Интернетом	1,2%

Не пользуются Интернетом два мальчика и одна девочка в группе 11-13 лет, живущие на окраине Москвы.

По данным Всероссийского исследования 2013 года «Цифровая компетентность подростков и родителей» под руководством Г.У. Солдатовой, каждый восьмой

подросток в будни проводит в Интернете 5 часов и больше. В выходные присутствие детей в Интернете резко возрастает: такое же время в Сети проводит уже каждый четвёртый. Если 2/3 подростков пользуются Интернетом от 1 до 5 часов в день в будни и выходные, то почти 80 % взрослых проводят в Сети меньше 3-х часов в день,

Исследования показали, что межличностная коммуникация намного значительней и каналы информации качественнее у тех, кто занят коммуникативной и творческой деятельностью. Данные показывают, что основными мотивами занятия коммуникативной деятельностью являются: 1) увлечение интересным занятием, возможность через неё реализовать себя; 2) возможность общаться с друзьями и интересными взрослыми; 3) ориентированность на будущую профессию, причём уже в юном возрасте 16,5% готовы делать полезное для других, изменять окружающий мир.

Основные качества, составляющие специфику участников коммуникативной деятельности и позволяющие добиться успехов в юном возрасте — это, прежде всего, любопытство к событиям действительности и потребность в активной коммуникации, поведать остальным о своих жизненных впечатлениях, тем самым реализуя и обогащая себя, а также открытость как полноценная коммуникация, включающая стадии видения и освоения нового, оценки, создания адекватного информационного продукта и его распространения для максимально возможной аудитории. Данные качества являются психологическим орудием роста личности.

Самоосуществляющийся в коммуникативной деятельности человек, создавая значимое для других, создаёт значимое для себя, изменяет и творит свою личность. Французский исследователь и идеолог медиаобразования Жак Гоне утверждает: если подростки из-за невозможности реально изменить мир высказывают свои мнения о нем, то подобное средство массовой информации становится своего рода проектом, планом изменения жизни [6, с. 101].

Когда подобные идеальные образы и проекты рождаются в информационном и других видах творчества юных авторов, возникает двойной психологический эффект: их создатели проектируют не только своё будущее, но и своей группы, поколения.

Как отмечает А.Г. Маслоу, обучение творчеству, креативности, обучение через творчество чрезвычайно важно не столько для подготовки людей к творческим профессиям или производству произведений искусства, сколько для создания самоактуализирующейся личности, в «очеловеченного» человека [52, с. 69].

А. Маслоу считает, что в условиях огромного ускорения науки, техники и технологического прогресса требуется изменение отношения человека к миру, назрела необходимость иного типа человека, «способного жить в постоянно изменяющемся, постоянно движущемся мире... человека, которого изменения воодушевляли бы, человека, способного к импровизации, который мог бы с честью и с радостью встретить неожиданную, новую для него ситуацию» [52, с. 70]. «Каждый раз, принимая на себя ответственность, человек самоактуализируется... [52, с. 58, 59]. Нужно быть готовыми к ежедневному и кропотливому труду выявления собственных возможностей. Ответственность становится наиболее значимой для характеристики способности личности не просто к творчеству, а к жизнетворчеству.

ВАЖНО. Сказанное выше, реальный опыт совместной деятельности с детьми и подростками, многолетние исследования в этой сфере позволяют автору с оптимизмом относиться к подрастающему поколению России и призывать к этому Вас, Уважаемый Читатель. Уверен, что подрастающее поколение действительно готово взять на себя ответственность за свою страну.

■ ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Уважаемый Читатель!

Наше Путешествие в мир информации подошло к своему завершению. Давайте, в этой связи, сделаем некоторые важные, на наш взгляд, обобщения.

Обобщение первое.

Информационно-коммуникативные процессы находятся в основании мироустройства, являются всеобщим фактором и механизмом существования и развития вероятностных систем с обратной связью в результате всеобщего взаимодействия. Механизмы самоорганизации: вариантность развития и отбор. Способность использовать и накапливать информацию в ходе взаимодействия становится важнейшим механизмом функционирования, сохранения стабильности и новообразования, прорыва систем к высшему уровню.

Обобщение второе.

Возникновение самосознающей Вселенной — Человека и Человечества — является закономерным процессом усложнения средств коммуникации.

Обобщение третье.

Развитие средств информации и способов коммуникации в обществе происходит как приращение, усиление естественных органов чувств и мышления человека вплоть до расширения нервной системы и мозга человечества в масштабах освоенной Вселенной — ноосферы (инфосферы) — сферы ответственности человека и человечества за развитие Космоса.

Обобщение четвертое.

Основная закономерность информационно-коммуникативной эволюции — все средства коммуникации лежат в основе нового средства и продолжают своё параллельное существование в изменённом виде.

Обобщение пятое.

Человек в своём развитии в детском и юношеском возрасте проходит все этапы развития средств информации и коммуникации, он может и должен стать «мультимедиакультурной» личностью с окружающей его мультимедийной средой; ответственным за развитие социума — от близких и товарищей до планеты и космоса.

Важно отметить, что на основе представленного материала возможно краткосрочное и долгосрочное социальное проектирование личностных и групповых траекторий развития подрастающего поколения, разработка программ, связанных с информационно-коммуникативными взаимодействиями. Подобный опыт успешно реализуется в проектах по созданию информационно-образовательного пространства столицы Лигой юных журналистов по заказу и при поддержке Департамента образования г. Москвы.

Заранее благодарен за все замечания и предложения, а также полемические суждения в свой адрес: Sbz-2@mail.ru

Ваш Автор

■ ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. К проблеме социальной обусловленности психического // Вопросы философии. 1970. № 6.
2. Адлер А. Понять природу человека. СПб: Академический проект, 1997.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: МГУ, 1980.
4. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.
5. Бауман З. Текучая современность. СПб: Питер, 2008.
6. Бахтин М.М. К методологии литературоведения. М.: Контекст, 1974 // Литературно-теоретические исследования. М., 1975. С. 203-212.
7. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994.
8. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2008.
9. Библер В.С. Диалог культур и школа XXI века // Школа диалога культур. Идеи. Опыт. Проблемы. Кемерово: АЛЕФ, 1993.
10. Бодрийяр Жан. К критике политической экономии знака. М.: Библион Русская книга, 2004.
11. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб: Питер, 2008.
12. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000.
13. Вербицкая Т.А. Влияние системы Интернет на психосемантическое пространство пользователя. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата психологических наук / Московский педагогический государственный университет. М., 2002.
14. Винер Н. Человек управляющий. СПб: Питер, 2001.
15. Винтерхов-Шпурк Петер. Медиапсихология. Основные принципы. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007.
16. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребёнок. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
17. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. М., 2006.
18. Выготский Л.С. Развитие личности и мировоззрения ребёнка // Психология личности. Том 2. Хрестоматия. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2008. С. 379–416.
19. Глик Д. Информация. История. Теория. Поток. М.: АСТ CORPUS, 2013.
20. Гонне Ж. Школьные и лицейские газеты. М.: ЮНПРЕСС, 2000.
21. Гуманитарные исследования в Интернете. М.: Можайск-Терра, 2000.
22. Дольто Ф. На стороне ребёнка. Екатеринбург: У-Фактория, 2003.
23. Дятлов С.А. Принципы информационного общества // Информационное общество. 2000. Выпуск 2. С. 77–85.
24. Емельянов Г.В., Лепский В.Е., Стрельцов А.А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47–51.
25. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.
26. Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования. Часть 1. М.: МГУ, 2007.
27. Истмен Ч.А. Моё индийское детство. М.: Восход, 2003.
28. Каган М.С. Мир общения. М.: Политиздат, 1988.
29. Капица С. Парадоксы роста: Законы глобального развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2012.
30. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-фактория, Изд-во Гуманитарного университета, 2004.
31. Кемпински А. Психопатология неврозов. Варшава, 1975.
32. Кон И.С. Вкус запретного плода. М.: Молодая гвардия, 1992.
33. Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978.
34. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, 2005.

35. Леви-Строс Клод. Неприрученная мысль (1962) // К. Леви-Строс. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 111–336.
36. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
37. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
38. Лепский В.Е. Технократический подход к информатизации общества – источник угроз национальной безопасности России // II Всероссийская научная конференция «Россия XXI век». М., 1999.
39. Липпман Уолтер. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
40. Лисина М.И. Формирование личности ребёнка в общении. СПб.: Питер, 2009.
41. Лишин О.В. Педагогическая психология воспитания. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.
42. Лотман М.Ю. Феномен культуры // Труды по знаковым системам. 10. Семиотика культуры. Тарту: Издательство ТГУ, 1978. (Учёные записки Тартуского государственного университета. Выпуск 463.).
43. Луков В.А., Меламуд В.Э. Компьютер и школа: Социокультурные последствия компьютеризации. М., 1998.
44. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
45. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005.
46. Макеев П.С. Межпоколенческий диалог: обзор теоретических подходов и концепций // Социальная политика и социология. 2012. № 2. С. 221–231.
47. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007.
48. Манхейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
49. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. Том 3.
50. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. Том 35.
51. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. Том 42.
52. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб: Издательская группа «Евразия», 1997.
53. Мид Джордж Герберт. Избранное. М.: ИНИОН РАН, 2009.
54. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
55. Моисеев Н.Н. Информационное общество как этап новейшей истории // Свободная мысль. 1996. № 1.
56. Моль А. Социодинамика культуры. М.: КомКнига, 2005.
57. Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2003.
58. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
59. Пейперт Сеймур. Переворот в сознании: Дети, компьютеры и плодотворные идеи. М.: Педагогика, 1989.
60. Пиаже Ж., Инхельдер Б. Психология ребёнка. СПб: Питер, 2003.
61. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974.
62. Психологический словарь. М.: Педагогика-Пресс, 1996.
63. Постман Нэйл. Исчезновение детства (1988). [Электронный ресурс]. URL: https://interest.files.wordpress.com/2011/09/postman-neil_deti.pdf (дата обращения 15.09.2015).
64. Рейд Э. Идентичность и кибернетическое тело // Массовая культура, современные западные исследования. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005.
65. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности. М.: Мир, 1994.
66. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
67. Сартр Жан-Поль. Слова. М.: Прогресс, 1966.
68. Сет Л. Программируя Вселенную: Квантовый компьютер и будущее науки. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
69. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. СПб: СПбГУП, 1996.

70. Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. М.: Молодая гвардия, 1979.
71. Таратута Е.Е. Социальный смысл виртуальной реальности. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб, 2003.
72. Тесла Н. Мои изобретения / Тесла: наследие гения: избранные работы. М.: Эксмо, 2010.
73. Толстых А. Возрасты жизни. М.: Молодая гвардия, 1988.
74. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.
75. Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. М.: ЭТС, 2000.
76. Украинцев Б.С. Отображение в неживой природе. М.: Наука, 1969.
77. Урсул А.Д. Природа информации. М.: Политиздат, 1968.
78. Уэбстер Френк. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.
79. Хабермас Юрген. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2006.
80. Фейербах Л. Избранные философские произведения в двух томах. Том 1. М.: Госполитиздат, 1955.
81. Фельдштейн Д.И. Социальное развитие в пространстве-времени Детства. М: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1997.
82. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. М: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2004.
83. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теории и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
84. Флэйк-Хобсон Е., Робинсон Б.Е., Скин П. Мир входящему: развитие ребёнка и его отношений с окружающими. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1992.
85. Фрезер Джеймс Джордж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1983.
86. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий. М.: Айрис-пресс, 2005.
87. Цукерман Г.А. Виды общения в обучении. Томск: Пеленг, 1993.
88. Цымбаленко С.Б., Шариков А.В., Щеглова С.Н. Информационное пространство российского подростка в постсоветский период. М.: НИИ школьных технологий, 2006.
89. Цымбаленко С.Б. Подросток в информационном мире: практика социального проектирования. М.: НИИ школьных технологий, 2010.
90. Цымбаленко С., Шариков А., Жилавская И., Майорова-Щеглова С., Макеев П. Мониторинг и анализ московского информационно-образовательного пространства. М.: Редакционно-издательский центр МГГУ имени М.А. Шолохова, 2013.
91. Черри К. Человек и информация. М.: Связь, 1972.
92. Шадриков В.Д. Происхождение человечности. М.: Логос, 2003.
93. Эйген М., Винклер Р. Игра жизни М.: Наука, 1979.
94. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6-21.
95. Эриксен Т.Х. Тираний момента. Время в эпоху Информации. М.: Весь мир, 2003.
96. Эфроимсон В.П. Педагогическая генетика. Родословная альтруизма М.: Тайдекс Ко, 2003.
97. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: AirLand, 1994.
98. Янгель Л.Б. Информатизация в глобализирующемся мире: философский анализ. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. М., 2004.
99. Becker Howard S. Outsiders: Studies In The Sociology Of Deviance Paperback — March 1, 1997. P. 230.
100. Mead G.H. Self and Society. N.Y., 1934.
101. Shuman H., Scott J. Generation and Collective Memories // American Sociological Review. 1989. P. 359-381.
102. Turchin V., Joslyn C. // Kybernetes. 1991. Vol. 19. № 2, 3.
103. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Сергей Борисович Цымбаленко —
кандидат философских наук,
доктор педагогических наук,
Почётный работник сферы молодёжной политики Российской Федерации.

Более сорока лет занимается журналистской и научно-практической деятельностью в области информационно-коммуникативной деятельности подрастающего поколения.

Является президентом молодёжного творческого объединения ЮНПРЕСС, одним из инициаторов консолидации детских редакций в Лигу юных журналистов, вице-президентом Всероссийского форума детского и юношеского экранного творчества «Бумеранг».

Опыт работы Сергея Борисовича по развитию медиакультуры подрастающего поколения, приобщения детей и молодёжи к активным преобразованиям общества с помощью участия в деятельности средств коммуникации и информации обобщён в многочисленных публикациях и работах, в том числе в методическом разделе портала www.ynpress.com.

